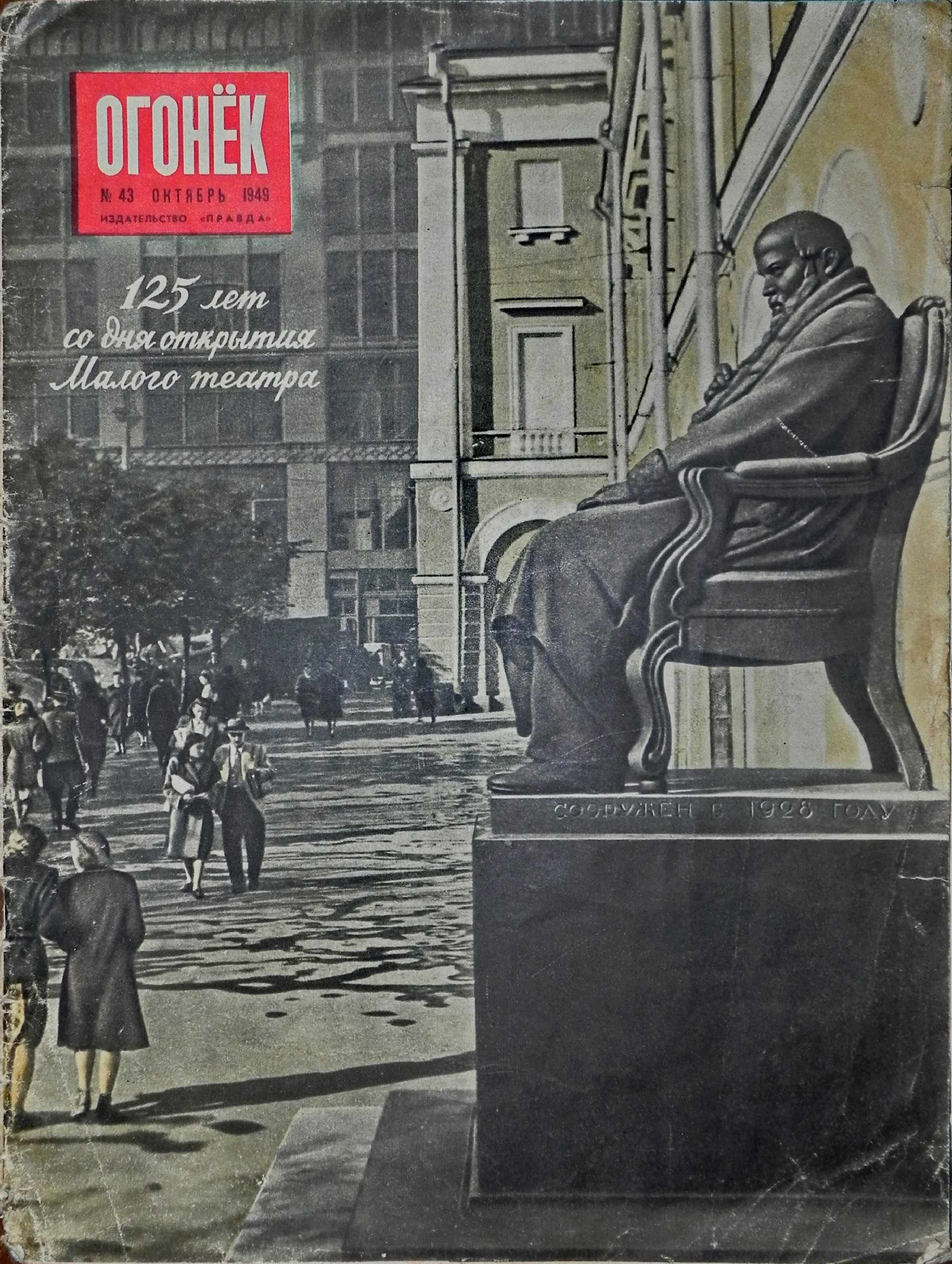
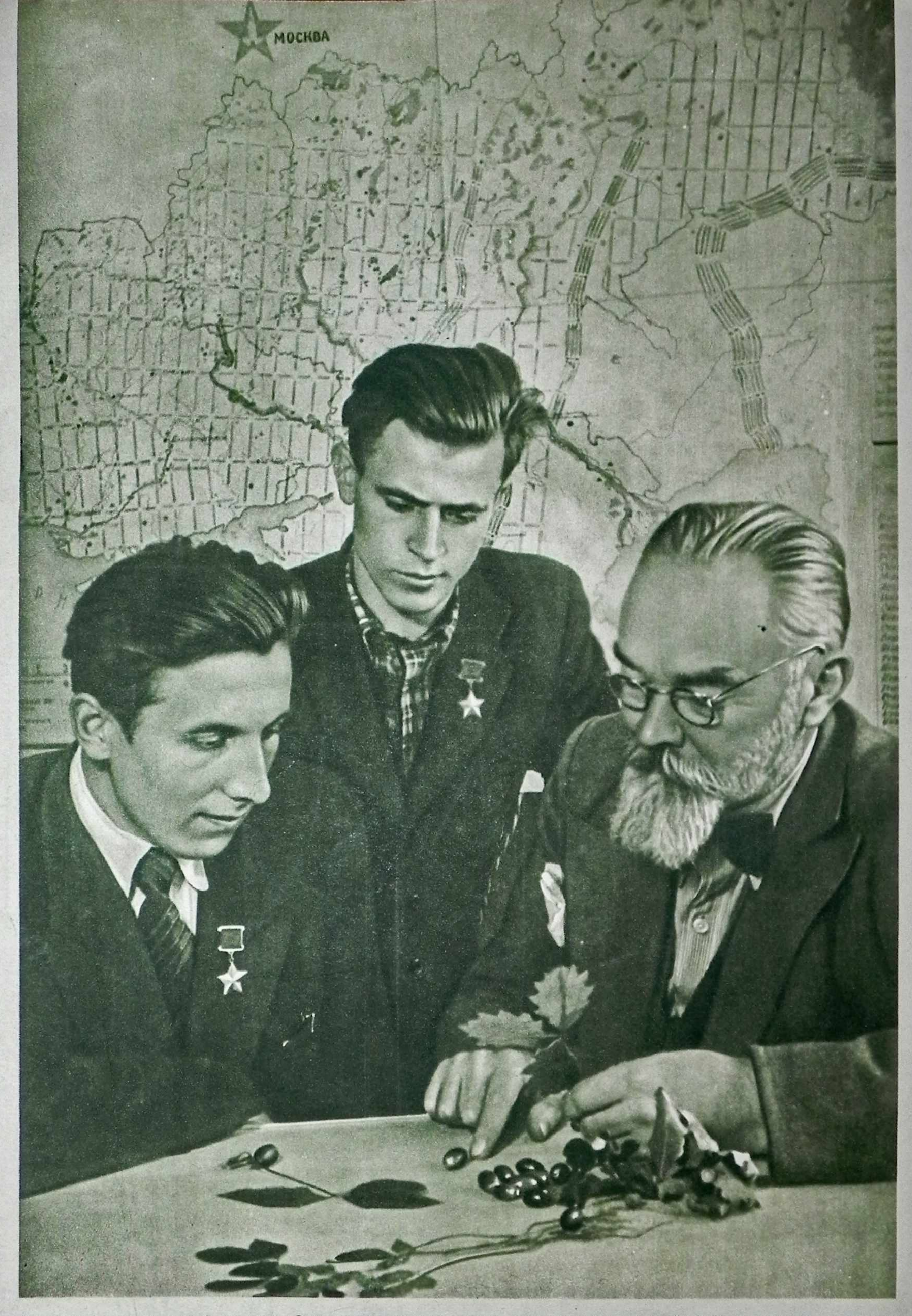


ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
125 лет со дня открытия Малого театра
СООРУЖЕН В 1928 ГОДУ



Московский лесотехнический институт. Заведующий кафедрой лесных культур профессор К. В. Войт беседует со студентами лесопаркового факультета Героями Советского Союза Владимиром Юдиным (слева) и Николаем Баздыревым.

Фото А. Становова

На первой странице обложки: У Малого театра. Фото Б. Дмитриева. На последней странице обложки: В театральном училище имени М. С. Щепкина при Государственном Академическом Малом театре. Занятие по мастерству актера на 4-м курсе проводит заслуженный артист РСФСР лауреат Сталинской премии Н. А. Анненков. Фото Б. Дмитриева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 43 (1168)

23 ОКТЯБРЯ 1949

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

27-й год издания

ВСТРЕЧА СО СТАРЫМИ ДРУЗЬЯМИ

27 октября вся Советская страна отмечает 125-летие Государственного ордена Ленина Академического Малого театра.

На предприятиях, в рабочих клубах и дворцах культуры проходят встречи актеров театра с трудящимися Москвы и Московской области.

Коллектив дважды орденоносного завода «Серп и Молот» отметил юбилей старейшего театра большим торжественным вечером.

В своем докладе о творческом пути и истории Малого театра режиссер Б. И. Никольский напомнил собравшимся о том, что в 1922 году, когда при театре был организован репертуарно-художественный совет из представителей общественных и рабочих организаций, в его состав вошли и делегаты «Серпа и Молота».

С этого же времени театр принимает шефство над художественной самодеятельностью завода, ведущие режиссеры театра руководят кружками.

О долголетней дружбе двух славных коллективов говорил старейший рабочий завода И. М. Романов. Спектакли Малого театра, сказал он, вдохновляют нас на новые трудовые победы.

Знатные люди завода, приветствуя коллектив Малого театра, благодарили его за создание волнующих спектаклей, которые вызывают чувство гордости за самое передовое в мире советское искусство.

После торжественной части состоялся большой концерт.



На фото: знатные люди завода приветствуют артистов Малого театра.

Слева направо (в первом ряду): заместитель директора завода И. Г. Пашко, старший мастер завода С. В. Чесноков, лауреат Сталинской премии Л. В. Марморштейн, народная артистка Союза ССР Е. Д. Турчанинова, артистка А. А. Непомнящая, режиссер Б. И. Никольский, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии Е. М. Шатрова; во втором ряду: техник А. А. Попов, старший мастер И. М. Романов, старший мастер И. И. Туртанов, заслуженный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии И. А. Любезнов, старейший мастер завода С. В. Каекин.

Фото А. Гостева

Малый театр и русская культура

Леонид ЛЕОНОВ

«Дом Щепкина», как издавна называли москвичи свой любимый Малый театр, был родным домом наших великих предков.

Основоположник русского сценического реализма Михаил Семенович Щепкин, знаменитый Мочалов и другие корифеи прославленной труппы Малого театра были не только друзьями, но и прямой духовной родней лучших людей России — Пушкина и Гоголя, Грибоедова и Герцена, Белинского, Чернышевского. В «Доме Щепкина» облекалась в плоть и кровь прогрессивная, революционная русская мысль — сцена Малого театра была могучим рупором, гулко разносившим передовые идеи по всей России.

Ныне «Ревизор» или «Горе от ума», «Гроза» или «Таланты и поклонники» — лишь бессмертная русская классика, пьесы, показывающие далекое и безвозвратно ушедшее прошлое. Но в пору их появления на сцене Малого театра это были произведения современные, со всей остротой поднимавшие самые актуальные общественно-политические проблемы того времени. Это была боевая, воинствующая драматическая литература, с одной стороны, разоблачавшая вопиющие несправедливости царского строя, а с другой,— призывавшая к борьбе со звериным укладом старой жизни.

Вспомним, в какую ярость привела императора Николая Первого злая комедия Гоголя, вспомним, как разгневался министр финансов граф Канкрин, посмотрев эту «глупую фарсу». Таково было мнение тогдашних правящих кругов о «Ревизоре», пришедшем обревизовать их самих — бездушных, варварских управителей огромной, скованной ими страны. И эту пьесу осмелился поставить и сыграть — да еще так ярко и беспощадно — казенный императорский Малый театр!

Поставить гоголевского «Ревизора» в годы его написания было делом поистине жизнеопасным. И на это дело отважно, решительно шел Малый театр, который по справедливости может быть назван духовным оружием русского искусства, передовой русской культуры.

«Ревизор» Гоголя стал тем спектаклем, который лучшие люди Малого театра пронесли, как знамя, через все черные десятилетия. «Ревизор» и «Горе от ума» были как бы оселками, на которых пробовали свое дарование лучшие актеры эпохи. И сыграть Чацкого или Хлестакова, Фамусова или Городничего в Малом театре — это значило получить высшую «степень посвящения» в высокое звание русского актера-гражданина.

С величайшим волнением переступил я впервые порог Малого театра, где блистало великолепное созвездие мастеров.

Я слышал и навсегда запомнил глубокий, страстный голос Ермоловой — этого непревзойденного «певца женского подвига», как назвал Марию Николаевну В. И. Немирович-Данченко. «Когда мы вспоминаем,— говорил он в 1907 году, на чествовании великой русской актрисы,— ваши сценические создания, сотканные из тончайших страданий, мы называем вас певцом женского подвига... Когда мы вспоминаем другие ваши образы, палящие огнем, проникнутые безграничной любовью к свободе и ненавистью к гнету, нам хочется крикнуть историкам наши требования, чтобы в их книгах, рядом с портретами борцов за свободу, портрет Ермоловой находился на одном из почетных мест».

Я видел в комедиях Островского одареннейшую из актерских семей, семью Садовских, и, как музыкой, упивался мастерством их русской речи. Они раскрывали жизнь во всех ее тогдашних противоречиях, и после Островского на сцене Малого театра ничья совесть уже не могла «отговариваться незнанием». Это был призыв к действию, к борьбе с темным царством.

«Поверх равнодушного партера творцы Малого театра,— писал талантливый артист М. Ф. Ленин,— обращались к демократии, к учащимся, к разночинцам, к тем представителям народа, которые ежедневно заполняли его ярусы и галлереи».

Малый театр принято было называть «вторым московским университетом». И это действительно так, ибо в стенах Малого театра наглядно преподавалась наука гуманизма и лекторами были такие гиганты, как Пушкин, Фонвизин, Гоголь, Грибоедов, Островский, Лев Толстой. Поэтому говорить о Малом театре — это всегда значило говорить о самом важном в русской общественной жизни. «Искусство можно творить только с жизнью, только отталкиваясь от жизни»,— учил М. С. Щепкин.

Герцен писал о современном ему московском театре как «о высшей инстанции для решения жизненных вопросов» (писалось это явно о Малом театре):

«Все тяготящее, занимающее известную эпоху, само собою вносится на сцену и обсуживается страшной логикой событий и действий, развертывающихся и свертывающихся перед глазами зрителей... Жизнь схвачена и, между тем, не остановлена; напротив, стремительное движение продолжается, увлекает зрителя с

Ведущий состав труппы Московского академического Малого театра (снимок 1949 года).
Фото М. Сахарова



собой, и он с прерывающимся дыханием, боясь и надеясь, несется вместе с развертывающимся событием до крайних следствий его...»

«Малый театр,— писал К. С. Станиславский,— лучше всяких школ подействовал на мое духовное развитие. Он научил меня смотреть и видеть прекрасное. А что может быть полезнее этого воспитания эстетического чувства и вкуса!.. Малый театр стал тем рычагом, который управлял духовной, интеллектуальной стороной нашей жизни».

Но Малый театр был не только университетом. С этой ролью он совмещал и не менее почетные функции букваря для простого люда.

Конечно, это был не единственный букварь жизни. Но у Малого театра была своя, особая, роль.

Рядовой, даже неграмотный россиянин, прибывший в Москву из захолустья, без затруднения, по складам учился в Малом театре той грамоте умного патриотизма, душевной чистоты, общественной действенности, которые весьма пригодились народу.

В книгах людей 40-х годов, статьях и воспоминаниях восьмидесятников мы находим волнующие страницы о том революционном воздействии, какое имело для них посещение Малого театра.

«Овечий источник», показанный в 1876 году с М. Н. Ермоловой в роли Лауренсии, из театрального спектакля превратился в политическую демонстрацию. В зрительный зал передалась страстная любовь к свободе — уже не Лауренсии, а самой Ермоловой — и не менее страстная ненависть к тирании.

И трагедия Лопе де Вега немедленно была запрещена цензурой.

Таким образом, чествуя сегодня Малый театр, мы выражаем чувства благодарности его блестящим актерам не только как исполнителям, которые свыше века подряд ежедневно потрясали зрителей своим безупречным и точным искусством, но и как учителям, которые и нас, и отцов, и дедов наших учили великой грамоте правды.

Можно себе представить, как звучал в старые годы в Малом театре Островский. Это была пора, когда зарождался и поднимал голову молодой, не очень умный, но уже такой резвый русский капитализм, хотя и не умевший еще грабить так искусно и тонко, как это делает, скажем, сегодня капитализм заокеанский, достигший виртуозности в ремесле ограбления и индивидуумов и государств.

Малый театр мечтал поставить и пьесы А. М Горького, с такой силой показавшего, как страшно хрустели кости русского рабочего люда на зубах всяких рябушинских — «тигров» восходящего отечественного капитализма. Но для императорской сцены Горький находился под строжайшим цензурным запретом. И очень знаменательно, что в числе первых постановок Малого театра после Великой Октябрьской революции была пьеса Горького «Старик». А в последующие годы здесь были поставлены и «Враги», и «Варвары», и «Мещане».

Труппе Малого театра не всегда удавалось проводить и отстаивать свою репертуарную линию. Дирекция императорских театров время от времени обращала пристальный и подозрительный взор на либеральные настроения и тенденции московского Малого театра. И тогда из репертуара беспощадно изгонялось всякое

«Труппа, чтобы разыграть изящное драматическое произведение сообразно его художественному достоинству, т. е. чтобы докончить, воплотить данные автором характеры и положения, возвратить опять в жизнь извлеченные автором из жизни идеалы, должна быть, прежде всего, слажена, сплочена, однородна.

...Слаженная труппа, при всем разнообразии талантов, ее составляющих, представляет одно целое: у всех артистов ее один прием, пошиб,— нечто общее, что называется преданием (традицией), школой.

...Но если, вследствие особых благоприятных обстоятельств, традиции хороши, правильны, не имеют в себе ничего условного, чисто художественны,— тогда труппа является инструментом совершенным, о каком только могут мечтать драматические писатели, каких бы они талантов, стран и веков ни были.

К такому совершенству... близка труппа московского Малого театра... Театральная школа, художественная дисциплина и строгий, постоянный контроль над исполнением были основой того блестящего художественного ансамбля, которым дивила публику при исполнении серьезных пьес московская драматическая труппа».

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

свободомыслие, предписывалось ставить переводные развлекательные комедии, водевили с пением и танцами либо низкопробную, но зато благонамеренную стряпню некиих отечественных драмоделов. Сколько горьких жалоб и сетований на этот счет рассеяно в письмах Островского к друзьям!

Широко известны мечтания Островского о театре — выразителе дум и чаяний народа, о театре, доступном широким трудовым массам; этим мечтаниям, в ту пору еще «бессмысленным», суждено было в полной мере сбыться уже в нашу советскую эпоху.

Великая Октябрьская социалистическая революция предоставила Малому театру все возможности творить свое искусство для народа.

Когда в 1920 году советское правительство по инициативе В. И. Ленина присвоило М. Н. Ермоловой в день 50-летнего юбилея ее сценической деятельности звание народной артистки республики, величайшая актриса ответила, что с гордостью принимает такое имя, потому что «всю свою душу Малый театр отдавал народу, и всегда стремились к нему и он, и я. И до конца дней мы всегда принадлежим народу».

И если велики заслуги коллектива Малого театра перед русской культурой в прошлом, то драгоценен вклад Малого театра и в новую, социалистическую культуру Советской страны.

С первых лет революции Малый театр неустанно и энергично работает с современными писателями над созданием полноценных пьес, в художественных образах воплощающих нашу замечательную эпоху — эпоху свободного, творческого труда, эпоху героизма и созидания. Постановкой «Любови Яровой» К. А. Тренева Малый театр продемонстрировал свою чуткость, свое уменье правдиво и вдохновенно воплощать на сцене не только страницы прошлого, но и наш сегодняшний день, нашу борьбу, наших людей.

Прежний классический репертуар Малого театра год от году пополнялся и продолжает пополняться новыми постановками — лучшими пьесами наших современников. На сцене Малого театра сыграно свыше 60 пьес советских авторов.

Ставить, играть пьесы о сегодняшнем дне — всегдашняя и органическая творческая потребность Малого театра. Об этом искренно и взволнованно говорили все ведущие актеры театра, это их общее чувство и стремление превосходно выразил в ряде своих статей по вопросам репертуара П. М. Садовский. И эти статьи содержат серьезные и справедливые упреки в адрес литераторов.

«Сейчас перед нами стоит,— писал Пров Михайлович в 1938 году,— почетная задача отображения героических дел и людей нашей родины. Но драматурги не дают нам таких пьес, таких ролей. Давно пора нашим драматургам дать нам возможность сыграть нашего героя,— простого, скромного, даже стесняющегося своей славы человека, который, если этого требуют интересы родины, совершает такие подвиги, о которых даже не смеют мечтать на Западе... Но нет у нас возможности воплотить эти чудесные образы жизни в художественные образы, потому что не написаны пьесы, нет ролей... Я не ошибусь, если скажу, что нет в актерской семье человека, который не мечтал бы сыграть роль героя».

Малый театр — и это не мое индивидуальное впечатление — умеет внушить автору очень большую ответственность за то общее дело, какое призваны делать драматург и актеры.

Как требователен должен быть к себе сценический писатель! Об этом весьма и весьма должны подумать те современные драматурги, чьи пьесы удостоены принятия Малым театром.

Малый театр всегда был хранителем классической образцовой русской речи. Равным образом современный драматург никогда не должен забывать, что, если его пьесе суждено воплотиться в Малом театре, язык его пьесы будет неминуемо подвергаться сравнению с тем великим и могучим русским языком, который звучал так симфонически на этих подмостках на протяжении целого столетия.

«Дом Щепкина» внес и продолжает вносить богатейший вклад в сокровищницу нашей родной культуры. Неоценимо значение Малого театра в развитии отечественной драматургии.

Бывают театры, которые приходят и уходят, содеяв все положенное им и израсходовав весь отпущенный им «порох». Но Малый театр будет существовать, покуда звучит русская речь.

И, значит,— вечно!





Сцена из 3-го действия спектакля «Великая сила» Б. Ромашова.

ОБРАЗ СОВРЕМЕННИКА

К. ЗУБОВ,
лауреат Сталинской премии, народный артист РСФСР

На протяжении всей истории Малого театра лучшие его представители всегда глубоко ощущали идейную и общественную значимость театрального искусства, его огромную воспитательную роль. Поэтому и к выбору репертуара они относились с чувством гражданской ответственности.

Разумеется, в те времена, когда репертуар диктовали чиновники из «Конторы императорских театров», ни Мочалов и Щепкин, ни Садовские и Федотова, ни Ленский и Южин не были вольны ставить те пьесы, которые считали нужными, отвечавшими запросам народа. Однако и в условиях дореволюционной России Малый театр, несмотря на притеснения со стороны цензуры, оставался рупором прогрессивных идей своего времени. Воплощая лучшие произведения русской и мировой классики, театр выражал протест передовых людей века против социальной несправедливости и угнетения.

Образы современности всегда волновали и привлекали мастеров нашего театра. Поэтому с таким подъемом встретил Щепкин появление гоголевского Городничего и грибоедовского Фамусова. Поэтому такую яркую сценическую жизнь обрели герои Островского в исполнении целых актерских династий — Садовских или Музилей-Рыжовых.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла Малому театру второе рождение, избавила его от чиновничьего самодурства, от обывательской драматургии. В зрительный зал старейшего русского театра пришел новый, пролетарский зритель, участник революции, строитель социалистического общества. Новый зритель властно требовал нового репертуара: он хотел увидеть на сцене себя и своих товарищей, образы врагов, с которыми ему приходилось бороться, свои великие исторические деяния и свои трудовые будни.

Октябрьская революция «вдохнула в Малый театр новую жизнь, она открыла перед ним, театром реализма, колоссальные, невиданные перспективы,— писала «Правда» в передовой статье в связи с награждением Малого театра орденом Ленина. — Социалистическая революция дала Малому театру сотни тысяч новых зрителей, и перед нашей советской аудиторией возродилось и расцвело его искусство. Великая социалистическая революция дала театру и новую тематику: заслуга коллектива Малого театра, что он сумел эту новую тематику освоить, не только не снижая, а безмерно повысив художественный уровень своих спектаклей».

Образы современников революции начали свою сценическую жизнь в спектакле «Лево руля» В. Билль-Белоцерковского, а затем — в пьесе К. Тренева «Любовь Яровая».

В «Любови Яровой» артисты Малого театра впервые выступили в новых, непривычных для них ролях, которые не имели ничего общего с прежними «амплуа» дореволюционного репертуара. Но искренность переживаний, ощущение современности позволили актерам с предельной правдивостью передать образы людей революционной эпохи. В свое время «Правда» писала: «Любовь Яровая» — блестящий, красочный спектакль о суровых и незабвенных днях гражданской войны, спектакль, красота и сила которого никогда не увянут».

Этим спектаклем Малый театр утвердился на новых путях. В стремлении показать пафос борьбы за торжество революции, показать столкновение старого, буржуазного, уходящего мира и нового, светлого мира социализма театр осуществил в последующие годы такие постановки, как «Огненный мост» Б. Ромашова и «Скутаревский» Л. Леонова.

В пьесе «Огненный мост» скрещиваются в различные периоды первого десятилетия советской власти жизненные пути брата и сестры Дубравиных.

Они оказываются в двух, враждебных лагерях. Геннадий — белогвардейский поручик, в дальнейшем диверсант, проникающий в Советскую страну из эмиграции; Ирина — разведчица при красногвардейском штабе, проявляющая близорукую жалость к брату — «лежачему врагу», который во вред Родине использует преступное малодушие сестры. С большой глубиной и чуткостью раскрывала в этом спектакле В. Пашенная трагедию Ирины. Это был противоречивый, но цельный характер, закономерно развивавшийся в ходе действия. Осознавая свою вину, Ирина говорит в финале пьесы: «Я поняла все. Но это дается не сразу». Вот это сокровенное «не сразу» тонко показывала В. Пашенная.

Идейный разрыв, оттолкнувший Любовь Яровую от ее мужа, поручика Ярового, противопоставивший друг другу брата и сестру Дубравиных, остро чувствовался и в истории семьи профессора Скутаревского. Написанная Л. Леоновым на сюжет его одноименного романа, пьеса «Скутаревский» была посвящена идейной перестройке русской интеллигенции. История семьи Скутаревских была поучительна не только тем, что ученый превращался в сознательного участника социалистической стройки, но и тем, как гибло все болезненное и классово чуждое, взращенное в его семье. Сложную психологию Скутаревского мастерски раскрывал Н. Рыбников.

Шли годы — и жизнь, современная действительность выдвигали перед театром все новые и новые темы. Такие проблемы, как политическое самоопределение русской интеллигенции, безвозвратно отошли в прошлое: кто не перевоспитался, не приобщился к великому, всенародному делу строительства социализма, был выброшен из активной жизни. Но в своем развитии советское общество неизбежно должно было объявить беспощадную войну многообразным пережиткам капитализма в сознании людей, объявить борьбу всему тому, что мешает советским труженикам быстрее двигаться к коммунизму.

Эту борьбу с пережитками индивидуалистической, частнособственнической психологии Малый театр попытался, в частности, запечатлеть в спектакле «В степях Украины» А. Корнейчука.

Интерес пьесы заключался и в ее новой для Малого театра колхозной теме, и в ее ярком украинском национальном колорите, и в своеобразном, сочном юморе. Упрямый Галушка, отгородившийся от внешнего мира, довольствующийся своими «пампушками с салом» и упорно отказывающийся торопиться с переходом к коммунизму, ибо ему «и в социализме хорошо»; острый, воинственный Чеснок, чья старая партизанская закваска требует активного действия, новаторства; пара-

> *«...Малый театр является хранителем лучших театральных традиций и продолжателем того великого дела создания национального драматического искусства, которому послужили великие, давно сошедшие в могилу гениальные силы русского театра. До сих пор живы в нем щепкинские традиции, оставшиеся в благородных, талантливых руках и сохранившиеся в них в безупречно чистом виде... Жизненность, естественность, зеркальную правдивость изображения видит зритель в Малом театре... Вы видите даровитых артистов, вкладывающих в свои роли дисциплинированный ум и чуткое сердце. Ряд художественных образов, созданных Г. Н. Федотовой, М. Н. Ермоловой, А. П. Ленским, А. И. Южиным и др., никогда не умрут в истории культуры России... И в то же время, будучи образцовой школой для сценических деятелей, Малый театр является и школою для жизни».*
>
> *М. ГОРЬКИЙ*

зитический, вредоносный Долгоносик — образы, превосходно вылепленные А. Зражевским, И. Ильинским и Н. Светловидовым и надолго сохранившиеся в памяти зрителей. Это был первый спектакль Малого театра, удостоенный Сталинской премии. В годы войны драматург, а вслед за ним и театр продлили жизнь этих красочных персонажей в пьесе «Партизаны в степях Украины», явившейся непосредственным откликом на военные события.

Военная тема, образы советских воинов занимают особое и почетное место в творчестве Малого театра. Галлерея наиболее значительных из этих образов берет свое начало в спектакле «Бойцы» Б. Ромашова. Эта пьеса впервые в нашей драматургии затронула проблемы реорганизации и обучения Красной Армии в мирный период — в предвидении неизбежных вооруженных столкновений с армиями империалистических государств. Начальник штаба корпуса Ленчицкий (его прекрасно играли Н. Радин и М. Ленин) и командир корпуса Гулин (в незабываемом исполнении Н. Светловидова) олицетворяли собою тех командиров, которые почили на лаврах побед гражданской войны и отстали от новых задач, от новой техники; молодой комдив Берг (превосходно сыгранный С. Межинским) представлял инициативные, энергичные кадры советских новаторов военной науки.

Но если в 1934 году, когда ставились «Бойцы», эти споры между отстающими командирами, почившими на лаврах прошлого, и пропагандистами смелой, новаторской военной мысли носили до некоторой степени отвлеченный характер, то в 1942 году мы воочию увидели непосредственное практическое значение этого конфликта. И своего рода перекличкой с темой «Бойцов» явилась смелая, остро актуальная в тот период войны, глубоко партийная пьеса А. Корнейчука «Фронт». М. Царев вдумчиво и с большим обаянием играл в ней генерала Огнева, полководца сталинской выучки, новой формации, а Н. Шамин — командующего фронтом Горлова. Мне довелось играть в этом спектакле роль брата Горлова, Я никогда не забуду, с каким воодушевлением мы работали над этим спектаклем в те грозные дни!

Образы советских воинов прошли перед нашими зрителями и в таких спектаклях, как «Слава» В. Гусева и «За тех, кто в море!» Б. Лавренева. Артисты М. Царев и Н. Анненков с большой страстностью и убедительностью раскрывали поучительный конфликт между самовлюбленным Боровским, противопоставившим себя коллективу, и Максимовым, («За тех, кто в море!»), скромным тружеником войны, человеком глубоко осознанного патриотического долга.

Высокий патриотизм советских людей, их самоотверженность и мужество в исторические дни борьбы с германским фашизмом с большой силой прозвучали в таком спектакле, как «Нашествие» Л. Леонова. Перед зрителем развертывалась трагическая картина хозяйничанья немецких захватчиков в советском городе; с большой правдивостью и психологической глубиной раскрывались характеры советских людей, беззаветно преданных Родине: доктора Таланова и его жены (П. Садовский и В. Пашенная), партизанского вожака Колесникова (Д. Павлов), Федора (Н. Соловьев) и Ольги (С. Фадеева) Талановых, старой няньки Демидьевны (В. Массалитинова и В. Рыжова) и юной Аниски, в роли которой дебютировала талантливая молодая артистка О. Хорькова. Мастерски играл в этом спектакле С. Межинский роль Фаюнина.

Ряд спектаклей, посвященных событиям Великой Отечественной войны, завершился постановкой исторической эпопеи А. Первенцева «Южный узел» — о разгроме немецко-фашистских войск в Крыму. В этом спектакле Малый театр впервые воплотил на своей сцене образ любимого вождя и гениального полководца — Иосифа Виссарионовича Сталина. Этот образ ярко передал А. Дикий.

К теме послевоенного восстановления театр обратился, показав пьесу Н. Погодина «Сотворение мира». В центре поставленного мною спектакля был раненный на войне полковник Глаголин, роль которого правдиво и с большим воодушевлением играли Н. Соловьев и Г. Ковров. Врачи приговорили Глаголина к унылому прозябанию на положении инвалида, но его энергичная, творческая натура не терпит бездействия, а вдохновенный созидательный труд народа, восстанавливающего разрушенный город, окрыляет и духовно исцеляет Глаголина. Рядом с Глаголиным могучий, шумный и веселый Микола Гололоб, бывший партизанский командир, — его с огромной жизнерадостностью и оптимизмом рисовал артист М. Жаров.

В другой пьесе Н. Погодина — «Минувшие годы» — театр вернулся к образам героев первых сталинских пятилеток, как бы воскрешая в памяти сегодняшних зрителей, строителей коммунизма, дела и дни их отцов, закладывавших фундамент индустриальной мощи нашей страны.



Сцена из спектакля «Нашествие» Л. Леонова. Допрос Федора (Н. Соловьев).

Такие пьесы, как «Великая сила» Б. Ромашова и «Московский характер» А. Софронова, дали возможность Малому театру своевременно откликнуться на актуальные явления нашей действительности. Ромашов еще в «Бойцах», в образе любителя заграничных командировок Базаева, затронул тему низкопоклонства перед заграницей. Теперь, в новых условиях, эта тема была широко разработана драматургом в «Великой силе».

С большой убедительностью пьеса опровергает космополитическую теорию о том, будто наука «всемирна», будто наука не знает государственных границ. Театр вместе с автором стремился к тому, чтобы со всей страстностью разоблачить беспринципного обывателя Милягина (Ф. Григорьев), слепо раболепствующего перед растленной буржуазной культурой Запада; чтобы утвердить целеустремленность передового советского ученого Лаврова (Н. Анненков), его беззаветную преданность отечественной науке, приоритет которой он отстаивает. Содержательный образ советской женщины, жены Лаврова, создала Е. Гоголева.

В «Московском характере» нас увлекла яркая сценическая повесть о замечательных советских людях, вся цель жизни которых заключается во вдохновенном строительстве коммунизма. «Московский характер», большевистский характер, стойкий и упорный в решении поставленных задач, помогает Гриневым и Полозовым преодолеть все препятствия, воздействовать на отстающих Потаповых, перевоспитывать их и вести за собой к новым, общим трудовым победам. Артисты Е. Шатрова (Гринева), Ф. Григорьев (Потапов), Е. Гоголева (секретарь райкома Полозова), П. Леонтьев (старый рабочий-изобретатель Гринев), И. Любезнов (конструктор Кривошеин), А. Сальникова (директор текстильного комбината Северова) и другие с увлечением играют в этом спектакле, воплощая живые и действенные образы.

В спектаклях на современные темы наряду с актерами среднего поколения неизменно с большим воодушевлением принимали и принимают участие такие старейшие мастера Малого театра, как А. Яблочкина, В. Рыжова, Е. Турчанинова, и талантливая актерская молодежь, занявшая в течение последних лет заметное место в нашем коллективе.

Тема молодости, проблемы роста и воспитания новых кадров органично близки самому театру, и, может быть, поэтому с особым интересом и творческим волнением отнеслись мы к постановке спектакля «Молодость» Л. Зорина. Драматург-дебютант рассказывает о юношеской дружбе, о любви, о воспитании характера, о широких горизонтах, открывающихся перед нашей учащейся молодежью, и об ее высоких целях. Рядом с А. Зражевским и Н. Светловидовым в этом спектакле играют наши молодые артисты: Б. Телегин, И. Ликсо, К. Светлов, Г. Сергеев, М. Овчинникова, В. Боголюбов, В. Колосов, А. Щепкина, Г. Скоробогатова и другие, создавая правдивые образы современной советской молодежи.

Было бы неверно не вспомнить, что на известном отрезке времени Малый театр ослабил внимание к подлинно современным, советским спектаклям и в его репертуар проникли пьесы, не отвечавшие высоким идейным требованиям нашего времени. Исторические решения ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства побудили советские театры и, в частности, Малый театр исправить эту ошибку. Успех спектаклей «За тех, кто в море!», «Великая сила», «Московский характер», отмеченных Сталинскими премиями за 1946, 1947 и 1948 годы, позволяет нам считать, что Малый театр ныне выправил свою репертуарную линию.

Решения партии по идеологическим вопросам открыли перед работниками советского театра широчайшие перспективы творческого развития. Партия, правительство и лично товарищ Сталин постоянно проявляют огромную заботу о Малом театре, и театр приложит все силы для создания новых ярких и страстных спектаклей, показывающих жизнь советского общества, образ советского человека.

«За тех, кто в море!» Б. Лавренева. Сцена из 2-го действия. Харитонов — народный артист РСФСР М. Жаров, Максимов — заслуженный артист РСФСР Н. Анненков, Шубин — артист М. Гладков.



Щепкин и Гоголь

Незадолго до своей кончины М. С. Щепкин читал в Алупкинском дворце Воронцовых отрывки из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Ночью он почувствовал себя плохо. «Просвещенные» его ценители, испугавшись, что он умрет под их кровлей, поспешили отправить семидесятипятилетнего старика умирать в Ялту. На следующий день, рассказывает очевидец, лежавший в забытьи больной вскочил с постели:

— Скорей, скорей, одеваться! — закричал он.

— Куда вы, Михаил Семенович, лягте,— уговаривали его.

— Как куда? Скорее к Гоголю!

— К какому Гоголю?

— Как к какому? К Николаю Васильевичу!

— Да что вы, родной, успокойтесь, лягте, Гоголь давно умер...

— Умер? — спросил Михаил Семенович.— Умер... Да, вот что...— низко опустил голову, покачал ею, лег, отвернулся к стене и навеки заснул...

Не случайно предсмертные мысли Щепкина были о Гоголе. Роль и того и другого в развитии русской культуры огромна. Великого писателя, именем которого Чернышевский назвал целый период русской литературы, и великого актера, создавшего «Дом Щепкина», как по праву стали с его приходом называть московский Малый театр, соединяла общность взглядов на театр, личная дружба, постоянное взаимодействие.

Гениальный актер Михаил Семенович Щепкин—основоположник реалистического искусства Малого театра — сумел осуществить реформу русского театра потому, что именно на материале «Ревизора» Гоголя во всей полноте доказал верность своих взглядов на искусство. Он писал: «Гоголю я обязан более всех».

Посетив в июле 1832 года Москву, Гоголь явился на квартиру к Щепкину, чтобы познакомиться с ним. Щепкин, выступавший в водевилях, в малозначительных пьесах тогдашних драматургов, тосковал «по ролям, требующим работы». Он всем жаловался на отсутствие репертуара, в котором мог бы развернуть свои силы. Первые опыты Гоголя в драматургии начались под непосредственным воздействием Щепкина: Гоголь для него переводил комедию «Сганаррель, или муж, думающий, что он обманут» Мольера. Повидимому, и мысль о создании собственной комедии возникла у Гоголя под впечатлением игры Щепкина.

Щепкин был одним из тех немногих, кто сумел понять огромное социальное значение «Ревизора», его обличительную силу. После первого, не имевшего успеха представления «Ревизора» Щепкин в письме к актеру Сосницкому, пересказывая слова своего знакомого, дал глубоко верное объяснение холодного отношения публики к комедии. «Помилуй, — говорит он, — как можно было ее лучше принять, когда половина публики берущей (взятки), а половина — дающей».

Гоголь в «Ревизоре» дал Щепкину великолепный материал, позволивший актеру развернуть всю мощь своего огромного дарования. «Какое одушевление, какая красота, естественность, изящество», — восторженно писал Белинский и добавлял: «Актер понял поэта: оба они не хотят делать ни карикатуры, ни сатиры, ни даже эпиграммы; но хотят показать явление действительной жизни, явление характеристическое, типическое».

Гоголь, охарактеризовавший роль Городничего в «Письме, писанном автором вскоре после представления «Ревизора» к одному литератору» (1836 год), увидав позднее в этой роли Щепкина, дал в 1842 году совершенно иную трактовку этого образа, целиком основанную на исполнении роли Городничего Щепкиным.

Щепкину удалось удержать Гоголя от идейной ошибки. Прочитав «Развязку Ревизора», в которой Гоголь давал аллегорическое толкование своей комедии, Щепкин ответил ему негодующим письмом. Он писал: «Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти; нет, я не хочу этой переделки: это люди настоящие, живые люди, между которыми я взрос и почти состарился... Нет, я их вам не дам! Не дам, пока существую. После меня переделайте хоть в козлов; а до тех пор я не уступлю вам Держиморды, потому что и он мне дорог».

Высоко ценя Гоголя, Щепкин смело восстал против его попытки дать мистико-символическое толкование своему «Ревизору». И болезненно-обидчивый Гоголь внял протесту актера-реалиста, для которого искусство было ценно именно тем, как оно отображало живую действительность. Он не только не рассердился на Щепкина, но писал ему: «Письмо Ваше, добрейший Михаил Семенович, так убедительно и красноречиво, что если бы я и точно хотел отнять у Вас Городничего, Бобчинского и прочих героев, с которыми, как вы говорите, сжились, как с родными по крови, то и тогда бы возвратил вам вновь их всех, может быть даже с наддачей лишнего друга». Мало того: Гоголь под влиянием возмущенного Щепкина решил «Развязку Ревизора» положить до времени под спуд и не опубликовал ее (как известно, она впервые была напечатана после его смерти).



Н. В. Гоголь.

Творческое взаимодействие между великим писателем и знаменитым актером сказывалось во многом.

Оба они, возмущаясь низкопоклонством перед Западом, ратовали за создание русского национального театра. Гоголь писал: «Русского мы просим! Своего давайте нам! Что нам французы и весь заморский люд! Разве мало у нас нашего народа? Русских характеров! Своих характеров! Давайте нас самих!». И Щепкин, стремясь к естественности, боролся с заимствованной у французов манерой игры, ложным пафосом декламации. Щепкин первый понял, что актер должен говорить «на своих народных звуках». Он утверждал: «Для того, чтобы быть естественным, надо говорить своими звуками и чувствовать по своему, а не передразнивать». Сам он добивался простоты и естественности — основы реалистического искусства, и первый «создал правду на русской сцене: он первый стал нетеатрален в театре»,— писал о нем Герцен.

Гоголь и Щепкин добивались ансамбля в спектакле, что в дальнейшем стало одной из существенных особенностей русского театра. Гоголь настаивал на совершенной согласованности между собой всех частей в спектакле. Щепкин требовал «гармонии» каждой постановки, гармонии, которая есть «общий закон всех искусств» и которая может быть достигнута подчинением «общей идее».

Гоголь и Щепкин понимали огромное значение театра. «Театр ничуть не безделица...— писал Гоголь, — это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра». Щепкин утверждал, что искусство актера «полезно для народа»: «Во все века искусство было всегда впереди массы, а потому, добросовестно занявшись оным, нечувствительно и масса подвигается вперед». Идейная общность между этими отечественными гениями, положившими прочный фундамент для создания национального театра, бесспорна.

Щепкин безгранично ценил Гоголя, но и Гоголь высоко ставил Щепкина. Во всем мировом театре не было другого такого случая, чтобы драматург так относился к воплотителю его образов на сцене, как это делал Гоголь: в «Развязке Ревизора», он «первого комического актера» — Михаила Семеновича Щепкина — венчал лавровым венком.

Вл. ФИЛИППОВ

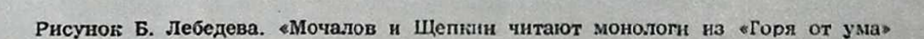
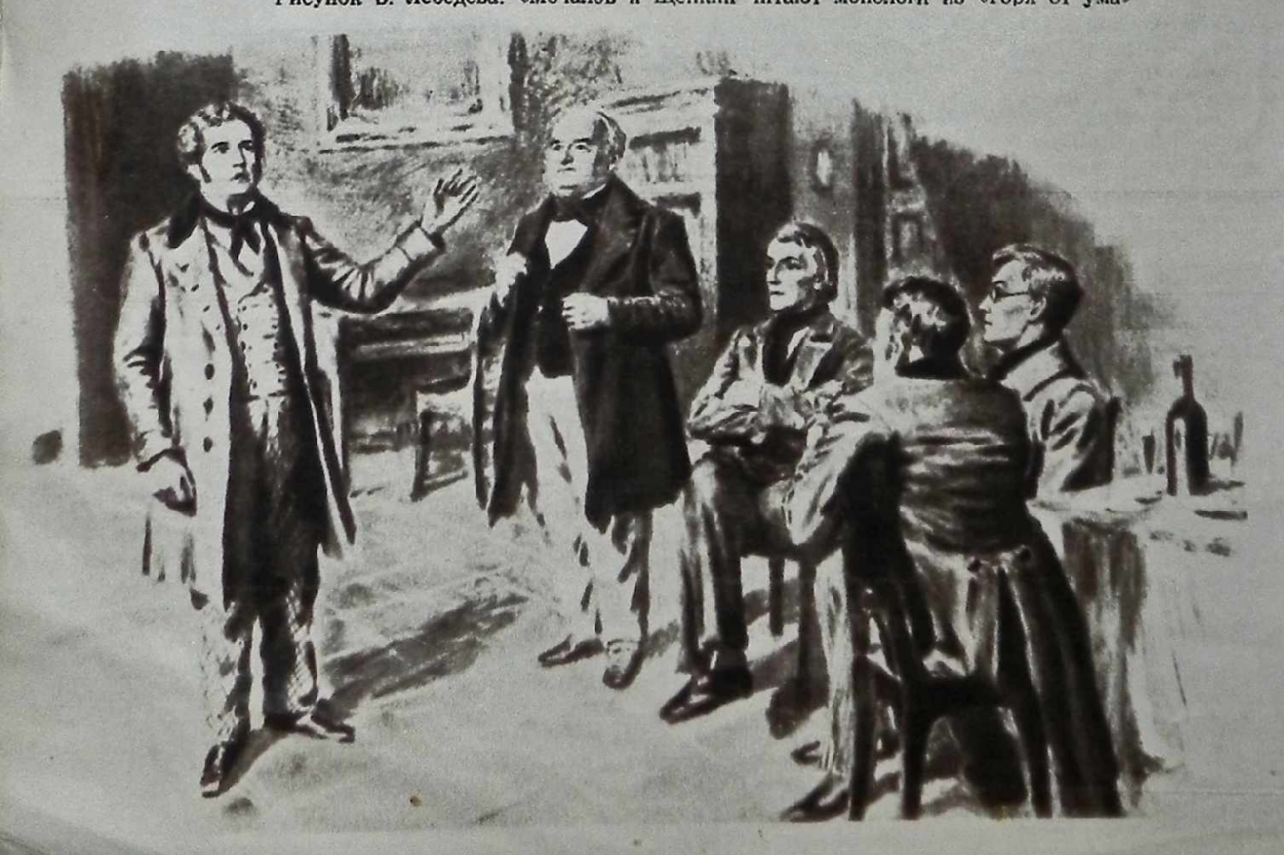


Рисунок Б. Лебедева. «Мочалов и Щепкин читают монологи из «Горя от ума»



Жизнь в театре

Крупнейшие актеры современности, народные артисты СССР А. А. Яблочкина, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова, В. Н. Пашенная, Н. К. Яковлев, беседы с которыми мы печатаем, многие десятки лет своей жизни отдали служению народу.

С первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции эти ветераны Малого театра начали ставить спектакли в рабочих клубах, на фабриках и заводах, в красноармейских казармах. Новому зрителю, о котором долго грезил и тосковал Малый театр, они посвящают свое изумительное сценическое мастерство.



С веком наравне

А. А. ЯБЛОЧКИНА,
народная артистка СССР

Я переиграла в Малом театре огромный репертуар и всю свою долгую артистическую жизнь помнила завет великого Щепкина: «Что же бы значило искусство, если бы оно давалось без труда!».

Когда мне дают роль, я по многу раз перечитываю пьесу, вдумываюсь в нее, чтобы вполне отчетливо представить себе среду, эпоху, образы действующих лиц. Так, например, играя в юные годы роль Софьи в «Горе от ума», я представляла ее себе в семнадцать лет, властной, самостоятельной, потому что она жила одна, без матери, и являлась хозяйкой дома. У нее манеры не девочки, а женщины — она строгая, насмешливая, себе на уме, мстительная, с сильным характером.

Каждый драматург своеобразен.

Для меня самое главное в роли — овладеть языком автора, его манерой выражения.

...После Великой Октябрьской социалистической революции началась для нашего театра новая, большая и замечательная жизнь.

Широчайшие возможности открылись перед советским актером! Жизнь идет вперед семимильными шагами. Новый, советский герой вырастает в гуще жизни, в движении, в труде и подвигах.

Мы живем в чудесную эпоху самоотверженного, созидательного труда. Чтобы нашему театру всегда быть с «веком наравне», надо, чтобы на нашей сцене жили замечательные образы людей сталинской эпохи. Служить этой благородной задаче я призываю нашу смену.

Слева — народная артистка СССР В. Н. Пашенная. Внизу — сцена из спектакля «Доходное место» А. Н. Островского. Кукушкина — народная артистка СССР В. Н. Пашенная, Юсов — народный артист РСФСР И. В. Ильинский.





«Варвары» М. Горького. Богаевская — народная артистка СССР А. А. Яблочкина.

Школа актеров

В. Н. ПАШЕННАЯ,
народная артистка СССР

Сценическое искусство развивается, впитывая в себя лучшее из опыта прежних поколений. Однако этот опыт почти не записан, и чаще всего он передается в восприятии современников, по случайным записям.

Какое богатство мы могли бы иметь, если бы великие представители русского сценического искусства фиксировали свой творческий опыт!

Чему и как учили будущего актера до революции? Его учили развивать природные творческие данные, управлять своим темпераментом, правильно говорить, дышать и держаться на сцене. Об общественной роли искусства, об идейной направленности творчества актера, о сценическом методе, как науке, и речи не было.

Прежде работа актера-педагога с молодежью состояла в изучении сценического искусства оторванно от действительной жизни. Теперь, помимо изучения «мастерства актера», проводится большая общественно-воспитательная работа с учениками.

Мы учим теперь не просто «играть», а, творя сценические образы, нести в народ великие идеи коммунизма. Нельзя учить актера мастерству вне политики. Искусство всегда партийно. И мастера нашего театра учат молодое актерское пополнение впитывать в себя окружающую жизнь, перерабатывать ее в своем сознании, овладевать теорией марксизма-ленинизма и средствами искусства, созданием художественных образов служить Родине.



Народный артист СССР Н. К. Яковлев.

Вместе с народом

Е. Д. ТУРЧАНИНОВА,
народная артистка СССР

Александр Сергеевич Пушкин в свое время сетовал на отрыв театра от народа. «Хотя, — писал он в «Заметках о народной драме», — драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения... драма оставила площадь и перенеслася в чертоги по требованию образованного и избранного общества». Для того чтобы она могла снова «расставить свои подмостки» на площади, «надобно было, — писал Пушкин, — переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий».

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела эту коренную ломку. Разрушены были, казалось, непреодолимые преграды, и театр вернулся к своему исконному зрителю — народу.

Революция обогатила нас, актеров, новым пониманием классической драматургии. Прежде мы принимали авторов впрямую, порой даже не задумываясь над внутренним смыслом, который скрывался за текстом роли, забывая о том, что многое в пьесах продиктовано цензурными условиями и что драматург чаще всего не мог высказываться со всей определенностью.

Мы стали играть по-новому, разбор классовой, социальной сущности роли стал нашим компасом. И классический репертуар нашего театра предстал перед нами в новом свете.

Как интересна, радостна. и полнокровна жизнь советского актера! Из пассивных созерцателей действительности, какими большая часть актеров была до революции, мы, советские актеры, стали активными участниками культурной и политической жизни страны.

Искусство советского актера должно быть очень высоким, действенным. Актеру дано многое, многое с него и спрашивается.



«Волки и овцы» А. Н. Островского. Глафира — народная артистка РСФСР Д. В. Зеркалова, Лынлев — народный артист СССР М. М. Климов.

Наш зритель

Н. К. ЯКОВЛЕВ,
народный артист СССР

Более полувека играю я в Малом театре. 25-летие моей сценической деятельности исполнилось в сентябре 1918 года — в первый год Великой Октябрьской социалистической революции.

Молодая республика Советов переживала тогда трудное время гражданской войны, топливный и продовольственный кризис. Труппа старейшего русского театра с первых лет революции играла в клубах, на заводах, в красноармейских казармах. Правда, голодно и холодно было, но это не уменьшало нашего рвения. Артисты сознавали, что они несут культуру родному, раскрепощенному народу.

Вспоминается и более отдаленное прошлое нашего театра — дореволюционные годы. «Простонародью» — как выражались тогда чванные театральные чиновники — были доступны только верхние ярусы в зрительном зале. Но именно там, не в партере и не в ложах, где сидели купцы и чиновники, а наверху, на «галерке», находились самые горячие поклонники театра. То были студенты и рабочие.

Вспоминая об этих далеких годах, я не могу не сравнить прошлое и настоящее: деревянные балаганы «для народа» и чудесные дворцы культуры, единичные любительские спектакли и всесоюзные смотры художественной самодеятельности, окраины «ситцевой» Москвы и прекрасные, благоустроенные заводские поселки Москвы индустриальной. Как отрадно нам, старым артистам, смотреть теперь в переполненный зрительный зал и знать, что рядом с академиком сидит стахановец, по соседству с генералом — колхозник, с министром — рядовой рабочий! И все они составляют нашу аудиторию — умных, свободных в своих суждениях советских зрителей, которые требуют от нас высокохудожественных, глубоко идейных произведений.

Этот новый зритель, которому широко открыла двери в театры Великая Октябрьская революция, показал нам, актерам старшего поколения, новые пути в искусстве.

Я актер театра Островского, я никогда не расставался с Островским и до революции переиграл множество ролей в его пьесах. Казалось, Островский понят, узнан, исчерпан до дна. Но, присматриваясь к тому, как советские зрители слушают его пьесы, я начинал видеть нового Островского: сурового судью ушедшего прошлого, человека, верившего в неисчерпаемые нравственные силы русского народа.

Для такого чуткого и мудрого зрителя, каким является советский зритель, хочется работать так, чтобы наше искусство славило великие дела народа — творца новой жизни.

«Правда — хорошо, а счастье лучше» А. Н. Островского. Мавра Тарасовна — народная артистка СССР Е. Д. Турчанинова, Сила Грознов — народный артист СССР Н. К. Яковлев.



УВЕКОВЕЧИТЬ ЭПОХУ

Я люблю Малый театр. Люблю за его великолепных артистов, за то, что он глубоко и правдиво вскрывает драгоценные душевные качества русского человека.

Малый театр всегда был театром большой литературы. Недаром его называют «домом Островского», недаром с ним тесно связаны имена Гоголя, Грибоедова.

Как ни хорошо известна многим из нас бессмертная комедия Гоголя «Ревизор», в спектакле Малого театра каждый найдет новое в характеристиках персонажей. Мы видим всю гниль, ложь, лицемерие самодержавно-крепостнической России с ее взяточничеством, казнокрадством и другими язвами, разъедавшими русское общество той эпохи.

Очень хочется, чтобы так же, как мы изучаем по спектаклям Малого театра прошлое своей Родины, наши потомки могли изучать по современным пьесам нашу эпоху. Чтобы эти пьесы не исчезали так быстро из репертуара, а шли из года в год и с таким же интересом смотрелись через 100 лет, как смотрим мы сейчас «Горе от ума» и «Ревизор».

Мы ждем от дорогого Малого театра спектаклей, увековечивающих наши дни.

К. САМСОНОВ,
Герой Советского Союза, слушатель Военно-политической академии имени В. И. Ленина

ПРАВДА ЖИЗНИ

Для меня, как и для многих колхозников Подмосковья, нет большей радости и душевного отдыха, как бывать на спектаклях Малого и Художественного театров. Эти театры, лучшие в мире, — подлинная школа жизни.

В пьесах Островского, Горького раскрывается нам со сцены мир прошлого, многострадальная жизнь униженных простых людей в «темном царстве», волчьи нравы хищников-богатеев.

Такие постановки, как «Любовь Яровая», «В степях Украины» «Великая сила», «Московский характер», которые мне посчастливилось видеть в Малом театре, показывают черты нового, советского человека, правдиво отражают годы великой социалистической стройки.

Пожелаем старейшему русскому театру и его нестареющему коллективу создать золотой фонд спектаклей на современные темы. Эти спектакли будут для наших детей и внуков правдивой былью о нашем славном времени...

И. СЛОВОХОТНОВ,
председатель колхоза имени К. Е. Ворошилова, Ухтомского района, Московской области, Герой Социалистического Труда

ПРАЗДНИК КУЛЬТУРЫ

125-летие Малого театра — большой праздник социалистической культуры. Советские люди любят этот старейший русский театр за его искреннее, правдивое, понятное и близкое народу искусство.

Я видел за последние годы многие постановки Малого театра. И всегда я получал наслаждение от талантливой игры актеров, мастерски воплощавших в сценических образах произведения драматургии.

Трудно выделить лучших среди талантливого коллектива Малого театра, пришлось бы перечислять многие имена актеров. Каждый артист Малого театра свято хранит традиции выдающихся мастеров русской сцены. Славный юбиляр поднял искусство театра на высокую ступень. Разве можно забыть образы, созданные актерами Малого театра в пьесах Островского, Грибоедова, Гоголя, Шекспира, в произведениях советских драматургов?

Знаменательно, что постановление советского правительства о реконструкции здания театра было принято в самые грозные дни Великой Отечественной войны. Разве это — не признание огромного значения искусства Малого театра для нашего народа?

Велика честь служить народу — строителю коммунистического общества! Эту почетную миссию блестяще выполняет один из ведущих отрядов советского театрального искусства — коллектив Малого театра. Желаю ему новых успехов в его творческой деятельности.

С. ЛАВОЧКИН,
Герой Социалистического Труда



Д. Н. Кардовский. Купцы с жалобой у Хлестакова.

СЛОВО ЛЮБВИ

Трудно в нескольких словах передать любовь и благодарность, которую постоянно ощущаешь, думая о замечательном Малом театре. Всем нам бесконечно дорого чистое, благородное, глубоко народное творчество наследников Щепкина и Мочалова, Ленского и Ермоловой.

Моей всегдашней мечтой было создание портретов ведущих артистов Малого театра. Я приступил к ним вскоре после окончания войны. Подолгу встречался я с П. М. Садовским, А. А. Яблочкиной, А. А. Остужевым, Е. Д. Турчаниновой, Н. К. Яковлевым. Будучи рьяным почитателем их несравненной игры, я, познакомившись, был поражен особой душевной чистотой, которая им свойственна.

Мне довелось писать и второе поколение мастеров театра — К. Зубова, Е. Гоголеву, М. Жарова. Я буду счастлив, если мне удастся создать большую портретную галлерею артистов Малого театра, выразив этим глубокое уважение к любимым художникам сцены.

В. ЕФАНОВ,
действительный член Академии художеств СССР

ЖДУ НОВОГО ГЕРОЯ

Я москвич. Мне с детства дорога Москва, дорог ее каждый камень. Когда во время войны я вспоминал свою родную столицу, в сознании возникали определенные образы. И одним из них непременно был Малый театр.

Мне глубоко полюбились гордый, независимый русский трагик Несчастливцев в «Лесе» в исполнении Прова Михайловича Садовского; прекрасной души человек Любим Торцов («Бедность не порок»), воплощенный народным артистом Н. К. Яковлевым; женщина большого сердца Кручинина, какой ее играла В. Н. Пашенная в «Без вины виноватые». А галлерея образов, созданных В. Н. Рыжовой, Е. Д. Турчаниновой, А. А. Яблочкиной и другими мастерами Малого театра? Мне кажется, не увидел бы я их, неполным было бы и мое представление о прошлом Москвы.

Сегодня, в день юбилея, горячо поздравляя дорогой сердцу каждого русского человека Малый театр, мне хочется обратиться к нему с пожеланием.

В. А. Серов. Портрет М. Н. Ермоловой.

Мы на вашей сцене видели много прекрасных образов из классического и современного репертуара. Но, вспоминая сейчас ваши спектакли, я не могу среди них найти героя нашего времени, стахановца-новатора, человека сильной воли, смело идущего вперед.

А ведь появление этого героя на сцене давно подсказывает жизнь. И не о технологии того или иного производственного процесса следует рассказать в этом спектакле, а раскрыть психологию людей, в работе которых слился умственный и физический труд, рассказать о взаимоотношениях этих людей, о перевоспитании отстающих, о вытеснении старой морали новой, советской.

Жду воплощения этого образа на вашей сцене.

Н. УГОЛЬКОВ,
лауреат Сталинской премии, токарь завода «Красный пролетарий»

СТАРШЕМУ СОБРАТУ

Малый театр открылся в среду 14 (по старому стилю) октября 1824 года. Московский Художественный театр дал свой первый спектакль ровно через семьдесят четыре года после этого — опять же в среду 14 октября 1898 года. Это, разумеется,—случайное совпадение, но, право же, это совпадение приходится считать поистине знаменательным.

Малый театр, справлявший свое 75-летие тогда, когда Художественный отмечал лишь первую свою годовщину, оказал огромное и плодотворное влияние на молодую труппу, созданную К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко. На всем протяжении своего пути Малый театр был и остался не только создателем лучшей в мире русской реалистической школы актерского искусства, но и глашатаем передовых, демократических идей. Это в полном смысле слова театр русского народа — театр правдивый и страстный, честный и свободолюбивый, прочнейшим образом связанный с великой русской литературой.

Не случайно в литературном наследстве Станиславского и Немировича-Данченко, в их уже опубликованных и еще не изданных трудах так много и так горячо говорится о Малом театре, о его гениальных артистах. Не случайно такие корифеи Московского Художественного театра, как Москвин, Качалов, Леонидов, Лужский, отдавали Малому театру огромную дань восхищения и любви. Не случайно, наконец, для того «среднего поколения», которое составляет ныне основное ядро труппы МХАТ, как и для нашей молодой смены, столь священны и незыблемы великолепные традиции Щепкина.

Искусство Малого театра было и остается для нас, «художественников», примером глубокого реализма, идейной целеустремленности. Коллектив Художественного театра шлет горячие поздравления славному юбиляру, своему старшему собрату по искусству.

Б. ДОБРОНРАВОВ,
народный артист СССР

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Малый театр вносит неоценимый вклад в нашу социалистическую культуру.

Особенно велика роль этого театра в формировании сознания нашей молодежи. Показывая героические дела советских людей, он развивает в зрителе чувство советского патриотизма, любви к Родине, к народу.

В сценических образах молодежь ищет примеры, достойные подражания. В репертуаре Малого театра они имеются. Вспомним пламенную коммунистку Ганну Лихта («В одной стране» Н. Вирты) в исполнении Е. Гоголевой. Разве не такой представляем мы Анну Паукер, Долорес Ибаррури и многих других женщин — борцов за мир и счастье народа?.. Большой силы и привлекательности облик советского ученого профессора Лаврова («Великая сила» Б. Ромашова) создал артист Н. Анненков. Эти живые, одухотворенные образы надолго запоминаются зрителю и рождают светлые мысли, благородные стремления. Посещение Малого театра всегда вызывает у моих учеников особый душевный подъем, желание еще больше знать и лучше учиться.

А спектакли Островского, Грибоедова, Гоголя, Горького в Малом театре? Насколько неполным было бы без них изучение русской литературы и истории! Москвичи, родившиеся после Октября, знают старую, дореволюционную Россию не только по рассказам старших и по книгам, но и по спектаклям Малого театра.

Т. РУМЯНЦЕВА,
заслуженная учительница РСФСР



Д. Н. Кардовский. Городничиха Анна Андреевна Сквозник-Дмухановская.

Писатели — Малому театру

Творческая дружба

Б. РОМАШОВ

Замечательна художественная культура Малого театра, его великая школа сценического реализма! Много помогла она развитию драматической литературы в наше, советское время,— наши писатели испытали это на себе в полной мере.

Двадцать пять лет назад молодые актеры Малого театра, только сошедшие со школьной скамьи, репетировали мою пьесу «Федька Есаул» — о гражданской войне на Северном Кавказе.

Спектакль, поставленный в декабре 1924 года (руководители постановки — В. Н. Пашенная и Н. Ф. Костромской), был моим «боевым крещением»... Увидеть свое произведение на сцене, когда герои пьесы словно оживают, становятся красочнее, богаче,— это впечатление остается на всю жизнь.

В работе над спектаклем «Огненный мост» (1929 год) я понял огромное значение непосредственной связи актера и драматурга. Пьеса «Огненный мост» держалась в репертуаре Малого театра девять лет. Спектакль отличался исключительной стройностью ансамбля, приподнятой атмосферой.

Среди исполнителей были известные актеры: В. Н. Пашенная, А. А. Яблочкина, С. Л. Кузнецов, М. М. Климов, Н. Н. Рыбников, В. Р. Ольховский, А. В. Васенин. Артист Ольховский, игравший директора завода Хомутова, последовательного, стойкого коммуниста, восхищал правдивостью созданного им рисунка — одного из первых сценических воплощений образа большевика-хозяйственника. Блестящим было перевоплощение артиста С. Л. Кузнецова: пожилой, седой человек превратился в щупленького Геннадия Дубровина, юного офицерика, с едва пробивающимися усиками... А какая острота в трактовке отвратительной сущности этого отщепенца, изменника Родины!

Беседуя с актерами, приглядываясь к актерскому исполнению, я прошел большую школу. Складывалась настоящая творческая дружба с театром.

Впоследствии, принося в театр новые пьесы, я всегда встречал сердечный прием. Особую значительность приобретали встречи с Малым театром тогда, когда мне удавалось затронуть в пьесе новую проблему, взять свежий, жизненный материал. Такова была постановка «Бойцов» — пьесы о командирах Красной Армии (1934 год). Над ней работал я долго, бывал в армии, изучал литературу по военно-оперативным вопросам. Почти все персонажи мной взяты из жизни.

Пьеса вышла необычная, ее композиция держалась на противоречиях в развитии характеров, на столкновении мировоззрений. Идея заключалась в том, что в нашей стране создается совершенно новая школа советского военного искусства.

Постановку осуществляли режиссеры Л. М. Прозоровский и К. П. Хохлов. Шли горячие обсуждения. В постоянном общении мы искали жизненно правдивые средства сценической выразительности. Спектакль получился идейно значительный, богатый сценическими образами.

Малому театру свойственно «чувство нового», стремление следовать жизненной правде, искать и добиваться высокого звучания современных советских спектаклей. Это сказалось в постановке пьесы «Великая сила» (1947 год). Пьеса, написанная на тему советского патриотизма, на тему борьбы с низкопоклонством перед западноевропейской «культурой», требовала верного «ключа» к ее сценической трактовке.

И вот я снова в кругу знакомых мне мастеров, с которыми уже не раз встречался. Они так же молодо, с увлечением работают, так же требовательны к драматургу. Сплоченность коллектива, осуществлявшего постановку пьесы, горячее участие в ее постановке режиссера К. А. Зубова помогли успеху спектакля. Сцена Малого театра стала подлинной трибуной передовой мысли!

Я счастлив тем, что мне много пришлось работать вместе с Малым театром, с его прекрасными актерами. Радостно сознавать себя соратником старейшего русского театра в борьбе за социалистический реализм, за партийное искусство!

От души желаю Малому театру новых и новых творческих побед!



«Наш современник» (А. С. Пушкин) К. Паустовского. Пушкин — заслуженный артист РСФСР М. И. Царев; няня Арина Родионовна — народная артистка СССР Е. Д. Турчанинова.

Немеркнущая слава

Константин ПАУСТОВСКИЙ

С детства я относился к театру, как к путешествию в волшебную страну. С годами это ощущение не только не прошло, а, наоборот, усилилось. Каждый спектакль как был в детстве, так и остался до зрелых лет и праздником и мученьем.

Празднично в театре было все: и зрительный зал, немного задымленный, сверкающий огнями и позолотой, и ветер от занавеса, и стремительный бег человеческой жизни на сцене, и смена эпох, и плащ Чацкого, и звон гитары в руках бесприданницы Ларисы, и щемящие слова ее песни: «Мне снился день, который не вернется...»

Человеческая жизнь, строго взвешенная, очищенная от мусора, как бы перемытая и перевеянная многими водами и ветрами, представала в театре во всей своей значительности, во всей силе мысли, страстей, борьбы и надолго завладевала сознанием.

Тогда праздничность сменялась порой мучительными, но плодотворными думами о судьбах героев. Они давно уже раскланялись со сцены, сняли костюмы, смыли грим, но продолжали жить и заставляли думать о себе. И чем дольше, тем сильнее.

Есть пьесы, после которых не уходят из сердца сострадание к героям, ненависть, любовь, радость. Вплотную подходишь к любой человеческой жизни, к любому времени, к любой коллизии, вживаясь в удивительный мир разнообразных человеческих судеб.

Мы часто говорим: «Театр — волшебное зрелище» — или что-либо иное в этом роде, но не задумываемся над содержанием слова «волшебный». «Волшебный» — это вовсе не сказочный. Это — превращение в зримые, ощутимые, совершенно конкретные вещи прекрасного вымысла, наполнение вымысла подлинной жизнью, обогащение жизни вымыслом, воображением, силой образов.

Так думал я как зритель. Но после первой же репетиции, на которой мне пришлось быть, я понял, что не только готовый спектакль обладает этими волшебными свойствами, но обладает ими и вся работа театра над пьесами.

Вообразите себе богатую картинную галлерею, где собраны полотна всех эпох и жанров. И вот на глазах у вас происходит необыкновенное зрелище: картины оживают, галлерея заполняется пестрой толпой, вышедшей из рам, блеском одежд, солнцем, спорами, смехом, шумом садов, раскатами отдаленной грозы — всем тем, что до сих пор существовало только как соотношение мазков на полотне. То же самое, по существу, происходит и в театре,— и на репетициях и на спектаклях.

Все вышесказанное имеет отношение не только к театру вообще, но прежде всего к Малому театру. Потому что по силе своих выразительных средств, актерского мастерства и перевоплощения этот театр давно пользуется народным признанием.

Малый театр для нас — олицетворение России. Он стал неотъемлемой частью народной жизни. Невозможно представить себе Россию и Москву без Малого театра, как невозможно представить нашу страну без Волги.

Осенью 1948 года Малый театр предложил мне написать для него пьесу о Пушкине. Мне, как и каждому, кто прикасается к блистательному имени Пушкина, было просто страшно работать над этой темой. Страшно и вместе с тем заманчиво. У каждого есть мера своих сил, свой «потолок», и все мы сознаем, что эта мера сил слишком мала, чтобы воскресить хотя бы в какой-то доле жизнь и характер гения.

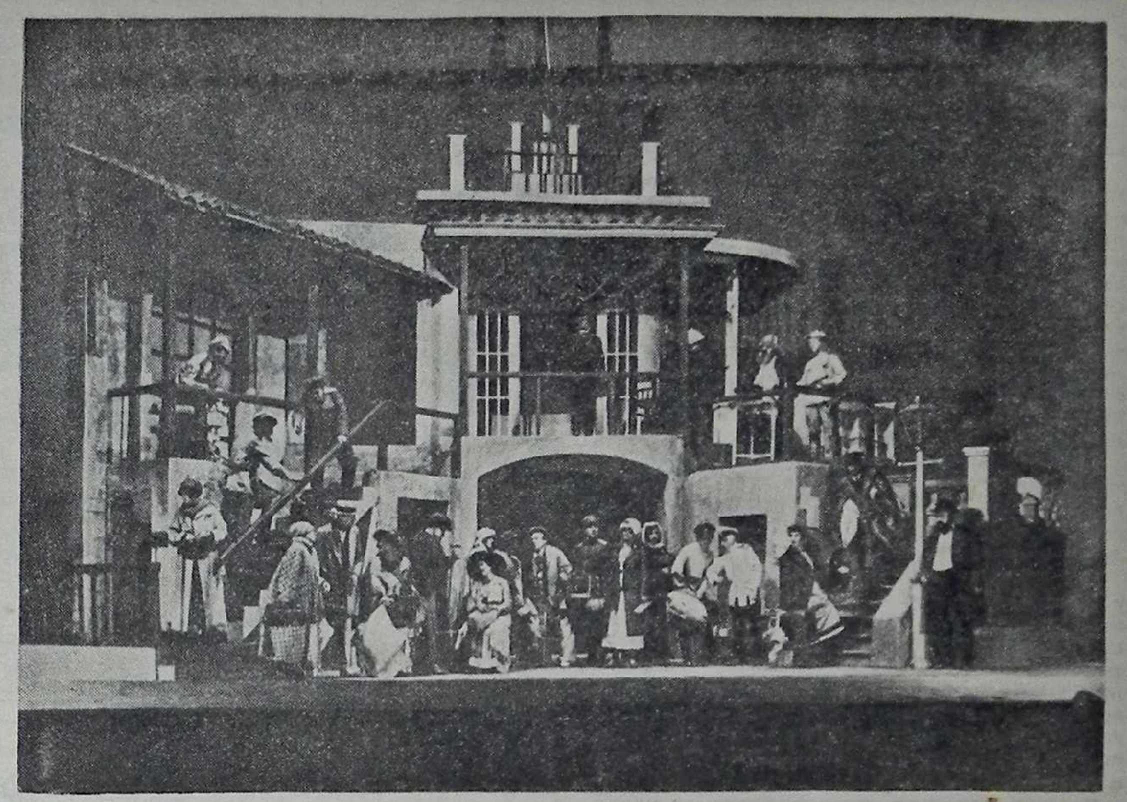
Во время работы над пьесой театр помог мне не скрупулезной проверкой авторского текста, не тем, что смотрел автору через плечо во время писания пьесы, а помог глубокой заинтересованностью в содержании пьесы и страстным желанием показать современному зрителю пленительный облик великого Пушкина.

И если спектакль Малого театра хотя бы на сотую долю усилит у зрителя любовь к поэту, к мудрости и мощи его стихов, то это будет наилучшим выражением любви Малого театра и к своей стране и к ее культуре.

Столетие ушло, оставив театру немеркнущую славу. И надо пожелать, чтобы Малый театр смело шел ко все большей славе сценического искусства.

АКТЕРЫ

Л. НИКУЛИН



Сцена из спектакля «Любовь Яровая» К. А. Тренева.

У фасада Малого театра бронзовый монумент — в покойном кресле сидит великий русский писатель и глядит на кипящую вокруг жизнь вечно молодой Москвы. Вечером зажгутся огни, осветится огромная площадь и еще одна тысяча зрителей войдет в открытые двери театра.

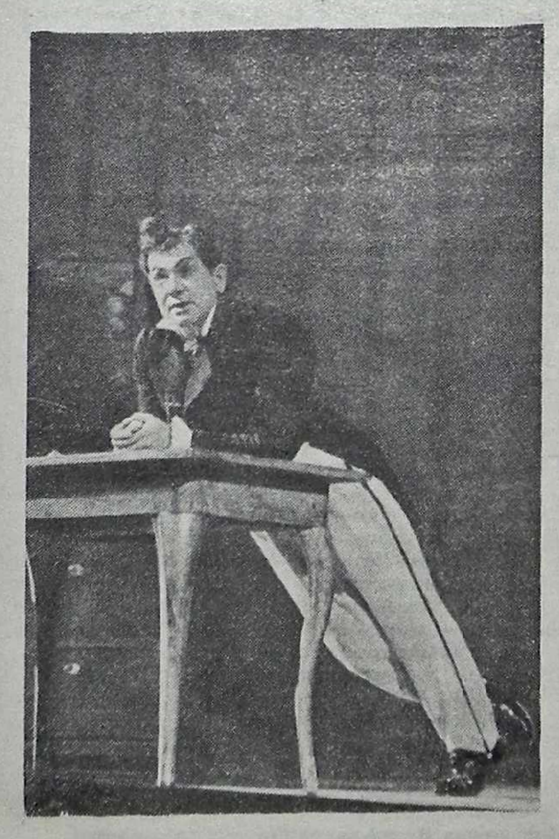
За 125 лет сменилось несколько поколений артистов Малого театра.

На наших глазах произошла смена поколений. Нет Ермоловой, Садовской, Федотовой, Лешковской, нет Ленского, Южина, Правдина, Рыбакова, Горева. Мы еще застали их и помним голос Ермоловой, благородный и сильный, как звук драгоценного инструмента; певучий, льющийся, как родник, говорок Садовской; мужественный, сильный тембр голоса Южина...

Все эти воспоминания и тени возникают перед нами, когда глядим на золоченую арку занавеса, думая о прошлом русского театра.

Попрежнему мил сердцу обновленный, сверкающий золотом, нарядный театральный зал. Думается, что он неразрывно связан с одним из примечательных мест Москвы, с сокровищницей русской живописи — Третьяковской галлереей.

Когда на сцену выходила Ольга Осиповна Садовская, освещенная ярким светом рампы, то лицо ее, стать, осанка напоминали нам картины великих русских художников. Не с картин ли передвижников сошла эта самодовольно улыбающаяся, хитрая, бойкая на язык старуха? Только в этом театре у актеров и актрис, так много и так ярко игравших Островского, можно было видеть образы, как бы запечатленные кистью художника. Не этого ли купчину видели мы в картине «Приезд гувернантки»? Не это ли лицо глядело на нас с картины «Сватовство майора» кисти Федотова? Кто еще так умел носить шали, робро-ны, капоты, добротные купеческие сюртуки, кафтаны, сибирки, чуйки, поддевки, как носили их на сцене Малого театра?



«Ревизор» Н. В. Гоголя. И. В. Ильинский в роли Хлестакова.

Фото А. Горнштейна

Не раз говорили о том, что с переводом столицы в Петербург Москве посчастливилось. Она была далека от сановного, от придворного Петербурга, города «капральства, прихотей и моды».

«Москва нужна для России, для Петербурга нужна Россия»,— писал Гоголь. Малый театр мог жить и творить только в Москве, но искусство его нужно было не одной Москве, а всей России. И как ни ворчали петербургские театралы, как ни ворчало «избранное общество», которому казалось, что сцена провоняла чуйками и сапогами, но петербургский Александринский театр ставил пьесы Островского, ставил после Москвы: и в Петербурге жили русские люди, и им был дорог луч света в темном царстве.

Как бы близко ни стоял человек к театру, ему трудно проникнуть в тайну преемственности искусства. Устные рассказы, редкие снимки, воспоминания о том, как играли ушедшие,— именно они создают традицию исполнения той или иной роли. Но каждый истинный художник мечтает сыграть по-своему роль, которую до него играли знаменитые его предшественники. В русло величавой многоводной реки вливаются новые притоки, вливаются, не замутив кристально чистые струи искусства ушедших поколений.

В предвоенном 1940 году в Малом театре возобновили «Лес». Гурмыжскую играла Яблочкина, Улиту — Рыжова. И снова со сцены неслась чистейшая русская речь. Яблочкина и Рыжова составляли стройный, дополняющий друг друга дуэт: тут было и лукавство, и ханжество, томительные воспоминания о грешной молодости. Затем любимый зрителями диалог Геннадия Несчастливцева с Аркашкой Счастливцевым.

Пров Михайлович Садовский играл Несчастливцева. Этот блестящий представитель великой артистической династии вырастал на глазах у Москвы; от роли к роли игра его становилась глубже и проникновеннее. В последние годы жизни он показал Москве еще и своего Фамусова.

Прелесть исполнения Провом Садовским роли Несчастливцева заключалась в том, что он играл не неудачника — провинциального трагика, а человека, влюбленного в трагические образы, которые ему довелось сыграть в жалком провинциальном театре. Он, Несчастливцев, не может совершить низость, не может уронить свою честь, потому что сыгранные им высокие, благородные характеры стали его вторым «я». Несчастливцев-Садовский произносил свои тирады с немного комичным пафосом, но таков и должен быть «безумный друг Шекспира», рыцарь добра, справедливости, чести, Дон-Кихот, у которого есть свой Санчо Панса — Счастливцев. И весь облик Садовского-Несчастливцева, старенький сюртук, который он носит с достоинством, как римскую тогу, бутафорские ордена, которыми гордится, как настоящими,— все это было в лучших традициях Малого театра и в традициях замечательных представителей артистического рода Садовских.

Счастливцев и Несчастливцев — Дон-Кихот и Санчо Панса — это, разумеется, не ново, но только Островскому, так хорошо знавшему старый театр и актеров, могло придти на ум привести в усадьбу «Пеньки» помещицы Гурмыжской актеров-неудачников. Он любил эти образы — Счастливцева, Шмагу, Робинзона — и потому возвращался к ним. И странно, пролетели десятилетия, нет Счастливцевых и Несчастливцевых, нет Шмаги и старых театральных нравов, а зритель до сих пор любит этих милых чудаков, несчастных бродячих актеров и встречает их появление на сцене радостной улыбкой.

В этом спектакле Счастливцева играл Игорь Ильинский — актер сложной артистической биографии. Рядом с Садовским-Несчастливцевым, с его гордой осанкой, картинными жестами, легкий, подпрыгивающий, как воробушек, простодушно-плутоватый Аркашка-Ильинский вызывал неудержимый и добродушный смех. Сверкая блестками непосредственного, светлого юмора, он кружится, вьется вокруг Несчастливцева, поражая нахальным эгоизмом, отсутствием твердых моральных устоев, и это не со зла, а потому, что такой у него характер.

Превосходный комедийный актер Ильинский сыграл все, о чем могли мечтать русские комики: Хлестакова, Загорецкого, Счастливцева, Крутицкого, Мурзавецкого,— и сыграл Чеснока в советской комедии «В степях Украины», где соревновались три блестящих комедийных актера: Зражевский, Светловидов и Ильинский.

В Малом театре бывали иногда спектакли, в которых недоставало единого звучания, но и в этих спектаклях сверкали, переливаясь всеми гранями, истинные таланты.

Лыняева в «Волках и овцах» играл Климов. Секрет его дарования был в несравнимой ни

с чем искренности тона, жизненности интонаций. Вот он выходит, сонный, грузный, обмахивающийся платком от мух, и сразу возникает ощущение жаркого июльского дня, живо представляется дремотное, беззаботное помещичье житье в медвежьем уголке.

Климов сыграл Фамусова в стенах Малого театра после Щепкина, о котором благоговейно передают из поколения в поколение легенды. Климов читал стихи с непостижимой легкостью, простотой тона — исчезала театральная условность. Он жил в роли московского барина, в давно ушедшем веке «старух зловещих, стариков, дряхлеющих над выдумками, вздором». Это был бесхитростный, но полный жизни, красок, движения спектакль, с молодым, горячим, язвительным Чацким-Царевым и изумительным Фамусовым-Климовым.

Малый театр доказал еще раз, что ключ к тайне великого искусства — не только талантливая игра артиста, но и чувство эпохи и уменье открыть в драматургии то, что близко душе современного зрителя.

По-разному складываются судьбы актеров: у одного звезда сияет ровным, лучистым светом от начала и до конца пути, у другого звезда вспыхивает и угасает еще в годы молодости, у третьего она вспыхивает ярко в конце пути, и ее сияние остается на вечные времена в истории искусства. На склоне лет Александру Алексеевичу Остужеву было дано сыграть Отелло и Уриэля Акосту — две роли, о которых мечтали величайшие трагики мира.

Успех, или, вернее, триумф, Остужева можно объяснить тем, что артисту открылось то вдохновенное, та тайна воздействия на зрителей, которой в этих ролях владели великие художники сцены. Но было в игре Остужева и другое — то, что ему было дано нашим временем, советской эпохой. Не только тема любви к Дездемоне, не только тема ревности увлекла современного трагического актера: «черный» Отелло, мавр, генерал Венецианской республики, полководец, выигравший для нее не одно сражение, герой, сознавал, что самый ничтожный из венецианцев, «белый», считает себя выше его, Отелло. «Цвет кожи» — этот вековой предрассудок одинаково мерзок и отвратителен и во времена Венецианской республики и сегодня, под полосатым и звездным знаменем Соединенных Штатов. И это рассказал со сцены советский артист Остужев...

И точно так же он сумел в «Уриэле Акоста» сказать то, что для зрителя наших дней является более важным, чем самоотверженная любовь Юдифи к философу Уриэлю Акоста:

Кто с первых дней сошел с прямой дороги,
Тот пусть потом из камня хлеб творит —
Ему никто не станет верить...

Предшественник Спинозы, Уриэль Дакоста, как его звали в действительности, не выдержал преследований мракобесов и наложил на себя руки: он не нашел в себе сил, чтобы жить и бороться и остаться верным своим убеждениям. В этой роли, одной из самых трудных для трагического актера, Остужев жил, мыслил, страдал, падал и поднимался в своей борьбе, но главное, к чему призывала его игра,— это к мужеству, к стойкости убеждений, к верности в служении идее.

Как звон колокола, звучал голос Остужева:

...Силу
святого убежденья навсегда
теряет тот, кто раз от убежденья
отрекся...

Это был призыв бороться с мраком, идти прямой дорогой к священной мечте человечества, к светлому будущему.

Таким был в своем классическом репертуаре Малый театр, куда приходят изучать русскую классическую драматургию. Но театр — не музей, и Малый театр утратил бы свое значение для народа, если бы не осуществил благодетельный поворот к современной теме. То, что в Художественном театре совершил «Бронепоезд 14-69», сделала в Малом театре «Любовь Яровая» К. А. Тренева.

Эта пьеса, сыгранная талантливыми актерами Малого театра, облеклась плотью, осве-



Народный артист СССР А. А. Остужев в роли Отелло.

тилась заревом величайшей исторической эпохи, стала любимым спектаклем наших советских зрителей.

Комиссар Кошкин, рыцарь революции, образ благородный и романтический, сохранился в нашей памяти. Это была одна из лучших ролей, сыгранных Провом Михайловичем Садовским. Матрос Швандя—Степан Кузнецов— и до сих пор остается любимым героем наших зрителей. Нет на свете Степана Кузнецова, но осталась прекрасная традиция — именно таким самоотверженным, веселым, сметливым и бесстрашным парнем играть роль Шванди в пьесе Тренева.

Играть заглавную роль в пьесе, которая начинала новый этап в истории театра, и лестно и тревожно. Вера Николаевна Пашенная сыграла эту роль, и образ Любови Яровой для нас слился с обликом актрисы, со страстным, взволнованным тембром ее голоса.

Ярового играл Ольховский — актер, самой природой созданный для ролей обаятельно красивых «первых любовников». Ему пришлось играть роль человека, вызывающего ненависть и презрение у зрителей, он сам судил Ярового — и осудил и заклеймил перед зрителями.

Истинным кладом для труппы Малого театра были эпизодические роли. Турчанинова — профессорша Горностаева, мещанка с замашками светской дамы... Ее уморительное появление на рынке, томный вид угнетенной революцией дамы, торгующей сахарином, и сладостные воспоминания ее об ореховом торте — это была злая, умная карикатура и вместе с тем удивительно верный и точный портрет дамы из «бывших».

Панова — змея, меняющая кожу, циничное и наглое существо. Ее играла Елена Николаевна Гоголева, и зрители как бы предвидели судьбу Пановой, эпилог ее жизни, где-нибудь в эмигрантском баре на Рю Пигаль, в Париже.

Исполнится желание Елисатова — опустошенного, продажного, циничного негодяя, мечтающего получить «или в Москве — Россию, или в Париже — вас», то есть Панову.

Елисатова играли Климов и Яковлев; Чира — особу духовного звания, предателя, с молитвой на устах отправляющего людей на виселицу,— играл Скуратов.

Наконец, Дунька, которую с сверкающим юмором сыграла Дымова, та самая спекулянтка Дунька, о которой профессор Горностаев говорил: «Пустите Дуньку в Европу»,— вызывая громовой хохот зрительного зала.

А как сыграла Рыжова крестьянку, мать солдата белой армии, как сыграл Сашин-Никольский конвоира! Поистине «Любовь Яровая» — один из тех спектаклей, когда каждое появление актера или актрисы на сцене было своего рода праздником и весь спектакль в целом был праздником и победой нашего советского театрального искусства.

И точно так же, как время величайших революционных бурь — гражданская война — было отражено в спектакле «Любовь Яровая», Малый театр сумел показать нам героическую эпоху Великой Отечественной войны советского народа в пьесе Л. Леонова «Нашествие».

Патриоты отдавали жизнь за советскую Родину, народ услышал имена Зои Космодемьянской, Гастелло. Но откуда-то со дна жизни поднималась черная накипь, то подлое и низкое, что таилось в душонках оборотней, и эта гнусность и низость воплощена была в роли Фаюнина в исполнении Межинского. Он сыграл отщепенца, врага народа, врага своей Родины, долгие годы таившего свои истинные чувства,— сыграл и казнил его на глазах зрителей.

В «Нашествии» зритель увидел во всей силе их дарования актеров и актрис старшего поколения — Садовского, Пашенную, затем Леонтьева, Грузинского и совсем молодую артистку Хорькову.

«Нашествие» было написано по горячим следам событий первых месяцев войны. Когда актеры выходили на вызовы, они видели почти сплошные ряды людей в защитной одежде. Это были дни, когда взоры всего мира были обращены к городу на Волге — Сталинграду.

Кончался спектакль, люди уходили из театра и шли по затемненным улицам военной, настороженной Москвы. Высоко в небе, как часовые, стояли аэростаты воздушного заграждения. С высоты доносилось неумолчное гудение ночных истребителей...

Советский народ защитил свое отечество, защитил драгоценное наследие культуры — литературу и искусство.

Уже в дни мира Малый театр по традиции возобновил «Ревизора». Хлестаков-Ильинский — розовый, румяный барчук, пустейший болтунишка, простодушный враль, с легкостью в мыслях необыкновенною, с походкой вприпрыжку, как у петербургских хлыщей. Как фейерверк, он ослепляет обитателей медвежьего угла, окаменевших от почтительного ужаса. Им невдомек, что такими хлыщами хоть пруд пруди на Невском, под арками Гостиного двора. Опьянев от бутылки-толстобрюшки, Хлестаков несет уже совсем дикую чушь, вернее, не он несет, а его куда-то несет от одной стадии опьянения до другой и в конце концов, как ветром, сдувает со сцены, и знаменитый «лабардан» звучит уже совсем бессмысленно, как вопль упившегося до положения риз человека.

С той минуты, как пошел занавес, в зале не умолкает смех. А ведь вокруг сидят серьезные люди: инженеры, офицеры, рабочие, студенты, ученые — трудовой советский зритель, и что им до солдафона-городничего, до Бобчинского с Добчинским, до Анны Андреевны и Марии Антоновны и смотрителя училищ Луки Лукича? Поистине бессмертная комедия! Бессмертная потому, что она открывает нам ту Россию, которая была помещичьей, крепостной, царской Россией, открывает нам Россию Николая I, с ее темнотой и косностью.

Они пришли из прошлого столетия, из России Николая Палкина: и дородная, чванная, жантильная городничиха Анна Андреевна — Пашенная, и дочь ее, кисейная девица Мария Антоновна,— Хорькова, и облезлый, тронутый молью чиновник Лука Лукич — чудесный актер Сашин-Никольский, и, конечно, городничий — Григорьев, городничий, обманувший трех губернаторов, а фитюльку, тряпку, принявший за настоящего человека...

Это Малый театр. И понятно, почему действие прерывается громом рукоплесканий: они идут от сердца, от искреннего восхищения игрой актеров Малого театра — театра, где ежели уж дают классическую комедию, так это — «просто мое почтение», как сказано у Николая Васильевича Гоголя.

Умеют играть образы века минувшего, умеют играть людей нашего времени актеры Малого театра. И за это его любит наш народ.

Президенту Германской Демократической республики

ГОСПОДИНУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ПИКУ

Премьер-министру правительства Германской Демократической республики

ГОСПОДИНУ ОТТО ГРОТЕВОЛЮ

Разрешите приветствовать вас и в вашем лице германский народ с образованием Германской демократической республики и избранием первого — президентом и второго — премьер-министром Германской демократической республики.

Образование Германской демократической миролюбивой республики является поворотным пунктом в истории Европы. Не может быть сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами.

Опыт последней войны показал, что наибольшие жертвы в этой войне понесли германский и советский народы, что эти два народа обладают наибольшими потенциями в Европе для совершения больших акций мирового значения. Если эти два народа проявят решимость бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным.

Таким образом, закладывая фундамент для единой демократической и миролюбивой Германии, вы вместе с тем делаете великое дело для всей Европы, обеспечивая ей прочный мир.

Можете не сомневаться, что, идя по этому пути и укрепляя дело мира, вы встретите великое сочувствие и активную поддержку всех народов мира, в том числе американского, английского, французского, польского, чехословацкого, итальянского народов, не говоря уже о миролюбивом советском народе.

Желаю вам успеха на этом новом, славном пути.

Пусть живет и здравствует единая, независимая, демократическая, миролюбивая Германия!

И. СТАЛИН.

13 октября 1949 года.

Ответ Президента Германской Демократической Республики и Премьер-Министра Временного Правительства Германской Демократической Республики

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ГЕНЕРАЛИССИМУСУ И. В. СТАЛИНУ

От имени германского народа мы выражаем Вам, высокоуважаемый господин Генералиссимус Сталин, нашу глубокую благодарность за трогательные и волнующие слова, с которыми Вы обратились к нам по случаю образования Германской Демократической Республики и ее Правительства.

Германский народ восхищается последовательностью мирной политики Советского Правительства, которая приносит ему столь большую пользу. Германский народ еще раз благодарит Советское Правительство и, прежде всего, Вас за заявление, которым Вы 10-го октября через Вашего верховного представителя в Германии генерала армии В. И. Чуйкова передали нам функции управления в Германии и тем самым сделали возможным возникновение Германской Демократической Республики.

В связи с высказанными Вами великодушными словами, германский народ считает важным снова признать историческую вину, которую он принял на себя в результате нападения на Социалистический Советский Союз. Германский народ искренне признает обязательства, которые вытекают для него из Потсдамского соглашения и выполнение которых служит прежде всего его интересам.

Германский народ с особым волнением воспринял слова, которыми Вы характеризуете образование миролюбивой Германской Демократической Республики как поворотный пункт в истории Европы. Он сумеет оценить значение Вашего заявления о том, что мир в Европе можно считать обеспеченным, если советский и германский народы «проявят решимость бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну».

Мы торжественно обещаем Вам сделать все для того, чтобы впредь с еще большей решимостью мобилизовать на сохранение и укрепление мира значительные силы, воплощенные в Германской Демократической Республике.

При осуществлении этих задач германский народ черпает силу и уверенность из сознания того, что великий советский народ, его правительство и Вы лично не откажете ему в сочувствии и активной поддержке. Германский народ не мог не почувствовать теплоту Ваших слов.

Намереваясь создать единую независимую демократическую и миролюбивую Германию и тем самым также обрести сочувствие и поддержку всех народов мира, германский народ через нас приветствует славный советский народ, воля которого к миру и достижения которого служат ему ярким примером. Он посылает свои особые приветствия и благодарность Советскому Правительству и его мудрому великодушному вождю.

Президент Германской Демократической Республики
ВИЛЬГЕЛЬМ ПИК.

Премьер-Министр Германской Демократической Республики
ОТТО ГРОТЕВОЛЬ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ

★ ★ ★

ГЕНЕРАЛИССИМУСУ СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Уважаемый Генералиссимус Сталин!

По случаю первой годовщины установления дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой позвольте мне, уважаемый Генералиссимус, от имени Правительства Корейской Народно-Демократической Республики, народа и лично от себя выразить Вам и в Вашем лице Советскому Правительству и всему советскому народу чувства искренней дружбы и благодарности.

Советский Союз, первым установив дипломатические отношения с нашей молодой республикой, еще раз показал корейскому народу и всему миру, что он до конца верен принципам своей политики, направленной на укрепление дружбы народов, на уважение суверенитета и равноправия больших и малых народов.

Заключенное в марте текущего года между Союзом ССР и Корейской Народно-Демократической Республикой соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, основанное на полном равноправии сторон, уже оказало и оказывает огромное влияние на прогресс во всех областях экономической и культурной жизни нашей страны. С помощью Советского Союза в нашей стране достигнуты большие успехи не только в деле экономического восстановления, но и в реконструкции народного хозяйства, опирающиеся на последовательные демократические реформы, проведенные народно-демократической властью. Наш народ, отстаивающий право на независимость и суверенное демократическое государство против попыток американских империалистов вновь закабалить Корею, всегда встречал и встречает сочувствие и поддержку великого Советского Союза — освободителя и друга корейского народа.

Корейский народ, отмечая первую годовщину установления дипломатических отношений между Союзом ССР и Корейской Народно-Демократической Республикой, открывшего новую страницу в истории Кореи, шлет Вам, Генералиссимус Сталин, самый сердечный привет и пожелания доброго здоровья на благо передового человечества.

КИМ ИР СЕН
Председатель Кабинета Министров
Корейской Народно-Демократической Республики.

ПХЕНЬЯН, 11 октября 1949 г.

Председателю Кабинета Министров Корейской Народно-Демократической Республики

КИМ ИР СЕНУ

ПХЕНЬЯН.

Прошу Вас, г-н Председатель, принять мою благодарность за выраженные Вами дружественные чувства и пожелания по случаю годовщины установления дипломатических отношений между Корейской Народно-Демократической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик.

Желаю корейскому народу дальнейших успехов в строительстве своей Народно-Демократической Республики.

И. СТАЛИН.

14 октября 1949 года.

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

Л. ВЕТРОВ

7 октября вступила в жизнь Германская демократическая республика, провозглашенная в Берлине на сессии Немецкого народного совета. Этот день останется в летописях Германии как дата коренной перемены в судьбах немецкого народа. Впервые после того, как в течение долгих лет империалистическая Германия была очагом агрессии и реакции в Европе, германский народ имеет демократическое правительство, призванное служить делу мира.

Значение исторического решения Немецкого народного совета, выразившего волю подавляющего большинства германского народа, с исключительной глубиной и великой прозорливостью определил товарищ Сталин в своем приветствии президенту Германской демократической республики Вильгельму Пику и премьер-министру ее правительства Отто Гротеволю. Как указывает товарищ Сталин в своем приветствии, образование Германской демократической миролюбивой республики является поворотным пунктом в истории Европы. Великий вождь трудящихся всего мира выразил уверенность, что существование демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами.

Письмо товарища Сталина — яркое выражение советской политики мира, основанной на уважении прав народов. Оно, как мощный прожектор, освещает весь путь той настойчивой и последовательной борьбы, которую вел и ведет Советский Союз за то, чтобы Германия была восстановлена как единое мирное демократическое государство, чтобы были выкорчеваны до конца остатки германского фашизма и милитаризма, чтобы германский народ мог вступить в семью миролюбивых народов.

Еще в разгар Великой Отечественной войны прозвучали на весь мир слова товарища Сталина о том, что германский народ нельзя отождествлять с гитлеровской Германией. Товарищ Сталин назвал тогда клеветой на Красную Армию болтовню гитлеровцев о том, будто она имела целью истребить германский народ и уничтожить германское государство. «Опыт истории говорит,— сказал товарищ Сталин,— что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается».

Годы, которые прошли после разгрома Советской Армией разбойничьего гитлеровского режима, воочию показали всему миру мудрость и справедливость предначертанной великим Сталиным политики советского государства в отношении Германии. Эта политика была устремлена на то, чтобы покончить с последствиями гитлеровской тирании, которая сделала германский народ одновременно орудием и жертвой своих кровавых планов, помочь немецкому народу создать новую Германию, Германию мира и демократии.

Еще в 1946 году на Парижской сессии Совета министров иностранных дел В. М. Молотов, касаясь вопроса о дальнейшей судьбе Германии, говорил:

«Советское правительство всегда считало, что чувство мести не является хорошим советчиком в таких делах. Неправильно и отождествлять гитлеровскую Германию с германским народом, хотя германский народ не может снять с себя ответственности за агрессию Германии и за ее тягчайшие последствия... Надо смотреть не назад, а вперед, и нужно заботиться о том, как сделать, чтобы Германия стала демократическим и миролюбивым государством...».

Эту политику, вытекающую из духа и буквы Потсдамского соглашения, Советский Союз проводил неизменно на протяжении послевоенных лет. В советской зоне оккупации были созданы условия для свободной и широкой деятельности антифашистских политических партий, возродились и окрепли профсоюзы, была осуществлена демилитаризация и денацификация, ликвидирована власть реакционных картелей, уничтожены очаги фашизма. Это пробудило к жизни демократические силы германского народа, дало им возможность выйти на широкую дорогу строительства новой Германии. Следствием этого явилась Германская демократическая республика, провозглашенная 7 октября.

Иными были цели, иной была политика в Германии западных держав — Соединенных Штатов, Англии, Франции. Они растоптали Потсдамские соглашения, одобренные всем прогрессивным человечеством, повели дело к расколу страны, оторвали от остальной Германии ее западную часть и создают там вновь паучье гнездо фашизма и милитаризма. Они лишили немецкий народ законного права на восстановление своего суверенитета и национального единства. От Германии ими фактически оторгнут Рур, в интересах американских трестов разрушается немецкая мирная промышленность, бремя долгов, взваленных на плечи немецкого населения, достигло уже пяти миллиардов долларов. Вся эта политика ограбления и закабаления немецкого народа увенчана созданием марионеточного «западногерманского государства», которое немецкая народная молва уже прозвала «королевством американского комиссара Макклоя».

Подлинными правителями «западногерманского государства» являются заправилы американских и английских монополий, те, кто совместно с круппами и фликами вскормил и привел к власти Гитлера, кто в черные дни Мюнхена натравливал гитлеровскую третью империю на Советский Союз. Морганы и дюпоны вкупе с английскими баронами стали и химии и немецкими магнатами Рура готовят судьбу колониальных рабов для гамбургских докеров, рейнских металлистов, рурских горняков.

Англо-американские империалисты и их немецкие ставленники пытаются снова превратить трудящихся Западной Германии в пушечное мясо в интересах американских и английских монополистов.

Не случайно в Западной Германии так открыто покровительствуют гитлеровским генералам, терзавшим другие народы во время второй мировой войны, амнистируют военных преступников вроде генералов Штрауса и Рундштедта, по приказу которых были уничтожены сотни тысяч мирных советских граждан. Англо-американские империалисты и немецкие квислинги хотят опять направить Германию по пути агрессии.

Раскалывая и расчленяя Германию, империалисты США и Англии рассчитывали, что в Германии не найдется силы, которая выступит против их гибельной политики. Они надеялись скинуть со счетов немецкий народ. Они не учли того, что жестокие уроки гитлеровского террора и войны не прошли даром для миллионов немцев. В Германии нашлась сила, решившая не допустить превращения страны в колонию, а немецкого народа — в наемных солдат иноземных поджигателей войны. Эта сила — народное демократическое движение, которое дало Германии демократическую республику.

Всякому честному трудящемуся немцу отныне, когда Германская демократическая республика стала исторической реальностью, еще более глубоко западет в душу разительное отличие между западной и восточной частью Германии. В то время как там, в западных зонах, так называемое «немецкое самоуправление» является лишь клочком бумаги, а на деле вся жизнь определяется «оккупационным статутом»,— в восточной зоне советское правительство передало Временному правительству Германской демократической республики функции управления, которые принадлежали до сих пор советской военной администрации. Это вызвало огромный энтузиазм среди населения всей Германии. Как указал в своем обращении к народу президент Германской демократической республики Вильгельм Пик, это является «актом дальновидной и великодушной государственной политики, проводимой правительством Социалистического Советского Союза под руководством мудрого премьер-министра Генералиссимуса Сталина по отношению к немецкому народу. Этим самым германскому правительству предоставлена возможность неограниченной работы на благо немецкого народа, и последнему предоставлен полный суверенитет».

Всенародное ликование и благодарность вызвали в Германии историческое приветствие товарища Сталина, проникнутое доверием к немецкому народу, а также сообщение об обмене миссиями между Советским Союзом и Временным правительством Германской демократической республики. Миллионы трудящихся немцев заявляют о том, что они ответят на этот акт доверия и дружбы со стороны Советского Союза еще более сплоченной борьбой за создание подлинно демократической единой Германии, за сохранение мира. Сотни тысяч немецких рабочих, крестьян, интеллигентов в своих резолюциях горячо приветствуют великого друга германского народа И. В. Сталина.

Исторические события, происшедшие в последние дни в жизни германского народа, встречены с радостью и воодушевлением миллионами людей труда во всех странах мира. Эти люди видят, что программа правительства Германской республики основана на точном, неукоснительном выполнении Потсдамских решений, что это программа совместной борьбы трудящихся Германии со всеми демократическими силами мира за прочный мир и сотрудничество между народами. Это видят и силезский шахтер, и металлисты и обувщики Чехословакии, и горняки французского Севера, и машиностроители Милана и Турина. Как указал товарищ Сталин, Германская демократическая республика встретит «великое сочувствие и активную поддержку всех народов мира, в том числе американского, английского, французского, польского, чехословацкого, итальянского народов, не говоря уже о миролюбивом советском народе». Отныне международный фронт мира получил в лице Германской демократической республики новое пополнение, нового союзника. Как писала итальянская газета «Унита», «создание Германской демократической республики означает не только конец пресловутого «дранг нах остен», т. е. попыток натравить Германию на Советский Союз и на страны Восточной Европы; оно означает также мир в Европе и переход огромного германского исторического и экономического потенциала на службу дела мира».

Вполне понятно, что в лагере поджигателей войны провозглашение Германской демократической республики вызвало новые припадки неистовой злобы. Потерпевшие серьезную неудачу империалистические колонизаторы Германии изливают свою желчь в клеветнических выпадах против германского народа, избравшего путь единства, мира и демократии. Но эта бессильная клевета, за которой скрываются смятение и растерянность современных претендентов на мировое господство, не может изменить ничего в тех исторических событиях, которые переживает сейчас с радостью и гордостью германский народ. Народ Германии сделал свой выбор: он занял свое место в лагере мира и демократии. Тем самым нанесен жестокий удар по преступным замыслам поджигателей новой войны, тем самым еще более укрепились позиции сил мира и прогресса.

Перед праздником

Сначала на четвертый этаж внесли гардероб, потом — диван. В этот момент мы и вошли в квартиру. Хозяйка дома Мария Федоровна Кудрявцева попросила извинение за беспорядок в комнате:

— Вот, купила к празднику платяной шкаф и диван. Хорошая покупка.. Посмотрите, какая нарядная обивка на диване.

М. Ф. Кудрявцева, возглавляющая бригаду по сборке автомобильных камер на Ярославском шинном заводе, и ее муж, Иван Григорьевич Кудрявцев, рабочий того же завода, получили на днях новую квартиру. Приятный подарок к Октябрьским дням! Но квартиру надо обставить. Правда, и старая мебель еще не плоха, но кое-что пришлось добавить. Заодно купили и зимнее пальто для дочери Тани.

Покупки сделали к годовщине Октября и соседи Кудрявцевых — семья слесаря Михаила Федоровича Девятова. Они приобрели радиоприемник, кровать, стулья.

218 рабочих Ярославского шинного завода получили недавно новые квартиры, кроме того 100 семей въедут в новые дома в конце этого месяца...

Заходим в ателье № 4, расположенное вблизи завода. И здесь предпраздничное оживление. В занавешенных портьерами кабинах, у высоких зеркал, заказчики примеряют костюмы, платья, пальто, шубы.

— Большинство с «шинного», — объясняет заведующий мастерской. — 1166 человек сшили и шьют себе к праздникам одежду самых модных фасонов.

...Теплотехник Леонид Васильевич Смелов недавно купил легковой автомобиль и в свободные часы катает друзей.

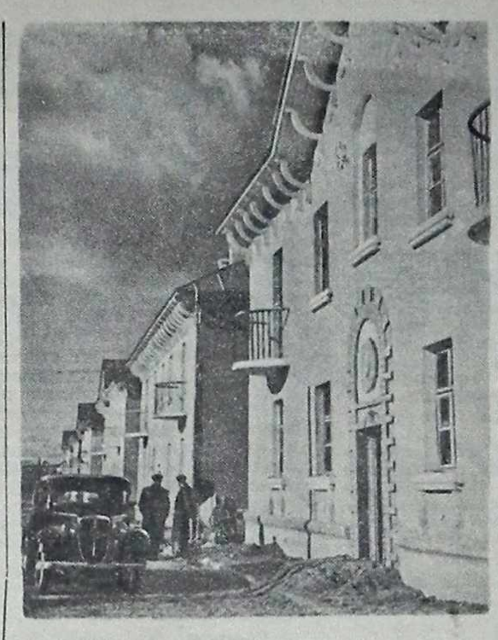
На Ярославском шинном заводе установилась хорошая традиция: в праздничные дни заболевшим рабочим преподносят подарки. В этом году, например, 1 Мая 42 человека получили шоколад, торты, конфеты, фрукты. Сейчас также готовятся праздничные подарки к 7 ноября. Не забыты и семьи погибших фронтовиков, инвалиды Отечественной войны, работавшие раньше на заводе.

Радостно встречают 32-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции рабочие Ярославского шинного завода. Коллектив завода досрочно выполнил свою пятилетку.

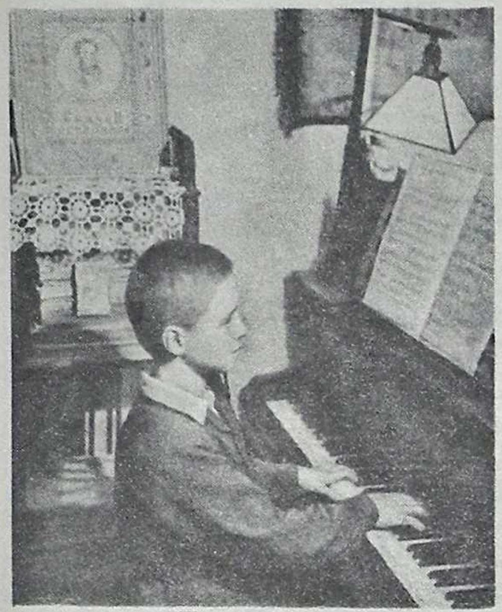
С. БОГОРАД

Фото М. Савина

г. Ярославль.



Рабочие завода въехали в новые дома.



Сын инженера Стыскина Женя получил от отца приятный сюрприз — рояль.

ПИК ИМЕНИ ПОЛЯ РОБСОНА

Во Фрунзе возвратилась группа альпинистов, совершившая 30 сентября восхождение на безымянную вершину в верховьях Аларчинского ущелья Киргизского Ала-Тау. Побежденная вершина, высотою более четырех тысяч метров над уровнем моря, названа именем известного негритянского прогрессивного деятеля, выдающегося артиста Поля Робсона. На вершине водружен каменный бюст Поля Робсона, исполненный заслуженным деятелем искусств Киргизской ССР скульптором О. М. Мануйловой.

...Последний день сентября в горах Тянь-Шаня был особенно погож и благоприятен для восхождения. На небе ни облака. Солнце жгло по-летнему. Выпавший накануне снег таял. В предутреннем сумраке отряд альпинистов выступил на штурм вершины.

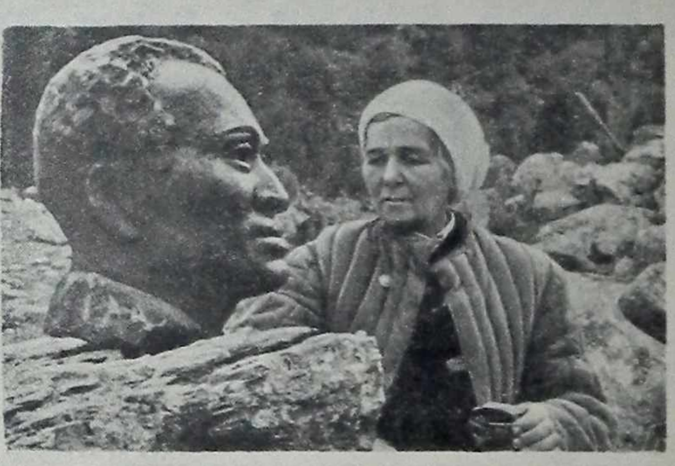
Первую треть пути пришлось идти по обвалам крупных камней, загромождающих верховья ущелья. Когда хаотические нагромождения камней остались позади, движение альпинистов не облегчилось. Пришлось пробивать путь в глубоком снегу, который покрывал поверхность ледника, крупными уступами спускавшегося с вершин. Врубаясь в лед, альпинисты поднимались все выше и выше. Кроме обычного горного инвентаря и оборудования спортсмены несли тяжелый бюст.

Только через десять часов после выхода с места ночлега вершина была достигнута. С нее открывалась необозримая панорама горных цепей седого Тянь-Шаня.

На крохотной площадке скалистого утеса альпинисты установили бюст Поля Робсона.

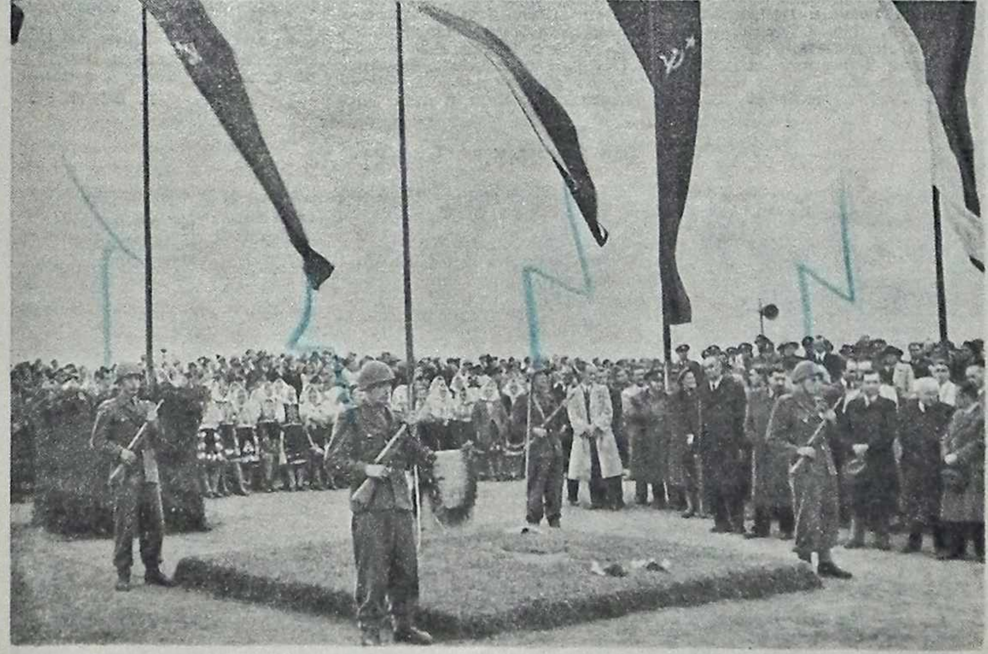
На коротком митинге выступавшие говорили: Поль Робсон — искренний друг Советского Союза, пламенный и бесстрашный борец за демократический мир и уничтожение расовой дискриминации. Советские альпинисты из чувства сердечной дружбы, боевой солидарности с теми миллионами простых людей Америки, которых представляет Поль Робсон, водружают этот бюст на одной из вершин Тянь-Шаня.

Фото и текст мастера спорта Владимира РАЦЕК.



Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР скульптор О. М. Мануйлова заканчивает отделку бюста Поля Робсона перед выходом группы альпинистов на восхождение.

В честь героев Дукельской битвы



Разгромив немецко-фашистских захватчиков на Дукельском горном перевале, части Советской Армии и первого чехословацкого корпуса в СССР вступили на территорию Чехословацкой республики. Это было пять лет тому назад, 6 октября 1944 года.

Трудящиеся народно-демократической Чехословакии широко отметили пятую годовщину знаменитой Дукельской битвы. Президент республики Клемент Готвальд в своей речи, произнесенной в Праге, подчеркнул, что чехословацкий народ «никогда не забудет о боях на Дукельском перевале. По личному приказу Генералиссимуса И. В. Сталина жерла советских орудий были обращены на Карпаты с тем, чтобы самым кратчайшим путем придти на помощь борцам словацкого национального восстания... На Дукле родился лозунг, который глубоко запал в чувство и сознание нашего народа: «С Советским Союзом навечно!».

Н а с н и м к е: закладка в словацком городе Свиднике памятника советским воинам—героям боев за перевал Дукла.

СОРЕВНОВАНИЕ КУЗНЕЦОВ

Кузнеца Андрея Белоусова знает каждый сталинградец. Именем Белоусова в городе называются передовые бригады и лучшие смены. Андрей Белоусов одним из первых открыл здесь лицевой счет сэкономленных материальных средств. На счету № 1, принадлежащем кузнецу Сталинградского тракторного завода Белоусову, сейчас насчитывается более 50 тысяч рублей, сбереженных уже в 1949 году на умелом расходовании пара и разных материалов. Знатный стахановец показал недавно небывалую выработку. Встав на предпраздничную вахту, он втрое перевыполнил сменное задание, причем каждая из откованных им деталей была принята с оценкой «отлично».

Андрей Белоусов три года соревнуется с лучшими кузнецами Москвы и Горького. Из москвичей наиболее серьезный «соперник» — автозаводец М. Ушкалов, из горьковчан — тоже автозаводец, лауреат Сталинской премии Куратов.

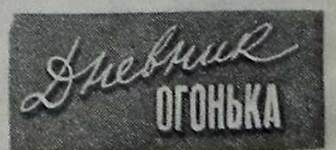
Трудовой спор между кузнецами трех городов ведется жарко, ревностно. Но это, конечно, не мешает им дружить, переписываться, встречаться.

М. Ушкалов решил к 7 ноября завершить выполнение годового задания. Его бригада при норме в 125 поковок дает 300, а порой и больше. Не отстает и горьковчанин Куратов. Недавно он отковал 1050 деталей вместо 640.

В предоктябрьское социалистическое соревнование включились сотни, тысячи сталинградцев. Вот хроника этих дней. Бригада кузнеца тракторного завода И. Бордина, работая по часовому графику, штампует за смену не 115, как требуется по норме, а 160 поперечных брусов. Токарь тракторного завода Анатолий Пиненжик установил рекорд скорости резания — 1319 метров в минуту. На предоктябрьскую вахту встал комсомолец-формовщик Иван Широченко. Он заформовал деталей в четыре раза больше, чем полагалось по плану.

В предоктябрьские дни в Сталинграде родилось новое движение — борьба за стахановский цех. Инициатором движения выступил участок тов. Бражнина на тракторном заводе. Этот участок за два года увеличил выработку продукции и повысил производительность труда в два с половиной раза.

Н. М.



Месячник польско-советской дружбы

Месячник польско-советской дружбы превратился в Польше в могучую демонстрацию братской дружбы и симпатий польского народа к народам Советского Союза. На торжественных собраниях и митингах, происходящих в городах и селах, выступающие единодушно отмечают, что углубление дружбы с миролюбивым Советским Союзом укрепляет силы лагеря мира.

В городах Польской народной республики с большим успехом проходит фестиваль советских кинофильмов. Театры и клубные драматические кружки проводят фестиваль советских пьес. В художественных мероприятиях участвуют лучшие музыканты и певцы, писатели, поэты и артисты.

В столице республики Варшаве месячник открылся концертом советского пианиста Павла Серебрякова в Государственном польском театре. В городе устроена выставка советской книги. На выставке широко представлены переводы на польский язык произведений классической русской и советской литературы и научные труды советских ученых, принесших им мировую славу.

В Кракове на концерте выступили советский пианист Лев Оборин и польский скрипач Тадеуш Вронский. В Краковском депо на митинге железнодорожников торжественно вручен стотысячный членский билет Общества польско-советской дружбы Краковского воеводства.

В Люблине организована передвижная выставка, отражающая жизнь советской деревни и достижения СССР по охране матери и ребенка. На предприятиях города проведены концерты, программа которых состояла из советских песен, танцев и художественного чтения произведений советских авторов.

На металлургическом заводе «Король» где все рабочие являются членами Общества польско-советской дружбы, очередные номера стенных газет были посвящены крепнущей нерушимой дружбе народов демократической Польши и Советского Союза. В Катовицах состоялся большой симфонический концерт советской и польской музыки. Перед концертом был сделан доклад о развитии советской музыки. Участники торжественного собрания в Катовицах возложили венки на памятник Благодарности Советской Армии.

В Познани открыта выставка советской научной книги. Показаны ценнейшие издания Академии наук СССР, библиотеки имени Ленина в Москве и университетских библиотек Советского Союза.

В связи с месячником польско-советской дружбы установлено ряд премий: за лучшее поэтическое произведение о польско-советской дружбе и музыку к нему, за лучший перевод произведений советских писателей, за лучшее исполнение роли в советских пьесах, за лучшее публицистическое произведение об СССР и о польско-советской дружбе. Организуются также ученические конкурсы на сочинение о польско-советской дружбе и на декламацию стихов советских поэтов, на лучшие успехи в изучении русского языка.

МОСКОВСКИЕ ДИНАМОВЦЫ — ПОБЕДИТЕЛИ ПЕРВЕНСТВА СССР ПО ФУТБОЛУ



Чемпион СССР 1949 года команда «Динамо» (Москва). Слева направо: Л. Соловьев, А. Хомич, А. Петров, И. Конов, М. Семичастный, В. Блинков, С. Соловьев, К. Бесков, В. Карцев, П. Иванов, А. Малявкин.

Фото Э. Гуттарца

На стадионах двенадцати городов разыгрывалось в этом году первенство СССР по футболу. Восемнадцать команд в напряженной, длительной борьбе, продолжавшейся полгода, оспаривали право считаться сильнейшей командой страны.

Первые матчи были проведены в апреле на южных стадионах, последние — 14 октября в Москве и Минске.

В Минске столичная команда «Динамо», сыграв свой последний, 34-й, матч с минскими динамовцами и выиграв его, праздновала внушительную победу. Московские динамовцы заняли первое место с отличным результатом — 57 очков (26 выигрышей, 5 ничьих и 3 поражения).

В Москве команда ЦДКА, сделав ничью (1 : 1) с «Зенитом», вышла на второе место. Армейские футболисты выиграли 22 матча, сделали 7 ничьих и 5 игр проиграли. Они отстали от победителей первенства на шесть очков и вынуждены были уступить звание чемпиона СССР. И все же результат ЦДКА надо признать отличным, если учесть, что команда выступала без ряда ведущих своих игроков. Только смелое выдвижение молодежи позволило команде ЦДКА с честью закончить длительное соревнование, требующее исключительной выносливости и самообладания.

На третье место, как и в прошлом году, вышла команда «Спартак». Много отличных матчей продемонстрировали спартаковцы в этом сезоне. Они выиграли 21 встречу, 7 свели вничью и 6 проиграли, отстав от ЦДКА на два очка. Спартаковские нападающие забили за сезон 93 гола, уступив только нападающим московского «Динамо», забившим 104 гола.

На четвертом месте — команда «Торпедо». Неудачно закончив первую половину турнира, торпедовцы сумели мобилизоваться и вторую половину провели отлично, обогнав уже на самом финише «Зенит».

«Зенит» занял пятое место в розыгрыше первенства СССР. И хотя команда очень неудачно провела второй круг, проиграв шесть игр подряд, ее успех в первом круге был настолько велик, что она смогла сохранить свое место в пятерке сильнейших.

В этом году в первенстве СССР приняли участие пять новых команд. Не все они играли на одинаковом уровне, но большинство доставило много напряженных минут лидерам первенства. Особенно хорошо провели первый сезон «большого футбола» харьковские локомотивцы. Команда заняла двенадцатое место, выиграв 10 матчей, в том числе и у московского «Динамо».

Итак, первенство СССР по футболу на 1949 год завершено, но сезон не закончен. В решающую стадию вступает розыгрыш «Кубка СССР», и мы еще будем свидетелями интересных схваток на стадионе.



УЗОР № 2334

На комбинате Трехгорной мануфактуры имени Ф. Э. Дзержинского открылась выставка, посвященная истории комбината за 150 лет. Здесь, среди документов, фотографий и диаграмм, отражающих весь полуторавековый путь славного предприятия, имеется множество образцов различных тканей, выпущенных фабрикой за время ее существования...

Таких образцов на комбинате около 33 тысяч. Все они хранятся в специальных шкафах. Возле каждого образца — отметка, указывающая, когда и в каком количестве изготовлена ткань данного рисунка. Но есть 4 образца без указания метража: ткани этих образцов в продажу не поступали — они были изготовлены несколько лет назад по специальному заказу.

...Когда было принято постановление о создании музея в Горках, в доме, где жил, работал и умер В. И. Ленин, решили восстановить здание в том виде, в каком оно находилось при жизни Владимира Ильича. Мебель, книги, которые читал Ленин, его рабочий стол, письменный прибор — все было в сохранности и полной неприкосновенности. Но обивка части кресел и диванов, а также занавеси в некоторых комнатах обветшали, и их необходимо было частично заменить новыми — такого же рисунка и такой же расцветки.

Изготовление тканей было поручено Трехгорной мануфактуре.

Заведующий граверным отделом комбината Алексей Григорьевич Моисеев рассказывает о том, как удалось выполнить это задание.

— Все материалы по этому делу, — говорит старый гравер, — хранятся у меня в записной книжке... Вот... Глядите: узор № 2334—три вала, три краски: серая, черная и голубая. Старинный рисунок, теперь таких не делают...

Алексей Григорьевич перевел узор с полуистлевшего образца сперва на кальку, затем на металлические валы; вручную он за два месяца выполнил всю работу. Мастера окраски — колористы — подобрали необходимые, чуть блеклые тона красителей, чтоб готовый материал не отличался от образца. Помогал им А. Н. Финягин, чей прадед был первым колористом фабрики в год ее основания, а дед и отец всю свою жизнь работали на «Трехгорке» по этой же специальности...

И вот суровье проходит через ситценабивную машину — и появляется ткань — точная копия материала, сделанного много лет назад.

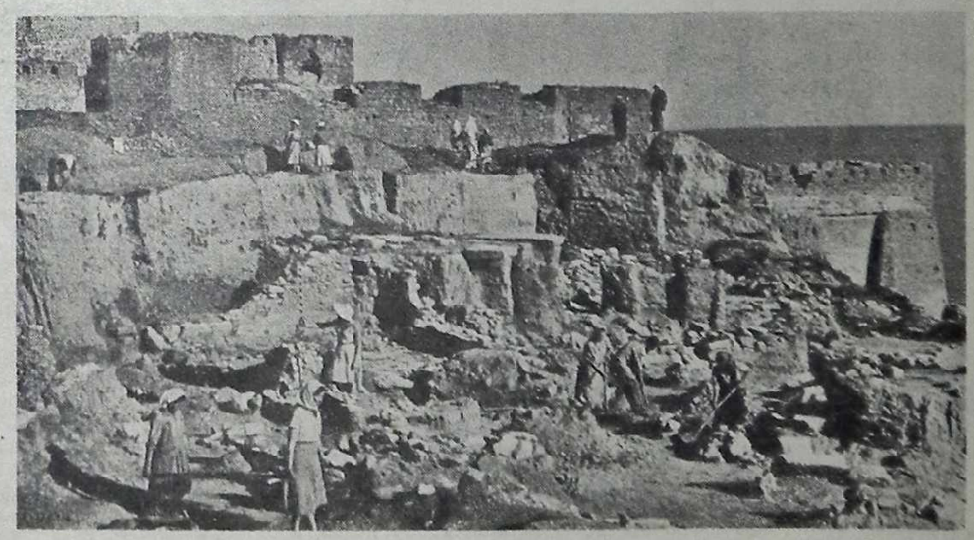
Первый опыт воспроизведения старинных материй блестяще удался и был продолжен. По заданию домамузея на комбинате были сделаны ткани для реставрации мебели и занавесок во многих комнатах дома, и только эксперт обнаружит разницу между старинным узором и рисунком, выполненными на фабрике, настолько схожи краски и оттенки.



Батист для занавесок.

Г. БОРИСОВ

На раскопках Белгорода



Институт археологии Академии наук Украинской ССР совместно с Измаильским краеведческим музеем возобновил на территории Белгорода — Днестровска (Измаильская область) раскопки одного из древнейших славянских городов — Белгорода, возникшего в VI столетии нашей эры на месте античного города Тиры, существовавшего 2,5 тысячи лет тому назад.

Найден целый квартал на площади в 3 тысячи квадратных метров, раскрыто три периода его существования: I период — расцвета, II период — падения Тиры и III период — возникновение славянского города Белгорода, бывшего днестровским центром антов.

Фото Мих. Рыжака

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ

Рассказ

Ник. МОСКВИН

Рисунок О. Верейского.

1

Поезд на узловую станцию прибыл в полдень. Как всегда, на незнакомом вокзале трудно было найти дверь, ведущую внутрь здания. Мелькали таблички: «Буфет», «Багажная касса», «Служебный проход». Обогнув здание и выйдя на пристанционную площадь, уставленную ларьками, Анна Саввишна через главный ход прошла в вокзал. В прохладном и пустынном зале для транзитных пассажиров она прочитала на узкой доске, что ближайший поезд на Овсецы пойдет в четыре часа дня.

Предстояло томительное ожидание. Но Анна Саввишна была готова к нему. Она села на желтый деревянный диванчик, крашенный излюбленной на вокзалах охрой, и вынула из чемодана книгу.

Кроме нее вошли в зал для транзитных двое мужчин с портфелями и одна женщина с узлом. Двое обвели глазами стены и направились в буфет. Женщина с узлом, тоже осмотрясь, быстро приблизилась к какому-то семейству с тремя девочками, которое тихо и со вкусом пило чай на дальнем диванчике, и, оставив около них узел, ушла.

В углу зала Анна Саввишна заметила газетный киоск. «Тут еще береты носят!» — подумала она, увидав его на девушке-продавщице, которая, сидя в своем треугольном жилище, что-то вязала. Анна Саввишна вдруг вспомнила и свой далекий голубой беретик и загорелые до черноты руки — молодость...

Отложив еще не раскрытую книгу, она подошла к киоску. Центральные газеты были позавчерашние, уже читанные, и она купила местную. Сняв тонкие, в ажурных дырочках, синие перчатки, она стала перебирать стопку цветных открыток, лежащих в ящичке. Неожиданно почувствовала, что девушка ее рассматривает — и перчатки, и покрой костюма, и глянцовито-черную соломку шляпы.

Купив открытки, она вернулась к своему чемодану. Вынула из него квадратик печенья и, мелко покусывая, раскрыла местную газету. На второй странице, в длинном отчете о каком-то заседании, мелькнула фамилия «С. С. Журавлев». Прочитав отчет, к которому вдруг появился у нее интерес, она увидала, что С. С. Журавлев упоминается в тексте еще несколько раз.

Она опустила газету, посмотрела на спинку диванчика, стоящего впереди, потом на пыльное высокое окно, за которым виднелись крыши города. Гребень крыш колебался, размываясь горячим воздухом, поднимающимся от нагретого полуденным солнцем железа...

Она сдала чемодан в камеру хранения и, посмотрев на часы, вышла на привокзальную площадь.

2

За дверью кабинета слышались голоса, и Анна Саввишна старалась понять, какой же из них принадлежит Сергею Сергеевичу. Не легко было догадаться — столько лет...

Немолодая, ее лет, чернобровая секретарша с прямым пробором волос ловко, размеренно скалывала какие-то бумаги и, быстро пометив карандашом, откладывала их в сторону. Анна Саввишна вспомнила карикатуру на секретаршу, которую она видела в журнале: ленивое, равнодушное там было лицо. «А ведь, наверное, среди них есть какие-нибудь рационализаторши,— подумала она, следя за умелыми руками женщины,— а мы все — секретарша да секретарша!..»

— Я правильно передала вашу фамилию? Чуфистова? — спросила чернобровая, скосив глаза на листок бумаги, лежащий у нее под пресс-папье.

— Правильно...— Анна Саввишна улыбнулась. — Но это не имеет значения... Мне важно к поезду не опоздать!—добавила она почему-то.

— Сейчас примет... Кончают! — сказала секретарша, видимо, услышав за дверью какие-то прощальные слова и интонации.

Когда Анна Саввишна вошла в кабинет, она увидала за столом рослого, полного человека в полувоенной форме с узким поблекшим лицом, на котором еще держалось оживление, вызванное разговором с предыдущим посетителем.

— Прошу! — сказал Журавлев, показывая на кресло и проводя рукой по лицу. — Чем могу?..

Анна Саввишна только сейчас вдруг поняла, что пришла она не по обычному делу, но ее ожидание в приемной, ее фамилия на листке посетителей и это привычное, деловое: «прошу» и «чем могу» — невольно поставили ее в ряд с посетителями, приходящими сюда, в кабинет, с обыкновенными, хотя, вероятно, и важными делами.

— Вы меня, Сергей Сергеевич, наверное, не помните? — сказала она чуть неуверенным тоном.

— Что-то нет...— Журавлев озабоченно и медленно всматривался в нее. — Чуфистова?.. Не помню, не слышал...

— Это по мужу. Раньше моя фамилия была Толоконникова... Ну, я вижу, и это для вас пустой звук! Ну, может, помните «Анютины глазки»? — добавила она с неловкой улыбкой, как бы подсмеиваясь над таким прозвищем.

Нет, и этого он не помнил, и чтобы не растягивать время — ее ждал поезд, а его — дела, она назвала строительство одной гидростанции, где он был парторгом. Журавлев вдруг привстал, провел рукой по ежику серых, поседевших волос.

— Вот это... да! — глаза его светлели, улыбались, он медленно, не отрывая взгляда от Анны Саввишны, обошел стол. — Вот это номер! — он сел в кресло против нее.— Ведь это... Погодите... тринадцать, четырнадцать... Нет, что я говорю! Какой сейчас год? Семнадцать лет тому назад!.. Вот это — время!.. Ну, прекрасно все помню! Аня Толоконникова — Анютины глазки...

И они перенеслись из сегодняшнего — назад... На Анюте резиновые сапоги и брезентовые рукавицы с металлическим — от арматуры — блеском на ладонях. Жаркий день, на высоте «бычка» ветер, но тоже горячий — хочется пить, а ведро с водой внизу — надо долго спускаться по лесам. Анюта снимает голубой беретик и вытирает им потное лицо. Но все же тут веселее, привольнее, чем в потерне — в бетонном коридоре под плотиной, узком, тесном: поднял руку — потолок, развел руки — стены...

— А что немцы в потерне наделали! — и Журавлев перескакивает на десять лет вперед. — Залили потерну водой, чтобы наши разведчики на тот берег не проникли. А мы боялись: не поставили ли они до этого там мины?.. Лучшего места для мин ведь не придумаешь: всю плотину можно на воздух!.. И вот два солдата из нашей части... да нет — два истинных героя — надели водолазное снаряжение и пошли искать там мины... Представляешь?

Анна Саввишна даже поморщилась, прикрыв рукой лоб. Ей-то не представить этого! Перед окончанием плотины, когда проезжая часть была заставлена кранами и грузовиками, они, арматурщицы и бетонщицы, бывало, чтобы сократить дорогу на тот берег, ходили по потерне... Неприятно, жутко, но быстро. Что же должны были испытать два водолаза в этой узкой, полукилометровой бетонной норе, залитой до потолка водой?.. В случае чего — не всплывешь на вольный воздух: кругом бетон...

3

Они снова вернулись к стройке, к общей давнишней работе, к тогдашним товарищам. О товарищах больше говорил Журавлев: со дня пуска станции его работа менялась, но все как-то он был поблизости от прежнего места. Да и многие так. И вот смешное дело: на восстановление станции, словно магнитом, всех туда стянуло.

— И не хитро, что ближние, — Журавлев, посмеиваясь, ходил по кабинету.— А ведь некоторые чорт знает откуда прискакали! Шелагуров, например, из Омска явился!

Анна Саввишна почувствовала в этом какой-то упрек себе.

— Да, но прошло столько времени, что у многих профессия переменилась — для станции была ненужная... — она сухо, краем рта улыбнулась.

Он быстро подошел к ней и, смеясь, положил руки ей на плечи.

— Эх, господи! Анютины глазки все такие же самолюбивые! Ну, конечно, не в буквальном смысле все прежние собрались!.. И новая работа, и война пораскидала... Семнадцать ведь лет минуло! Много молодежи пришло...

Сняв руки с ее плеч, он помолчал, вглядываясь в нее, точно желая найти следы Анюты Толоконниковой.



Автограф Мочалова

«О, какой могущий, какой страшный художник! ...Для гения Мочалова нет границ...» — восклицал Белинский, девять раз смотревший Мочалова в «Гамлете». А увидев его в «Отелло», писал: «...я услышал какие-то ужасные, вызванные со дна души вопли и прочел в них страшную повесть любви, ревности, отчаяния, и эти вопли еще и теперь раздаются в душе моей».

«Кто раз в жизни увидит истинно гениальную игру нашего трагика, — подтверждал Щепкин, — тот никогда уже ее не забудет...»

Игрою Мочалова восхищались Пушкин, Лермонтов, Герцен.

Герцен считал, что, наряду со Щепкиным, Павел Степанович Мочалов был самым лучшим артистом изо всех им «виденных в продолжении тридцати пяти лет и на протяжении всей Европы».

Но все, что мы знаем об этом великом актере, ограничивается отзывами современников, списком его ролей и текстами нескольких песен, им сочиненных. То, что помогло бы нам раскрыть внутренний мир Мочалова: его богатая библиотека, его сочинения и переписка — все это бесследно исчезло. Вскоре после смерти Мочалова библиотека его была продана и, кажется, вместе с нею архив. «У единственной дочери трагика, — сообщал в конце прошлого века биограф Мочалова А. Ярцев, — не сохранилось ни одного клочка бумажки со словами, писанными Мочаловым...— говорят, что где-то существует это пропавшее наследство Мочалова, — продолжал биограф,— что из недр букинистических сараев оно перешло к какому-то коллекционеру. Но как отыскать его?»

Ярцев тогда же сделал публикацию через газету и вскоре получил анонимное письмо. Неизвестный сообщал адрес коллекционера, у которого будто бы находились бумаги Мочалова. Ярцев написал по указанному адресу, но ответа не получил. Имени этого коллекционера он не сообщает.

Впоследствии несколько листков, писанных рукою Мочалова, и письма к чиновнику Жукову попали из разных мест в Театральный музей А. А. Бахрушина. Но все остальное, в частности, переписка Мочалова с поэтом Кольцовым, так и пропало.

Актеръ приступающiй къ исполненiю роли лица имъ изображаемаго прежде долженъ пойти и понять характеръ лица которого онъ изображаетъ и отъ личности своей отрешится тогда впечатленье отъ игры его полно будетъ

Мочаловъ

Автограф П. С. Мочалова

И вот недавно в Актюбинске, у потомков умершего ленинградского коллекционера А. Е. Бурцева, переехавших туда во время войны, отыскался еще один автограф Мочалова — по содержанию самый интересный из всех уцелевших его автографов. Новый автограф раскрывает перед нами творческие взгляды Мочалова. На листе голубой писчей бумаги своим неровным и характерным почерком Мочалов записал суждение о том, как должен подходить актер к работе над ролью:

«Актер, приступающий к исполнению роли лица им изображаемого, прежде должен пойти и понять характер лица, которого он изображает и от личности своей отрешиться, тогда впечатленье от игры его полно будет.

Мочалов».

Эта мысль совпадает отчасти с той, которая выражена в статье, хранящейся в «мочаловской» папке в Государственном театральном музее в Москве. Сохранилось только начало этой статьи, задуманной в форме «письма к издателю». Но написана она не Мочаловым, а под его диктовку забытым ныне драматургом Н. Беклемишевым. «Постигнуть характер представляемого лица, — сказано в этой статье, — значит удовлетворить требованиям зрителя. Прежде всего, актер должен заняться рассмотрением мыслей и намерений сочинителя...» Теперь уже не может возникнуть сомнений, что автор этой статьи — Мочалов.

В статье речь идет о работе над текстом роли. В новой записи — о работе над образом.

«Понять характер лица... изображаемого и от личности своей отрешиться». Это пишет актер, в игре которого принято было видеть одну «слепую стихию».

С давних пор укоренился взгляд, что Мочалов «играл собственную душу», что он был «гением по инстинкту». Новая запись говорит о том, что, исходя из личного опыта, великий актер выразил мысль, которая через несколько десятилетий легла в основу системы Станиславского, — мысль о необходимости перевоплощения актера в сценический образ.

Недаром Белинский восхищался тем, как умеет «переменять и свой вид, и лицо, и голос, и манеры, по свойству играемой роли, этот артист, на которого главная нападка состояла именно в субъективности и одномонерности, с которой он играет все роли...»

Реалистическая игра Мочалова, так потрясавшая его современников, была основана на глубоком постижении тончайших человеческих чувств и переживаний. Но при этом почти все отмечали неровность игры Мочалова. Один Белинский понял, что гений его проявлялся понастоящему только в тех ролях и положениях, которые были художественно правдивы.

Пров Садовский-старший вспоминал, как, участвуя в каком-то водевиле, шедшем после трагедии, он столкнулся в кулисе с Мочаловым, исполнявшим в тот вечер роль короля Лира.

«Когда я взглянул на него — я так и обмер, — пишет Садовский, — так горели его глаза, пылал строгостью вдохновенный лик. Мочалов все еще был Лиром; священный огонь не угасал, хотя прошло много времени, как кончилась трагедия».

Теперь мы убеждаемся, что Мочалов, которого незаслуженно называли гением «по инстинкту», подходил с глубоким сознанием к осуществлению задач, стоявших перед русским реалистическим театром.

Ираклий **АНДРОНИКОВ**

— Чую, чую! — добавил он. — Духи у вашей милости неплохие, да и вообще, Анна Саввишна, вид у вас хороший, молодой... почти что прежний. Не то что некоторые! — усмехаясь, он провел по серому ежику волос. — Но и простительно: вы ведь пришли на стройку девчонкой, деревенской девчонкой — кровь с молоком!.. — Журавлев подошел к креслу и грузно сел, выложив на стол большие руки. — Ну, довольно вспоминать! Объясните, куда путь держите? И вообще, как жизнь?..

С женской словоохотливостью она рассказала, что после техникума кончила дорожностроительный институт, работала там-то и там-то, а сейчас догоняет в Овсецах свою изыскательскую партию — там пойдет дорога, о которой секретарь горкома, конечно, давно уже знает... Рассказала о замужестве, о военных годах, о детях — не заметила, как стала подробно повествовать о характере и поведении младшей Машеньки: что та сказала, что ответила, что сделала...

— Что это я! — она вдруг прервала себя. — Разговорилась!.. Нет, не за этим я пришла с вокзала... А вы, Сергей Сергеевич, и не спросите! Ведь без дела-то к вам не ходят?!

Она говорила это, будто подсмеиваясь над собой и над ним, говорила уверенно, свободно, не было той смешной робости, с которой они, девчата, обращались, бывало, к товарищу Журавлеву, но вместе с тем она испытывала какую-то неловкость при желании объяснить Сергею Сергеевичу цель своего прихода. Она хотела сказать об этом раньше между делом, но не сказала, теперь же, к расставанию, это должно было получиться уж совсем громогласно, пышно...

— Ходят и без дела, — Журавлев махнул рукой. — Еще как ходят! Будто дело, а его нет...

Вот это было хорошо: Сергей Сергеевич как бы подставлял лесенку. Из толстого портсигара он взял папиросу и, видимо, нарочно долго, не глядя на собеседницу, искал под бумагами спички.

— Вот и я без дела, — сказала Анна Саввишна все тем же общительно-шутливым тоном, не позволяющим громких слов. — Будто дело, а его нет... Всего-навсего пришла сказать товарищу Журавлеву спасибо, что направил меня, так сказать, на путь, так сказать, на истинный... — она вдруг рассмеялась, ей стало самой весело: не то от этих застенчивых «так сказать», не то от того, что главное пройдено. — Нет, в самом деле, я до сих пор помню, как после окончания стройки вы вызвали нас, поговорили... На столе у вас уже адреса лежали: кто хочет на новую работу, кто — учиться... Ну, отсюда и пошел техникум, институт — дорога...

* * *

Когда она вернулась на вокзал и, взяв из камеры хранения чемодан, вошла в зал для транзитных, там было уже не так пустынно, как раньше: на желтых диванчиках то там, то здесь сидели новые пассажиры. Семейство, которое пило чай в углу зала, теперь ело большой арбуз. Три девочки с мокрыми щеками, обкусав ломоть, пересмеиваясь, бегали к урне, чтобы бросить туда корку. Женщина с узлом, сидя рядом с семейством, ела мороженое и поглядывала на ломоть арбуза, которым, видимо, ее угостили.

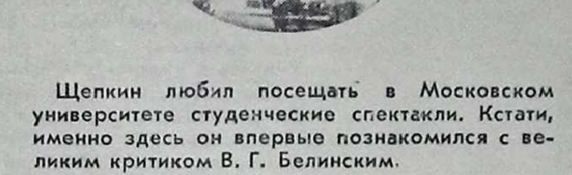
У газетного киоска Анна Саввишна заметила оживление: наверное, прибыли московские газеты. Она подошла, и продавщица в голубом берете, давая ей сдачу, неожиданно спросила:

— Вы еще не уехали? Вот сколько времени потеряли! — добавила она, улыбаясь полными, румяными губами.

— Железную дорогу этим не удивишь! — сказала Анна Саввишна, тронутая приветливостью незнакомой девушки. — Но на этот раз я на нее не в обиде...

Очень громко, но неразборчивым голосом, радио что-то объявило. Все же кто-то из транзитных понял: поезд подходит. Все встали. Девочки с арбузными корками в последний раз сбегали к урне.

„Второй университет"



А. НЕСМЕЯНОВ,

академик, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Многолетняя дружба связывает Московский университет с московским Малым театром.

Дружба эта возникла отнюдь не случайно. Передовое московское общество неизменно тянулось к Малому театру. Его сцена в условиях царской России была трибуной, с которой раздавался протест против социального неравенства, против угнетения человека.

Подцензурный императорский театр не мог, конечно, прямо выступать против самодержавного строя. «...Но то-то и удивительно,— писал А. В. Луначарский,— что этот театр, по имени «императорский», всегда и всеми учитывался, как контр-императорский». Передовая, прогрессивная русская общественность отвоевала Малый театр у самодержавия.

Малый театр в лучших своих достижениях всегда выражал идеи народные, демократические, и именно это жизненно роднило Малый театр на всем протяжении его истории с другим передовым культурным центром русского народа — с Московским университетом.

Уже с 1806 года актеры так называемой «Московской труппы», впоследствии составившей ядро Малого театра, открытого в 1824 году, близко общались с профессурой и студенчеством Московского университета.

Петр Плавильщиков, один из первых артистов русской сцены, драматург и теоретик театра, был воспитанником университета, а позднее — и преподавателем декламации в университетском пансионе. Плавильщиков был первым русским актером, избранным в члены «Общества любителей российской словесности» при Московском университете. Актрис Татьяну Троепольскую и Авдотью Михайлову также дал молодому русскому сценическому искусству любительский театр Московского университета.

В здании, находившемся на месте лектория университета, на углу Моховой и Большой Никитской (ныне улице Герцена), в 1823 году дебютировал М. С. Щепкин. Здесь играли Мочалов, Живокини и многие другие артисты «Московской труппы» вплоть до того дня, когда в доме купца Варгина, на бывшей Петровской площади, состоялось открытие Малого театра. Таким образом, даже «предистория» Малого театра связана с Московским университетом.

Артисты Малого театра часто встречались со студентами и профессорами университета в знаменитой «литературной кофейне». Кофейня эта помещалась на нынешней Театральной площади. Мочалов, женатый на дочери содержателя кофейни Бажанова, часами просиживал здесь, всегда за одним и тем же отдельным столиком. Живокини, Садовский, Самарин и другие артисты Малого театра встречались в кофейне с Герценом, Белинским, Грановским, тогдашними «властителями дум» молодежи.

«Беседы и суждения,— вспоминал А. Д. Галахов,— всегда более или менее горячие, переходящие в нескончаемый спор, становились еще более оживленными или, пожалуй, шумными, при выходе новой книжки ежемесячного журнала, при каком-либо газетном фельетоне, ...или по поводу новой пьесы, появления сценических субъектов, например, итальянских оперных певцов, приезда из Петербурга трагика Каратыгина и балерины Андриановой».

В кофейне Бажанова часто бывал и Щепкин. Гениальный артист был большим и постоянным другом Московского университета. У него на дому зачастую собирались Белинский, Герцен, Грановский, Огарев, Станкевич, Аксаков, братья Киреевские и другие профессора и воспитанники университета. Слухи об этих собраниях до того испугали московского генерал-губернатора, что он в одном из своих донесений так охарактеризовал Щепкина: «...желает переворотов, на все готовый...»

Щепкин любил посещать в Московском университете студенческие спектакли. Кстати, именно здесь он впервые познакомился с великим критиком В. Г. Белинским.

Впоследствии Щепкин вспоминал:

«Я не сидел на скамьях студентов, но с гордостью скажу, что я много обязан Московскому университету в лице его преподавателей. Одни научили меня мыслить, другие — глубоко понимать искусство... Беседы об искусстве собственно для меня не умолкали, а я с глубочайшим вниманием вслушивался в них... Вам все принадлежит, вашим беседам собственно я обязан тем, что любовь моя к искусству с каждым днем развивалась более и более».

Щепкин прямо говорил, что многие представители университета были его «двигателями на сценическом поприще», что, в частности, беседы с профессором Грановским укрепляли в артисте «упорную и неутомимую любовь к труду и искусству».

Мощное воздействие передовых университетских умов испытали также и такие корифеи труппы Малого театра, как Садовские, Федотова, Ленский, Правдин, Ермолова.

Многие профессора и воспитанники университета, выдающиеся деятели своего времени, отдали Малому театру и свой талант литераторов. Достаточно указать на имена Фонвизина, Грибоедова, Островского, Тургенева, Сухово-Кобылина, Писемского, Южина.

Со своей стороны, Малый театр оказывал сильное влияние на студентов Московского университета. Театр нес молодежи подлинно гуманистические идеи русской драматической литературы, знакомил ее с выдающимися произведениями западной драматургической классики.

Велика была сила воздействия таких спектаклей, как «Горе от ума», «Ревизор», постановок пьес Островского, сатир Сухово-Кобылина в исполнении гениальных актеров Малого театра. При этом театр говорил со зрителями доходчивым, простым, народным языком сценического реализма. Все это создавало огромную популярность Малому театру среди передового студенчества, среди наиболее прогрессивных профессоров Московского университета.

А. И. Герцен любовно называл Малый театр «вторым университетом». Это почетное наименование особенно укоренилось в годы яркого расцвета бунтарского таланта М. Н. Ермоловой, силой своего искусства превращавшей зачастую спектакли в демонстрации революционно настроенной студенческой молодежи. Известно, например, что после спектакля «Овечий источник» Лопе де Вега с участием Ермоловой студенты расходились с пением революционных песен. Перепуганное градоначальство запретило этот спектакль. Известно также, что студенческие вечера, на которых Ермолова выступала с чтением стихов, вызывали подлинное смятение среди московских «блюстителей порядка». «Героическая симфония русского театра», как образно называл Ермолову Станиславский, будила в молодых сердцах горячее чувство ненависти к самодержавию. Об этом свидетельствуют многочисленные студенческие письма, сохранившиеся в архиве М. Н. Ермоловой.

Сотни раз выступали замечательные артисты Малого театра в концертах, которые устраивались университетским студенчеством с целью материальной помощи товарищам, не имевшим средств для завершения образования. До революции десятки юношей закончили университет благодаря этой бескорыстной помощи актеров. Много раз силами актеров Малого театра проводились концерты, организованные студентами в «нелегальных целях». Передовое русское студенчество встречало поддержку артистов прогрессивного русского театра.

И если профессора университета преподавали в училище Малого театра, то такие артисты, как И. Самарин, М. Садовский, О. Правдин, А. Южин, М. Ермолова, Г. Федотова, А. Ленский, руководили студенческими драматическими коллективами и участвовали в занятиях университетского Общества любителей русской словесности.

«Трудно измерить, учесть и представить в конкретных данных то глубокое духовное влияние, которое оказывал и оказывает Малый театр,— писал Максим Горький.— Вместе с Московским университетом ему принадлежит крупная, выдающаяся роль в истории умственного развития русского общества...»

Великая Октябрьская социалистическая революция широко распахнула перед народом двери лучшего театра и лучшего высшего учебного заведения. Революция одухотворила идеями коммунизма зрелое, глубоко народное, реалистическое творчество Малого театра. Театр вступил на благодатный для искусства путь — путь социалистического реализма.

Поставленные на сцене Малого театра советские пьесы: «Любовь Яровая» К. Тренева, «Слава» В. Гусева, «В степях Украины» А. Корнейчука, «Великая сила» Б. Ромашова, «Московский характер» А. Софронова — оказали и оказывают большое воздействие на нашу молодежь.

Малый театр стал глашатаем советского патриотизма: его спектакли воспитывают любовь к социалистической Родине, будят стремление к подвигам в труде и борьбе.

Как и встарь, звучат в стенах Московского университета голоса актеров Малого театра — нашего шефа: в клубе университета, на студенческих вечерах, на конференциях, посвященных творчеству великих русских писателей,— всюду мастера театра — наши желанные и частые гости. И как прежде, профессора, преподаватели, студенты смотрят спектакли Малого театра, принимают в их обсуждении живое участие. Крепнет, становится все более сердечной давняя связь двух мощных центров русской культуры.

Рука об руку с прекрасными мастерами старейшего русского театра — «второго университета» — мы воспитываем молодое поколение.

И когда после дня, проведенного в аудиториях и лабораториях университета, входят наши студенты в блистающий огнями зал Малого театра, они как бы начинают еще один курс обучения.

Из блокнота театрала

Гениальный Щепкин находился под надзором полиции. Его «преступление» московский генерал-губернатор Закревский квалифицировал в доносе о Малом театре следующим образом: «Актер Щепкин на одном из своих вечеров подал мысль, чтобы авторы писали пьесы, заимствуя сюжеты из сочинений Герцена».

О Малом театре Закревский сообщал: «К элементам, которые могут послужить неблагонамеренным людям, чтобы произвести переворот в государстве, должны быть отнесены, между прочим, и театральные представления».

* * *

Однажды Федотова репетировала с видным провинциальным актером, который не знал роли. Федотова налетела на него, как орлица. «Милостивый государь,— кричала она,— не забывайте, где вы, помните, что это — Малый театр!»

Молодость

В. Н. РЫЖОВА,
народная артистка СССР

Мы живем в замечательное для развития искусства время, но это время возлагает на нас и большую ответственность: театр в нашей стране поднят на исключительную высоту, его искусство призвано помогать изменению жизни к лучшему.

Учитесь и учитесь у жизни, наблюдайте и познавайте ее, постоянно работайте над собой, молодые актеры!

До революции молодому артисту и во сне не приснились бы те исключительные условия, которые предоставлены ныне нашей молодежи.

В мое время начинающий артист рос, как молодое деревцо, питаясь исключительно соками своего таланта. Он был почти целиком предоставлен самому себе. Можно сказать, что режиссер бросал его, как щенка в воду: он должен был сам выплыть или утонуть! Рядовому артисту, не обладавшему яркой творческой индивидуальностью, приходилось трудно: без помощи зрелого мастера он часто терялся, переходил на «штамп», на подражание и копирование.

В условиях советского строя, где будущее принадлежит молодежи, естественна отеческая забота мастеров театра о своей актерской смене.

Великие примеры постоянного внимания к молодым актерам нам оставил М. С. Щепкин. Они стали традицией Малого театра, которая приносит прекрасные плоды. Каждый год появляются на наших афишах новые имена и происходят дебюты молодежи.

И вот уже главные роли в наших спектаклях исполняют, радуя нас, самые молодые: Дм. Павлов, И. Ликсо, О. Хорькова, Б. Телегин, Т. Панкова, В. Боголюбов, К. Роек, Н. Афанасьев и другие, — талантливые и обещающие...

На фото сверху вниз: «Горе от ума» А. С. Грибоедова — И. Ликсо в роли Софьи. «Мещане» М. Горького — Дм. Павлов в роли Нила. «Доходное место» А. Н. Островского — О. Хорькова в роли Полины.

Возобновление постановки «Горя от ума» было связано со 150-летием со дня рождения Грибоедова. В спектакле участвовали лучшие артистические силы театра. Только одно имя было незнакомо даже завзятым театралам. В программе против действующего лица: Софья — дочь Фамусова — стояло неизвестное имя Ирины Ликсо.

За многолетнюю жизнь комедии на сцене зритель не раз удивлялся, почему девушка «с такими чувствами, с такой душою» любима Чацким?

На юбилейном спектакле, о котором идет речь, этот вопрос вряд ли возник у кого-нибудь. Софья была хороша собой, мила, лукава, независима и, несомненно, очень молода. Для нее не прошли бесследно годы, проведенные неразлучно с Чацким. Отсюда и эта острота ума, бойкость речи, гордость, пренебрежение мнением своей среды.

Но за три года, пока Чацкий ездил «ума искать», окружающая среда сделала свое дело. В Софье появились холодность, черствость, равнодушие ко всему, что не имеет прямого отношения к ней, к ее интересам. А интересы ее, мысли, думы поглощены одним: Софья влюблена, в ослеплении чувств не замечая, как мелок и подл тот, кого она избрала.

Тем сильнее гнев Софьи в последнем акте, когда она разглядела наконец всю ничтожность любимого ею человека. Нет, она не помирится с Молчалиным — «по размышленьи зрелом». Гордость, самолюбие — все оскорблено в ней, и этого оскорбления она не простит.

О

Три года назад молодой артист Малого театра Дмитрий Павлов впервые сыграл роль рабочего-машиниста Нила в «Мещанах» Горького.

Его Нил — молодой, сильный, с умным, метким взглядом, с доброй, открытой улыбкой. Он смел и решителен в своей жажде переделать жизнь: «На все средства души своей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... тому — помешать, этому — помочь...» — уверенно говорит он.

Есть у Павлова-Нила и здоровый гнев, и злость на уродства жизни, и большая жизнерадостность, и вера в будущее. Его резкая речь обличением звучит среди обывателей бессеменовского дома: «хозяин тот, кто трудится...», «права не дают, права берут...»

Без позы и рисовки стремительно уходит он от мещан. И понятно, куда пойдет этот человек.

Роль Нила — не случайная удача в творчестве Дмитрия Павлова. Сначала ученик заводского училища, потом рабочий часового завода, участник самодеятельности, затем студент училища имени Щепкина, а с 1941 года артист Малого театра, Павлов давно почувствовал свою тему в искусстве. Ближе всего ему образы современников: Мотыльков в «Славе» Гусева, Максимов в спектакле «За тех, кто в море», отважный моряк Чмыга в «Южном узле». Павлову предстоит играть в новой пьесе Вс. Вишневского «Незабываемый 1919-ый» роль Шебаева — большевика-чекиста, молодого, горячего, овеянного романтикой гражданской войны.

О

Все забыто... И многолетняя муштра деспотичной матери и присутствие постороннего мужчины, мужчины «важного». Отдаваясь своему чувству, Полина бросается к Жадову.

«...Не успели испортить вашего сердца», — говорит он ей. И эти слова как нельзя лучше определяют образ Полины («Доходное место» А. Островского) в исполнении Ольги Хорьковой.

Детски наивная, бездумная, но милая, искренняя и чистая душой, она лишь внешне поддалась влиянию матери и старшей сестры. Не имея своих взглядов, принимая на веру все, что ей говорят, она одинаково плохо разбирается и в раз-

говорах Жадова о трудовой жизни и в циничной философии матери, лишь смутно угадывая, на чьей стороне правда.

Обычно в театре Полину играли расчетливой и пустой. Полина Хорьковой равнодушна и к деньгам и к богатству; она, не понимая, что огорчает любимого мужа, требует от него роскоши лишь потому, что ей так велели мать и сестра, которых она привыкла всегда считать умнее себя.

Шаг за шагом создает Хорькова реалистически сочный образ Полины со всеми ее слабостями. Но она показывает и хорошее, чистое девичье сердце Полины, заставляя зрителей поверить в то, что в ней Жадов обретет все же верного, любящего друга.

О

В программах спектаклей Московского Малого театра за последние годы все чаще и чаще мелькает имя молодого актера Телегина. Окончив училище имени Щепкина, Борис Телегин вскоре нашел свое место в труппе театра.

Уже несколько лет исполняет он роль Федора Басманова в трагедии А. Н. Толстого «Иван Грозный».

Молод, строен и красив этот соратник Грозного, в щегольском, ладно сидящем кафтане, в лихо заломленной на затылок шапке. За внешней развязностью, за озорством поведения скрывает Басманов-Телегин свою юношескую преданность царю, веру в правоту его дела.

Вот Басманов в покоях государя любовно и смело разговаривает с Грозным, беззлобно подтрунивает над скоморохами, готовый и сам лихо пуститься в пляс; с наивным любопытством разглядывает чужеземцев-черкесов. Вот он среди народа, на Красной площади, у Лобного места, слегка притоптывая от мороза сапожками, весело переговаривается с разноликой толпой, наделяя каждого метким словцом, соленой шуткой. Глаза Басманова, однако, загораются недобрым огнем, как только на площади появляются в своих длиннополых шубах бояре, заклятые враги царя. В его обращении с ними сквозит презрение и вражда.

И когда в финале спектакля поднимается Грозный на великий поход против врагов «пресветлого царства русского», Басманов оказывается рядом, чтобы вручить государю боевую саблю.

О

Бывает так, что в творческой биографии артиста первая роль сразу же определяет собой его жизнь в искусстве.

Так раскрылось дарование молодой актрисы Панковой в первой же роли, воплощенной ею на сцене Малого театра. В пьесе Н. Погодина «Сотворение мира», вошедшей в репертуар театра в один из послевоенных сезонов, Татьяна Панкова играла Семеновну — простую русскую женщину, стойко и самоотверженно сносящую тяготы войны. Сразу же после освобождения родного города на его разрушенных, опустевших улицах появляется Семеновна, до краев переполненная горем и ненавистью. Вместе с сотнями других мужественных советских людей берется она восстанавливать, строить, очищать опоганенные немцами дома и кварталы.

Глубокое впечатление оставляла сцена встречи Семеновны-Панковой с сыном, которого она давно уже считала погибшим. То плача, то смеясь, то причитая, то по привычке сердито покрикивая на мальчика, снова и снова вглядывается она в его исхудевшее лицо, в его глаза, светящиеся недетской серьезностью, узнавая в обветренном подростке своего вихрастого Кузьку.

Молодой актрисе удалось создать многогранный образ русской женщины-матери.

О

...Тихий, приглушенный звонок, и в сером, предутреннем свете появляется на сцене мальчик в гимназической шинели. Он стремительно поднимается по лестнице, бледный, прямой, тонкий, как тростинка, и, остановленный гневным окриком отца «где шатался?», с горечью отвечает: «Вы все равно не поймете этого». Так начинается действие пьесы Найденова «Дети Ванюшина», так мы впервые видим младшего сына Ванюшина Алешу (артист Владимир Боголюбов).

Плохо, очень плохо в старом ванюшинском доме, где «гнетут и душат друг друга». Удались Боголюбову и гневная ожесточенность Алеши и его горячий протест против этой затхлой обстановки.

Большое человеческое страдание от того, что так плоха и неустроенна жизнь,— главная тема Алеши-Боголюбова. «Мне тяжело... Вы не думайте, что я дурной, мои поступки нехорошие, но... мне хочется стать лучшим»,— признается он отцу.

Артист так играет своего Алешу, что мы верим: Алеша найдет свою дорогу.

Алексей — первая крупная драматическая роль В. Боголюбова. Он еще совсем молод — только в 1948 году окончил Щепкинское училище. У него нет еще своего «героя»; ему предстоит еще много работать над голосом, дикцией. Но у артиста есть свое лицо. Это непосредственность, искренность, правдивость, большая любовь к своему призванию.

О

История русского театра знает немало исполнительниц роли Ларисы в драме Островского «Бесприданница».

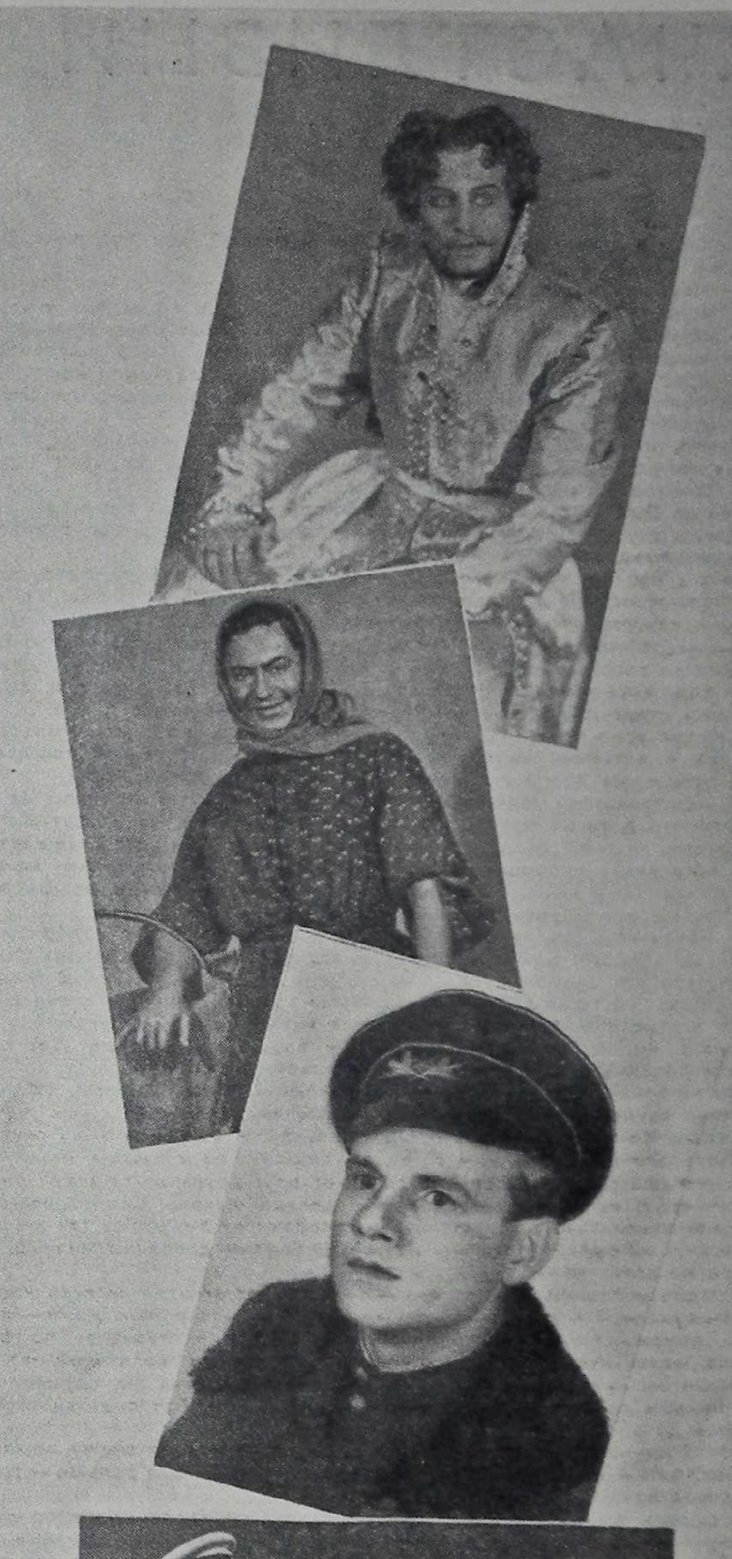
Экзамен на зрелость в этой роли держала не столь давно молодая актриса Малого театра Констанция Роек.

С первых же слов актрисы чувствуется моральное превосходство Ларисы над окружающими ее людьми. Бьется, мечется в клетке — «родном» доме Лариса. Только стремление уйти из окружающего ее мира пошлости заставляет Ларису согласиться на брак с нелюбимым Карандышевым; тяга к необыкновенным, смелым людям приводит неискушенную, бесхитростную, чистую девушку в объятия бездушного соблазнителя Паратова.

Карандышева в этом спектакле играет молодой актер театра Николай Афанасьев. Он безжалостно разоблачает чванливого, неумного, эгоистичного, бессердечного себялюбца. Он помогает Роек пронести основную тему драмы — протест против насилия над личностью, страстный призыв к лучшей жизни.

После премьеры молодые актеры получили письмо старейшей актрисы Малого театра А. А. Яблочкиной.

«Я была вчера на «Бесприданнице» и, глядя на то, как живет и действует на сцене наша молодежь, говорила себе: «Жив наш 125-летний старик! Вот она — наша смена! Вот кто будет держать наше знамя!».





На фото сверху вниз:
«Иван Грозный» А. Н. Толстого — Б. Телегин в роли Басманова. «Сотворение мира» Н. Ф. Погодина — Т. Панкова в роли Семеновны. «Дети Ванюшина» В. Найденова — В. Боголюбов в роли Алеши. Сцена из спектакля «Бесприданница» А. Н. Островского. Лариса — К. Роек, Карандышев — Н. Афанасьев.

СЧАСТЛИВЫЙ ПЕС



Рассказ

Сабахаттин АЛИ*

Рисунки П. Голубь

Почему я постоянно пишу о горестных вещах? Мои чувствительные друзья недовольны этим.

— Неужели ты всегда будешь видеть только плохое? — спрашивают они меня. — Неужели ты всегда будешь писать о голодных, нищих и страждущих? Разве ты не замечаешь ничего, кроме бездомных детей, торгующих вечерними газетами и собирающих на улицах окурки; нищих крестьян, готовых убить друг друга за вершок земли или глоток воды; замученных в тюрьмах узников; больных, умирающих без всякой медицинской помощи; вечной несправедливости? Разве на свете не осталось ничего красивого и приятного? Почему у всех твоих героев измученные лица, а сердца надорваны горем? Разве во всей стране нет ни одного счастливого человека?

Как не быть! Надо только поискать хорошенько. Для этого не нужно ездить в глухие деревни, не нужно бродить по городским окраинам. Там все голо, все на виду...

Есть у нас, конечно, не только веселые, счастливые люди, есть даже счастливые псы. И я решил в этот раз написать не о голоде, страданиях и ненависти, а об уюте, сытости и любви.

В том районе, где я живу, широкие, асфальтированные улицы; низкорослые сосенки, высаженные вдоль проспектов, придают им приятный вид, хотя тени от деревьев немного. Вырастить каждую такую сосенку стоит дороже, чем выучить бедного ребенка в лицее.

Каждое утро по тротуарам прогуливаются изящно одетые молодые матери с детскими колясочками яркой окраски. На лицах краснощеких, упитанных детей выражение безмятежного довольства.

В колясочках на шелковых одеялах лежат разные игрушки. Их так много, что дети не знают, за какую из них взяться, то трясут погремушками, то тянут ко рту дудку. Рядом с колясками идут дети постарше. Встряхивая кудряшками, они что-то рассказывают своим мамам. Когда молодые женщины занимают друг друга приятным разговором, за детьми присматривают чисто одетые няни.

В маленьком сквере откормленные малыши возятся с ведерками и совками в песке: они роют реки, воздвигают дворцы, а потом разрушают все это ударом кулачка. В стороне от них на скамейке сидит с иностранной книгой в руках гувернантка в белой панаме. Пожилая дама с шалью утешает расплакавшегося внука. На другой скамейке несколько миловидных мамаш вяжут и заодно перемывают косточки своим знакомым. Всюду свет, всюду покой.

Но на всех лицах выражение необычайной скуки. Прочная, стальная паутина скуки, опутывающая этих людей, так тонка, что сразу ее не увидишь. Но присмотритесь повнимательней, и вы увидите эту скуку в их безразличном холодном взгляде, услышите ее в пустом, натянутом смехе. Кажется, они совсем не слушают друг друга, не слушают они и самих себя: их мысли витают где-то далеко, далеко. Скорее всего, у них нет никаких мыслей, но они не страдают от этого. Все так же пуст и натянут их смех, и хотя они не всегда бывают довольны жизнью, они вовсе не хотят перемен.

Каждое утро молодой парень — судя по застегнутой наглухо коричневой суконной куртке, швейцар или лакей из шикарного дома — важным, приличествующим его положению шагом прогуливает по этой улице маленькую собачку. Собачка эта, с вершок величиной, важно семенит на плетеном сафьяновом поводке, с таким же сафьяновым ошейником на шее. Мохнатые, кофейного цвета уши собачки свешиваются до земли.

Лакей приноравливает свой шаг к собачке. Если ей захочется немножко постоять — он ждет, когда собачке вздумается идти дальше — тогда он снова почтительно следует за ней.

В сырую, прохладную погоду на собачку надевают красивую светлокоричневую суконную попонку с темносиним галуном. Начищенная до блеска попонка плотно облегает собачью спинку, ловко охватывает лапки и застегивается под брюшком. Видно, она сшита отличным портным. Шерсть на собаке тоже вычищена до блеска. Когда собачка с невинным видом подбегает к дереву по известной надобности, здоровенный лакей, который без труда мог бы вскопать мотыгой большое помещичье поле, с почтением ждет, пока любимица его хозяина кончит свое дело. И тогда они снова важно и медленно двигаются дальше.

Собачка в попонке не отвечает на лай других собак. Даже когда какой-нибудь огромный пес рыча подбегает к ней с явным намерением задать ей трепку, она все так же невозмутимо продолжает свой путь. За нее вступается лакей. Криком и пинками отгоняет он чужую собаку. Если же на хозяйскую собачку набрасывается сразу несколько чужих собак, лакей бережно берет ее на руки, заботливо вытирает запылившуюся шерстку, и в глазах его видна нескрываемая тревога: «Не случилось ли чего-нибудь с собачкой?» Пока слуга ощупывает ее со всех сторон, собачка, уверенная, что ей не грозит никакая опасность, с любопытством посматривает вниз, облизывается, машет хвостиком.

Однажды я увидел лакея в мясной лавке. Он долго разглядывал внутренности подвешенных к потолку козьих туш и наконец велел взвесить потроха молоденькой козочки.

— Не могу понять, — сказал лакей, пересчитывая сдачу, — почему вы не продаете козью печенку отдельно! Ведь наша собачка ни легких, ни сердца не ест. Мы и печенку-то подаем ей только вареную. Если к печенке добавишь хоть кусочек легкого — в рот не возьмет! Говорят, для ее желудка вредно. Недавно приезжал ветеринар и сказал это. Ишь ведь! Животное, а понимает! Разве только поста не соблюдает...

— Ты что, не слыхал?! — обратился лакей к мальчику, который собрался было завернуть потроха. — Печенку давай сюда, а остальное выбрось!

И, забрав пакет, лакей вышел на улицу.

В другой раз я увидел его у калитки большого сада, полного благоухающих цветов. Держа подмышкой пушистое байковое одеяло, лакей садился в шикарный лимузин. Заметив, что одеяло шевелится у него в руках и услышав, что оттуда несутся какие-то странные звуки, я не утерпел и спросил его:

— Что это? Случилось что-нибудь с собачкой?

— Нет, — процедил лакей сквозь зубы. — Слава богу, ничего не случилось! Сегодня пес три раза кашлянул. Весной он всегда кашляет, но барыня заволновалась. Повезу в лечебницу, пусть посмотрят.

Лакей осторожно, стараясь не ушибить собачку, уселся в машину, огромный лимузин быстро набрал скорость и скрылся из виду.

На следующий день я встретил лакея, когда он входил в сад. Он вел на поводке остромордую собачку с белой длинной шерстью. С ним был второй лакей, в точно таком же коричневом суконном костюме.

— Что случилось? — поинтересовался я. — Обменяли собаку?..

Очевидно, забыв, что вчера я интересовался здоровьем собачки, лакей смерил меня презрительным взглядом, но все же удостоил ответом:

— Что ты! Наш песик в саду, слышишь, из будки голос подает.

Немного в стороне от виллы стоял уютный фисташкового цвета домик, размером напоминавший будку садовника. Из этого домика действительно доносился отрывистый лай.

— Как же так?! — удивился я. — Ведь ваш песик никогда не лает?

— Э, — сказал лакей, — сейчас ему сучка нужна. — И, посмотрев на своего спутника, он улыбнулся: — Наш песик совсем разнервничался. Барыня сейчас же за ветеринаром послала. Да в том-то и беда, что нашему песику не так-то просто подходящую пару найти. «Мне, — говорит барыня, — подавайте только породистую, а то у нашего песика характер испортится». Совсем с ног я сбился, пока нашел ей собаку по вкусу.

Лакей укоротил поводок, и остромордая белая собачка подошла к его ноге.

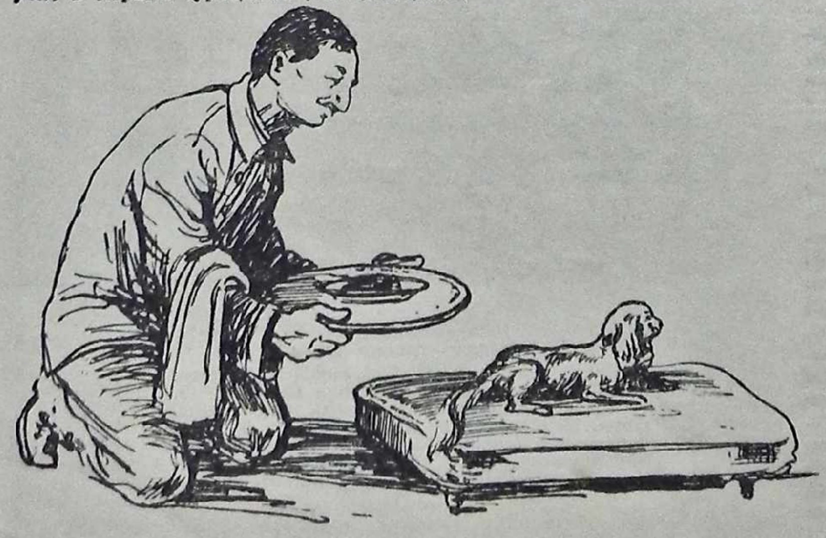
— Зато погляди: такая же породистая, как и наша! У нее и вид-то благородный. Наши хозяева обсуждали и решили, что подходящая. Один раз ее будут водить к нам, в другой раз я поведу нашего пса к ним. — Лакей локтем толкнул калитку и, обращаясь к товарищу, сказал: — Пойдем посмотрим, понравятся ли они друг другу...

Вместе с белой мохнатой собачкой, которая, как кокетливая невеста, шла, томно изгибая стан, они скрылись в обнесенном высокой решеткой саду.

Я люблю все живое, я хочу, чтобы все жили красиво и счастливо. И когда я вижу счастливым хотя бы одного единственного пса, мое сердце наполняется радостью. Я ведь не родился на свет для того, чтобы писать лишь о горестных вещах. Моя душа горит желанием говорить о приятном, радостном и веселом. Ах, если бы все мои соотечественники имели хотя бы десятую долю того, что имеет этот счастливый пес, даю вам слово, я не написал бы больше ни одного печального рассказа.

Перевел с турецкого Р. ФИШ

* Сабахаттин Али (1907—1948), прогрессивный турецкий писатель, убит в тюрьме турецкими реакционерами.





Рассказ бригадира

К. БУКОВСКИЙ

Фото Э. Гутгарца

— Ну, что скажете, товарищ агроном? Вижу я, что и вам, при ваших, не в обиду, преклонных летах, крестцы такие в диковину. Оно, правда, не нынешнего времени крестцы! Только погодите, тетрадку вы зря достали. Этот факт к науке касательства не имеет. Это дед Иван Лябах предложил, и упоминать о нем в вашем докладе, пожалуй, не стоит...

А, впрочем, почему же не стоит? Нет, стоит, пожалуй. И очень даже стоит упомянуть! Я бы даже попросил вас полное имя его назвать: дед Иван Алексеевич Лябах из станицы Родниковской.

Но это уже потом, к концу доклада. А начинать, по-моему, надо с того дня, как нас обоих с Лысенко в правление пригласили. Я имею в виду нашего колхозного Лысенко — не академика. Хотя, если правду сказать, и у нашего хлеба скоро будут родиться не хуже. Тут уж вы можете мне поверить: я про нашего Лысенко лишнего не скажу.

Так вот, вызвали нас обоих прошлым летом в контору колхоза. Зачем, не знаем, но видим: не по мелкому делу. Все правление собралось, с активом. Председатель наш Еремышко посовещался о чем-то с парторгом, когда мы вошли, и прямо ко мне с вопросом: «Скажи-ка ты нам еще раз, сколько у тебя на круг по пшенице урожая собрано?» «На круг,— говорю,— четырнадцать центнеров». «Это много или мало?» — спрашивает. «Должно быть, мало»,— говорю. «А почему так?» «Природа,— объясняю,— подкузьмила малость: то ветры дули по весне, то сушью колос слегка прихватило».

Насчет «подкузьмила»-то вышло у меня не совсем хорошо: председателя как раз Кузьмой Филипповичем зовут. Но он ничего будто не заметил и стал задавать вопросы Лысенко. «Ну, а у тебя,— пытает,— в четвертой бригаде ветры не дули?» Тот сразу в обиду: «Чего ж им не дуть? По-моему, они во всех бригадах вредили одинаково». «Ах, вон как? Ну, назови тогда свой урожай». «Тринадцать центнеров на круг»,— отвечает Лысенко.

Смотрю, председатель начал кривиться. Он всегда так кривится, когда хочет кого уязвить. «Всего,— произносит,— тринадцать! Отчего ж, скажи нам на милость, такая разница?» Лысенко тут вовсе взвился. «От паров,— кричит,— вот от чего! Третья-то сколько сеяла по ранним парам и сколько моя бригада?» «Ну, ну, не шуми,— отвечает председатель ему спокойно,— лучше вспомни еще что-нибудь, кроме паров». В этом месте Лысенко притих, только шапку помял сердито.

Тогда Еремышко снова ко мне: «Никита Павлыч, напомни ему про рыхление. Да и сам прикинь, кстати: с чего это вдруг для тебя так природа расщедрилась? Она же тебя «подкузьмила», и она же лишний центнер на гектаре дала». «Закрытие влаги произвели, вот и расщедрилась»,— отвечаю. «Ага! — мне в ответ Еремышко. — Значит, можно с нею сладить, при всей ее скупости?» «Конечно, можно,— говорю. — Укротить стихию теперь не трудно при научном обращении с землей».

Кузьма Филиппович с парторгом будто того и ждали. Они поднялись и враз оба произнесли: «Верно, товарищ Бухалов, верно! Давай-ка ты теперь полтораста пудов!»

Вы тетрадку спрячьте... Тут я маленько сплоховал. Увидал, к чему они меня привели, и задний ход дать было решил. Сперва сделал вид, будто туго соображаю: «Чего это — полтораста,— глуплю,— пшеницы с гектара?» Но с Еремышко такой разговор не годился. «Нет, малины с куста! — отрезает он мне. — Слышь-ка, Лысенко, может, ты нас скорее поймешь?»

Тут, сознаюсь, сплоховал я опять. Не стал возражать Еремышко. Слабость напала. Все-таки сто пятьдесят пудов — невозможное дело! Да и Лысенко, смотрю, даром что мой постоянный соперник, а тоже в ответ ни гугу! Видно, и он малость струхнул. Так вот и встали мы с ним: друг на друга не смотрим, а все правление ждет. Тишина такая — слышно, как ходики стучат в соседней каморе.

Первым молчать перестал парторг. «Ну что ж, казачки,— произнес он печально,— видно, не выйдет у нас этот пункт? Тут, понимаешь, Никита Павлыч, мы перед колхозным собранием проект одного письма обсуждаем. К товарищу Сталину, в Кремль. И в этом письме хотелось бы нам одну смелую цифру назвать. Но, видно, хватили лишку, со слабостью духа вашего не посчитались». И он опять потихоньку вздохнул.

Скажу вам открыто: плеснуло мне тут чем-то жарким в лицо. Изнутри, от самого сердца, плеснуло. Шагнули мы вместе с Лысенко к столу, над которым портрет вождя висел. «Берусь! — сказал я первым. — Берусь собрать, сколько вы назвали пшеницы на круг с площади всего семенного участка. И берусь вырастить больше двухсот пудов на одной рекордной делянке!» Лысенко меня поддержал.

Поднялось тогда все правление. Начали говорить про то, что хотя пустовать земле под парами не след, надо мне хоть немного паров отвести: с таким урожаем они должны окупиться. В письме проставили цифры, и мы с Лысенко уже приложили было руки к козырькам, прощаясь с правлением, но парторг подозвал меня. «Никита Павлыч, постой,— сказал он мне шопотом. — А не вгорячах ты про ту рекордную делянку сказал? Кого ты можешь на нее поставить?» «Нет,— отвечаю ему,— не вгорячах. Поставлю Анну Григорьевну Пощенко».

...Вот тут, по-моему, товарищ агроном, надо будет вам остановиться в докладе на звеньевой. Это ведь все ее работа, где мы с вами стоим. И эти снопы диковинные и этот колос могучий с зерном, как горох. Да вы видели ее на току, нашу Анну Григорьевну — она зерно ворошила. Небольшого такого росточку, смешливая женщина.

Вам бы с ней годочков пятнадцать назад повстречаться, когда она еще только на звено становилась. Вот была певунья в то девичье время! Она и подруг себе сплошь таких подобрала — голосистых. Тот же дед, Иван Лябах, вышел однажды в степь, услыхал, как они всем звеном разливаются на загонке, и только рукой махнул: «Свиристели — не работницы...»

Однако нет, ошибся он, и здорово! Вот уже сколько времени существует звено, и никто еще этих «свиристелей» в труде не обходил. Так и работают они вместе в одном звене, на одних и тех же загонах землю пашут, на одном и том же току хлеб обмолачивают. И во всякое время поют. Правда, теперь они все постарше уже стали. Да и война их крепко горем прижала, у каждой потери. Но вот ведь и давеча, на току, слыхали, как славно они подпевали друг другу. Песню, ее ничем, должно быть, не сломишь, коли она внутри зародилась!

Я потому Анну Григорьевну на делянку поставил, что, кроме песен, она еще и науку крестьянскую знает. С детства в степи, степью живет и любит ее, как кормилицу-мать.

Однако и Анну Григорьевну тоже пришлось убеждать поначалу. Не сразу она согласилась. Уж я и корить ее стал: «Эх, ты,— говорю,— звеньевая! И за что тебя только «сам себе агроном» зовут?». И доказывал ей, что сеять пшеницу будет она по кукурузе. И опять корил, что Героев своих не имеет колхоз. Под конец заявил, что суть вся не в этом. «Суть,— говорю,— Григорьевна, в том, что надо тебе весь колхоз на большие дела поднять».



Звеньевая Анна Григорьевна Пощенко.

Словом, все пояснил ей, как надо. И с точки зрения науки подошел и с точки политики тоже. Ведь, что ни говори, а человеку пока не докажешь, он никаких высот осилить не сможет. А как на сердце ему положил,— смотришь, любые преграды одолевает. Вот так и у нас получилось с Анной Григорьевной, пока нам обоим до сердца не дошло.

И с тех пор начали мы с ней все вместе вершить. Характер у нее хотя и смешливый, но к делу она всегда заботлива. Тут же и вовсе покоя лишилась. Что ни день, тянет меня в степь: «Пойдем, Никита Павлыч, поглядим». «Да что глядеть-то, только вспахали?» «Почву поглядим: набирает ли сил...»

И ведь не то, чтобы одно женское беспокойство ею владело. Нет, дело не в том! Ей действительно хотелось заранее видеть, способна ли будет наша земля на такой урожай.

Так мы и ходили с ней за двенадцать километров на эту делянку. Меряли борозды во время пахоты. Щупали почву после дождей. К концу августа делянку выходили как нельзя нежнее. Земля на ней лежала мягкая, будто перина. И тут Анна Григорьевна вдруг заспешила: «Надо сеять, Никита Павлыч: влагу упустим». «Да рано еще,— убеждаю ее.— Срок ведь не подошел для сева». «Ничего, мы пораньше! Мы пораньше, Никита Павлыч, посеем, ждать же никак невозможно».

И верно! Всем нам уже не терпелось как можно скорее положить семя в землю. Семена эти сколько уж раз побывали в женских руках! И чего только звено с ними не делало: и сквозь триер пропускало, и по зернышку отбирало, и на всхожесть их испытывало, чтобы выбрать лучшую норму посева.

Из-за нормы чуть ссора не вышла в звене. Сеять ли, как во всем поле,— полтора центнера на гектар — или прибавить на мощность почвы и на потери? «Ветер зернышко выдует, птица другое склюет, зима свою долю востребует — вот и останутся семена в самой норме»,— говорили те, кто стоял за прибавку. Они же и правы оказались впоследствии.

Спустя неделю показались рядки...

В тот день опять пошли мы на нашу делянку. Стерня, вот как теперь, щетинилась кругом. И степь чуть-чуть печалилась по убранным хлебам. Людей не видно было на поле, одни лишь воробьи шебуршили спозаранку в соломенных скирдах. Как-то вроде смутно стало нам возле брошенных станов. Но тут мы вышли к озими. Глядим: по ней ростки пошли, хоть робкие, но дружные. Ну, словно зеленью поле окропили. Вы сами бываете в поле, когда там только что всходят хлеба. И вам, полагаю, знакомо это волненье души. Забыли мы про грусть: это же жизнь начиналась снова в степи!

Анна Григорьевна мне говорит: «Павлыч, ты видишь, слезинки дрожат на всходах! С чего это? С радости, что ли?» «Какие слезинки? — толкую. — Роса на поля упала». «Нет, Павлыч, не то, слезинки на всходах, гляди!»

Признаюсь вам, растрогались мы оба, как малые дети. И ведь каждую осень мы видим такое, а вот удержать в себе радость никак невозможно. Уже на обратном пути стали решать, как мы будем хлеба от напастей беречь. Зима ожидалась впереди — время для них тяжелое.

Вы помните зиму, как поздно она наступила? Декабрь уже был, а поля лежали голые, и ветер с морозом нет-нет, да и злобно куснут зеленя. По счастью, потом навалило сугробов с избытком. Под Москвой то же самое было? Ну вот и у нас, на Кубани, так же!

Зимой мы опять пахали. Вы так и скажите в докладе: пахали, мол, поле и в зимнее время. Как только заровняет борозды поземкой, мы снова пускаем снегопах поперек. Сугробы на нашей равнине летучие, их только так и можно в поле сдержать!

Ранней весной применили мы золу. Для вас дело ясное, как это делать. Золу надо рассыпать по снежному насту, она скует снег и тут же начнет топить его, будто жаром все поле обдаст. И влага вся в землю пойдет...

Да что ж мы стоим, однако! В ногах, говорят, правды нет. Давайте присядем вот тут, под крестцом. Глядишь, и парторг с звеньевой, как обещали, подъедут. Да и возчики скоро начнут снопы к молотилке возить.

Покамест доскажу о влаге. Ее запасти в степи трудно, да и сохранить тоже стоит хлопот. И весной и летом сосут ее суховеи из почвы, как сквозь трубы вытяжные летит. Щелочь уж больно мучит нас в почве: как дождь,— так корка на поле, а в корке, известно, миллионы капилляров.

Что ж тут делать прикажете? Как влагу беречь? Только рыхлением! Снег сойдет — бороной рыхлить. Дождь пройдет — ручным культиватором.

Вот вернемся в станицу, я вам покажу наш культиватор. Кстати, и с самим конструктором познакомитесь. Наш старый кузнец Степан Дмитриевич Дементьев его изобрел. Вещь чрезвычайно удобная, хотя и ручная. Один культиватор на три междурядья. Тут же рыхлит и тут же сорняк под корень срезает. Кузнец по заказу Анне Григорьевне сделал. Ну, а потом все передовые участки его применили.

Или вот вещь отличная — конная мотыга. На железного ежа похожа. Влаги она сохраняет в почве, чтобы яснее представить, ну, не меньше, чем могут вылить на поле две больших грозовых тучи. Ее в виде опыта нам из института прислали.

Сказать по правде, женщины наши испугались «ежа»: не повыдрать бы им весь свой труд на делянке. Судить их нельзя. И только потом уж к нему привыкли. Понравилась нам эта мотыга.

Теперь к труду перейдем. По-вашему, как, одной техникой можно хлеба такие растить? Нет, тут и рукам и спине достается, так и скажите в докладе. Ведь мало одной только влагой хлеба обеспечить. Их кормить еще надо, пока они сами в пищу пойдут. Да и как кормить!

Семь раз, не соврать, вносили мы удобрения в землю. В декабре под снег суперфосфат внесли. В апреле — снова суперфосфат для первой весенней подкормки. Потом — азотную селитру. В мае у нас стебель слишком буйно пошел, так мы для его укрепления калийную соль положили.

Про мульчирование вы, конечно, знаете. Ну, до чего ж, скажу вам, противно помет овечий толочь и потом эту пыль вонючую по ветру пускать!.. На своей делянке Анна Григорьевна сама помет рассевала. «Ты,— просила,— Никита Павлыч, близко ко мне не подходи. Ты от меня духу тяжелого наберешься». «А как же сама-то его переносишь?» — спрашиваю я у нее. «Сама ничего, притерпелась!»

Скажу вам еще: радостно было в ту пору глядеть на нее. Родятся ж такие гордые женщины в наших станицах. И сколько их среди нас! Только не сразу мы замечаем эту великую их красоту. Она ведь на лице не бывает написана, ее только в деле увидишь.

Ну, вон и возчики едут. И Анна Григорьевна с ними. Пора за работу. Не знаю уж, право, что и прибавить к рассказу особо научного. Цифры итога я вам называл: на этой делянке триста четырнадцать пудов с гектара выходит на круг...

— Сюда! К этому краю, Иван Лексеич, держи! Отсюда возить начнем!

— Это дед Иван Лябах на первом возу. О нем и осталось рассказать.

Случай в начале уборки вышел. Шли мы с ним вместе по озимым хлебам. Я на делянку спешил, он — по своим делам: посмотреть, не пора ли прокосы комбайну готовить. Идем и слышим женское пение. Откуда — не видно, но песня, слышим, веселая.

Дед спрашивает у меня: «Кому это так поется с утра?» «Должно, свиристелям моим»,— говорю. «Да где ж? Не заметно их, Никита?» «Должно быть, в пшеницу зашли».

И тут подошли мы к пшенице! Старик он, как видите, сильно уж дряхлый. В поле бывает только во время уборки, когда дома никто не сидит. Потому и пшеницу нашу увидел впервые. Подошел, а она, пшеница, стеной стоит, расступаться не хочет. Он ростом померялся с нею — по плечу пришлась. Потом колос сорвал и зерна потряс на ладони.

«Никита,— спрашивает он меня,— скажи, это та самая делянка, которую мы на собрании товарищу Сталину обещали?» «Да,— говорю,— та самая, Анны Пощенко делянка». Тогда он опять прислушался к пению. И вдруг как накинется на меня. «Ты что же,— кричит,— не косишь пшеницу, такой ты сякой и прочий? Упустить хочешь время, заслугу у женщин отнять!»

Я ему спокойно отвечаю: «Нельзя еще косить, Иван Алексеевич. Сыровата, видишь, пшеница». А он опять на меня. «Ты погляди глазами: налив-то белый уже! А та, что впрозелень, в крестцах у тебя дойдет». Я ему: «Какие ж крестцы, Иван Алексеевич? Комбайном будем косить». А он: «И думать не смей! Сейчас же коси, вручную!»

Я ему свое, он мне свое. Я толкую: «Подземок недозрел». Он: «Солнцем подпарит — больше потеряешь!» А тут и верно, откуда ни возьмись, тучка взмыла над степью. Погода стояла ненастная — после грозы свободно могло подпарить.

Слышим, пение стихло, и дождь уж над полем шумит. С другого конца делянки бегут к нам женщины всем звеном. Впереди Анна Григорьевна, за ней — остальные.

Добежали, отдышаться не могут. «Никита Павлыч, что же делать будем?» — чуть не плачет звеньевая. — В четвертый раз поляжет пшеница — не поднимем». Но я уже принял совет деда косить делянку вручную. Дед Иван Лябах тут же поехал в станицу, собрал косарей, и в два дня мы пшеницу убрали. А крестцы по случаю непогоды решили класть вот так: в два снопа — по-старинному.

Способ дедовский, но, по-моему, науке он не повредит. В нем смысла много, заметьте себе...

Колхоз «Маяк революции»,
Краснодарского края.


Бригадир Никита Павлович Бухалов.



Наказание Прометея

Карел **ЧАПЕК**

Рисунок Г. Валька

Покашливая и кряхтя после длинного, скучного судебного разбирательства, сенаторы собрались на чрезвычайное совещание, происходившее в тени священных олив.

— Итак, господа,—зевнул председатель сената Гипометей. — Затянулось же это проклятое разбирательство! Я думаю, что мне даже не следует делать резюме, но чтобы не было формальных придирок... Итак, обвиняемый Прометей, здешний житель, отданный под суд за то, что нашел огонь и тем самым как бы... гм, гм... нарушил существующий порядок, признался в том, что он, во-первых, действительно нашел огонь, затем в том, что он может, как только ему заблагорассудится, с помощью так называемого высекания вызвать этот огонь, в-третьих, в том, что он не скрыл соответствующим образом тайну этой предосудительной находки и даже не оповестил о ней надлежащие власти, а самовольно выдал ее, или, другими словами, передал в пользование простым людям, как явствует из показаний допрошенных нами свидетелей.

— Я полагаю, что этого вполне достаточно и что мы можем немедленно проголосовать и вынести решение о виновности и о наказании Прометея.

— Простите, господин председатель, — возразил заседатель Апометей,— я считаю, что, принимая во внимание серьезность этого чрезвычайного заседания, было бы, может быть, удобнее вынести приговор только после обстоятельного и, так сказать, всестороннего обсуждения.

— Как вам угодно, господа, — торжественно проговорил Гипометей. — Хотя дело ясно, но, если кто-либо из вас желает добавить еще что-нибудь, пожалуйста.

— Я позволил бы себе напомнить,—отозвался присяжный Аметей и основательно откашлялся,— что, по моему мнению, во всем этом деле следует особенно подчеркнуть одну сторону. Я имею в виду религиозную сторону вопроса, господа. Будьте добры определить, что такое этот огонь? Что такое эта высеченная искра? По признанию самого Прометея, это не что иное, как молния, а молния, как всем известно, есть проявление силы бога-громовержца. Будьте добры объяснить мне, господа, как добрался какой-то Прометей до божественного огня? По какому праву он овладел им? Где он взял его вообще? Прометей хочет уверить нас, что он просто нашел его, но это глупости: если бы это было так легко, то почему не нашел огня, например, кто-нибудь из нас? Я убежден, господа, что Прометей просто-напросто украл этот огонь у наших богов. Нас не собьют с толку его запирательство и увертки. Я бы квалифицировал это преступление как самую обыкновенную кражу, с одной стороны, а с другой — как злодейское надругательство и святотатство. Поэтому я за то, чтобы наказать его за безбожную дерзость самым суровым образом и защитить священную собственность наших национальных богов. Вот все, что я хотел сказать, — закончил Аметей и громко высморкался в подол своей хламиды.

— Хорошо сказано, — согласился Гипометей. — Кому еще угодно выступить?

— Прошу прощения, — сказал Апометей, — но я не могу согласиться с выводами уважаемого коллеги. Я видел, как упомянутый Прометей разжигал огонь, и скажу вам откровенно, господа,— между нами, конечно, — в этом нет ничего трудного. Открыть огонь сумел бы каждый лентяй, бездельник и козий пастух; мы не сделали этого лишь потому, что у таких серьезных людей, как мы, разумеется, нет ни времени, ни желания развлекаться какими-то камешками, высекающими огонь. Я уверяю коллегу Аметея, что это самые обыкновенные естественные силы, возиться с которыми недостойно мыслящего человека, а тем паче бога. По-моему, огонь — явление слишком ничтожное, чтобы как-нибудь задеть наши святыни. Однако я должен обратить внимание коллег на другую сторону вопроса. А именно, огонь, — повидимому, стихия очень опасная и даже вредная. Вы слышали показания свидетелей, говоривших, что, испытывая мальчишеское открытие Прометея, они получили тяжкие ожоги, а в некоторых случаях пострадало даже и имущество. Господа, если по вине Прометея использование огня получит распространение, а этому, к сожалению, помешать уже нельзя, никто из нас не может быть уверен в своей жизни и даже в целости своего имущества, а это, господа, может означать конец всей цивилизации. Достаточно малейшей неосторожности — и что остановит эту непокорную стихию? Прометей, господа, с легкомыслием, достойным наказания, вызвал к жизни это опасное явление. Я бы обвинил его в преступлении, которое влечет за собой телесные повреждения и угрожает общественной безопасности. Ввиду этого я предлагаю лишить Прометея свободы пожизненно, присовокупив к этому строгий режим и кандалы. Я кончил, господин председатель.

— Вы совершенно правы, коллега,—засопел Гипометей.—Спрашивается, господа, на что нам вообще нужен какой-то огонь? Разве наши предки пользовались огнем? Придти с чем-либо подобным — значит выказать неуважение к установленному веками порядку, это... гм... значит заниматься подрывной деятельностью. Нехватало нам еще игры с огнем! Примите также во внимание, господа, к чему это поведет: люди возле огня слишком изнеживаются, они предпочтут лежать на боку, вместо того, чтобы... ну вместо того, чтобы воевать и тому подобное. От этого произойдет смягчение, упадок нравов — гм... вообще беспорядок и тому подобное. Короче говоря, необходимо предпринять что-то против таких нездоровых явлений, господа. Время серьезное и вообще. Вот о чем я хотел напомнить.

— Совершенно правильно, — воскликнул Антиметей. — Все мы, конечно, согласны с нашим господином председателем, что огонь Прометея может вызвать не предусмотренные никем последствия. Господа, не станем скрывать от себя, что огонь — дело огромной важности. Какие новые возможности открываются перед тем, кто владеет огнем! Только один пример: он может сжечь урожай неприятеля, спалить его оливковые рощи и так далее. Огонь, господа, дает нам, людям, новую силу и новое оружие; с помощью огня мы почти будем равны богам, — прошептал Антиметей и вдруг громко крикнул: — Обвиняю Прометея в том, что он доверил эту божественную и неодолимую стихию пастухам, рабам и всем, кто к нему приходил; что он не отдал ее в руки избранных, которые берегли бы ее как государственное сокровище и владели бы им! Обвиняю Прометея в том, что он разгласил тайну находки огня, которая должна была принадлежать правителям страны! Обвиняю Прометея, — кричал возмущенно Антиметей, — в том, что он научил пользоваться огнем чужестранцев; что он не утаил его от наших врагов! Прометей украл у нас огонь, потому что дал его всем! Обвиняю Прометея в государственной измене! Обвиняю его в преступлении против общественного порядка! — Антиметей кричал так, что закашлялся. — Предлагаю покарать его смертью, — произнес он наконец.

— Итак, господа, — проговорил Гипометей, — кто еще хочет взять слово? В таком случае, согласно мнению суда, обвиняемый Прометей признан виновным, во-первых, в злодейском надругательстве и святотатстве, во-вторых, в нанесении тяжких физических увечий и в повреждении чужого имущества, а также в угрозе общественной безопасности, в-третьих, — в государственной измене. Господа, предлагаю приговорить его к пожизненному лишению свободы, со строгим режимом и кандалами, либо покарать его смертью. Гм...

— Либо то и другое вместе, — мечтательно произнес Аметей, — чтобы удовлетворить обе точки зрения.

— Как? Оба наказания вместе? — спросил его председатель.

— Я именно об этом думаю, — проворчал Аметей, — можно сделать хотя бы так... приковать Прометея пожизненно к скале и... пусть коршуны клюют его безбожную печень. Понятно, господа?

— Вполне возможно, — удовлетворенно проговорил Гипометей. — Господа, это была бы единственная в своем роде кара... гм... за такое преступное деяние, не так ли? Нет ли у кого-нибудь возражений? Итак, решено.

* * *

— А за что, отец, вы присудили этого Прометея к смерти? — спросил Гипометея за ужином его сын Эпиметей.

— Не твоего ума дело, — проворчал Гипометей, обгладывая баранью ножку. — Эта жареная ножка куда вкуснее сырой. Так вот, значит, на что годится этот огонь! Мы же считались с общественными интересами, понимаешь? Куда бы это привело, если бы всякий проходимец осмелился безнаказанно находить что-нибудь новое и великое. Не так ли? Но этому мясу все же чего-то нехватает... Ага, понял! — воскликнул он радостно. — Жареную ножку нужно бы посолить и натереть чесноком! Вот в чем дело! Это тоже находка, мой мальчик! Прометей бы до этого не додумался.

Перевод с чешского М. ЗЕЛЬДОВИЧ

Из записок советского моряка

Яков ЭНКУР

Морское кладбище

Наш пароход прошел Асторию— маленький американский порт — и продолжал быстро подниматься вверх по реке.

На капитанском мостике стоял лоцман. Это был пожилой, проживший не меньше шести десятков лет американец. Его лицо, смотревшее из-под широких полей зюйдвестки, было изрезано глубокими морщинками, прищуренные глаза смотрели уставшим взглядом, а старческие губы казались беспрерывно пожевывающими. Высокая фигура, покрытая клеенчатым плащом, выглядела сутулой.

Он медленно прохаживался по мостику, всматривался в матовую даль и вел пароход по бакенам и створам. В его коротких и четких командах звучал голос суровой морской школы.

Но спокойствие на мостике продолжалось недолго. Когда из-за крутого мыса, в нескольких милях выше Астории, показались силуэты судов, лоцман стал семенить по мостику, его губы еще чаще зашевелились. Его длинные пальцы барабанили по биноклю, а глаза выражали беспокойство. Когда же волнение достигло наивысшей точки, лоцман подошел к поручням и с горечью плюнул за борт.

Беспокойство старого моряка заставило нас, невольных свидетелей, устремить взгляды далеко вперед. И, по мере того как мы приближались к судам, а они, в свою очередь, надвигались на нас темной громадой, наши глаза все больше раскрывались от изумления. И только тогда, когда наш пароход был у них на траверзе, нам стало понятно беспокойство лоцмана.

Лес мачт! Десятки и десятки зачехленных брезентом труб и столько же темных и мрачных корпусов морских пароходов.

Морское кладбище! Суда стояли перед нашими глазами, связанные в группы и поставленные на мертвую якорную стоянку.

Что это?! Морские старики, во славу поработавшие и отслужившие свой век?

Нет! Здесь в большинстве были суда типа «Либерти», построенные всего несколько лет назад.

Мы долго смотрели на умерщвленные суда, а когда приступ изумления прошел, повернули головы в сторону лоцмана.

Он был бледен. Муки страдания углубили его морщины. Он казался осунувшимся и постаревшим.

— Сто шестьдесят пароходов!..

Он сказал только три слова, но мы всё поняли. Не нужно было задавать вопросов. Быстро помножив сто шестьдесят на пятьдесят, мы получили солидную цифру в восемь тысяч.

Восемь тысяч! Где эти восемь, а может быть, и все десять тысяч человек, которые работали на этих пароходах? Где кочегары и матросы? Где механики и штурманы?

Некому было отвечать на наши вопросы, но было ясно одно: они покинули пароходы не ради увеселительной прогулки...

Через три часа наш пароход прошел под первым мостом, перекинутым через реку Колумбия, и пришвартовался к причалу порта.

Золотые ворота

Из Лонгвью мы пошли за грузом в Сан-Франциско.

Штилевая погода благоприятствовала нашему плаванию, и только туман несколько задержал нас у входа в залив.

Лоцман вел пароход в порт по звуку мощного ревуна, а мы смотрели вперед, в толщу непроницаемого тумана, где должен был открыться мост.

По мере приближения к заливу туман постепенно редел, солнечные лучи настойчиво вонзались в белую пелену и, наконец, ее разорвали. В огромной прогалине тумана, в которую хлынул солнечный свет, мы увидели мост, перекинутый через залив с одного мыса на другой.

Это были «Золотые ворота» — вход в Сан-Франциско.

Переплетение железа, воздвигнутое высоко над водой, сейчас озарялось солнцем. Мост был высок, очень высок, и наши головы невольно поднимались вверх по мере приближения к нему. Под ним свободно проходили суда с самыми высокими мачтами.

А когда наш пароход проходил под нависшим над нами железным сооружением, лоцман тяжело вздохнул и сказал:

— Около года назад на этом мосту произошел трагический случай с нэви. Вы знаете, кто такой нэви? Это военный моряк. Так вот один такой нэви вернулся домой. Четыре года службы на военных кораблях остались позади. Дома его горячо встретили жена и четырехлетняя белокурая дочка. Не стоит говорить о той радости, которую переживал ветеран войны, когда его загорелую шею обвили нежные ручки ребенка, и он был преисполнен твердой решимости не покладая рук работать на свою семью. Он тщательно искал работу и не находил ее,— грустно сказал лоцман и сделал короткую паузу.

Несколько секунд лоцман смотрел вдаль задумчивыми глазами и, казалось, перед ним рисовались картины мытарств неудачника нэви. Он видел его, скитающегося по улицам с мутным, рассеянным взором, с безнадежным отчаянием на лице. Все восстало против нэви. Сверкающие витрины с усмешкой зазывали его в магазины, крикливые рекламы издевательски навязывали свои услуги, а гудки автомобилей, крики газетчиков и даже мигание светофоров отравляли существование.

— Нэви долго еще искал работу,—тихо продолжил прерванную речь лоцман.— Но безуспешно. И вот тогда он находит страшный, чудовищно страшный выход. Подробности этого события я хорошо знаю, джентльмены. Нэви был моим соседом.

В злосчастный день нэви встал раньше обычного. Он добросовестно выполнил все свои домашние обязанности, а затем гладко выбрил лицо с провалившимися щеками. Из скудного гардероба он извлек военный костюм и долго приводил его в порядок.

Доротти, его жена, удивленно спросила:

— Зачем ты это делаешь, Гарри?

— Сегодня годовщина моей демобилизации из флота, Доротти. Этот день был лучшим днем в моей жизни, дорогая, и я хочу его отметить. В этой форме я погуляю с Лилет.

За короткое время Доротти вместе с мужем перенесла много горя и научилась ничему не удивляться. Она молча стала собирать Лилет.

Среди старого белья Доротти нашла платьице дочки, в котором та встречала отца. Оно было заштопано и выглядело коротковатым на девочке, но так приятно напоминало о светлом прошлом.

Когда все приготовления были окончены, нэви взял девочку на руки и, глядя печальным взглядом на Доротти, почти шопотом сказал:

— Теперь поцелуй нас, мама!

Доротти поцеловала Лилет, мужа и, встретив его открытый взор, прижалась к его груди. Она закрыла глаза, и ей показалось, что счастье и надежды вернулись вновь, как это было год тому назад. А когда Доротти подняла голову, Гарри поцеловал ее в лоб чуть дрожащими губами.

Так они попрощались.

Нэви вышел на улицу с Лилет, а Доротти, ничего не подозревая, проводила их нежным взглядом.

Слушая рассказ лоцмана, исполненный скорби, моряки представляли себе, как долго шел по улицам Гарри, держа на руках Лилет. Колодочка с разноцветными ленточками, приколотая к левой стороне френча, привлекала внимание прохожих, но сам нэви ничего не замечал. Он машинально переходил перекрестки улиц, а страшный взгляд, устремленный куда-то далеко вперед, заставлял людей уступать ему дорогу.

Маленькая Лилет одной ручкой крепко держалась за шею отца, а другой показывала на высокие здания, огромные витрины, автомобили, пестрые платья — на все, что привлекало ее внимание.

Лилет оживленно лепетала какие-то слова. Нэви, не глядя на дочь, все с тем же взглядом, устремленным вперед, отрицательно покачивал головой: «Это все не для нас..: Совсем не для нас с тобой, милая доченька!..» Затем его губы начали однообразно шевелиться от повторения одних и тех же слов, наполненных горечью и обидой, а спазмы стягивали горло.

И только на этом высоком мосту, где дул свежий морской ветер, Гарри на миг увидел мир прежними глазами. Но это была короткая вспышка, в которой промелькнуло далекое прошлое.

Он оглянулся. Перед ним опять ненавистный город, из которого он так настойчиво уходил. Ужас и страх еще с большей силой охватили его душу и заставили отвернуться.

Дрожащими руками он крепко прижимал к себе хрупкое тельце Лилет и, задыхаясь от волнения, стремительно шел вперед.

Ветер играл золотистыми локонами Лилет. Девочка смотрела на клепаные фермы моста, на чистое небо, на голубую даль моря. Она радовалась лучам солнца, живым краскам и вовсе не знала, что рядом с ее маленьким сердцем обливается кровью другое сердце.

Нэви уже не шел, а бежал. Быстро проносились переплетения ферм, мелькал под ногами асфальт, оставались последние десятки метров.

И вот он у цели — на середине высокого моста.

Гарри останавливается. Сердце его разрывается, в голове стоит шум, на глазах выступают слезы. Он торопливо осыпает поцелуями нежное личико дочери...

— Прости меня, Лилет!.. Я не могу ничем тебе помочь!

Он сделал сильный рывок в сторону перил моста, и два тела стремительно понеслись вниз...

После длительной паузы моряки услышали голос лоцмана.

— Что произошло с ними, вы сами можете представить,— грустно сказал лоцман и сейчас же добавил: — В кармане нэви была найдена записка. В ней было коротко написано: «Я не мог обеспечить ее существования...»

Когда лоцман кончил печальное повествование, мост остался далеко за кормой парохода. Оглянувшись назад, мы увидели теневую сторону моста. Она выглядела бордово-красной, словно залитой кровью...

С. МАРШАК

Новые стихи

АБХАЗСКИЕ РОЗЫ

О ней поют поэты всех веков.
Нет в мире ничего нежней и краше,
Чем этот сверток алых лепестков,
Раскрывшийся благоуханной чашей.

Как он прекрасен, холоден и чист, —
Глубокий кубок, полный аромата,
Как дружен с ним простой и скромный лист,
Темнозеленый, по краям зубчатый!

Я это чудо видел на окне
Одной абхазской деревенской школы.
И тридцать рук в дорогу дали мне
По красной розе, влажной и тяжелой.

Охапку роз на север я увез,
Цветы Кавказа — в Ленинград далекий,
И пусть опали тридцать красных роз, —
На память мне остались эти строки.

ЗА ОКНОМ

Шумят деревья за моим окном,
Для нас они — деревья как деревья,
А для других — укромный, мирный дом
Иль временный привал среди кочевья.

Вчера я видел: съежившись в комок,
На дереве у моего окошка
Сидел хвостатый рыженький зверек
И чистился, чесался, точно кошка.

Лизал он шерстку белую брюшка,
Вертя проворной, маленькой головкой,
И вдруг, услышав шорох, в два прыжка
На верхней ветке очутился ловко.

Меж двух ветвей повис он, словно мост,
И улетел куда-то без усилья,
Четыре лапы и пушистый хвост
Ему в полете заменяют крылья.

Моя сосна — его укромный дом
Иль временный привал среди кочевья.
Теперь я знаю: за моим окном
Не только мне принадлежат деревья!

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Незнакомый полустанок.
Поезд из виду исчез.
И полозья легких санок
Мчат приезжих через лес.

Растревоженные бегом,
Бубенцы гремят вразброд.
А кругом под синим снегом
Елки водят хоровод.

Но, покинув хвойный полог,
Резвый конь гостей унес
Из-под крова хмурых елок
В рощу голую берез.

Вдаль бегут стволы, белея.
И от этих белых тел
Над березовой аллеей
Самый воздух посветлел.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

НЕУГОДНЫЙ АСТРОНОМ



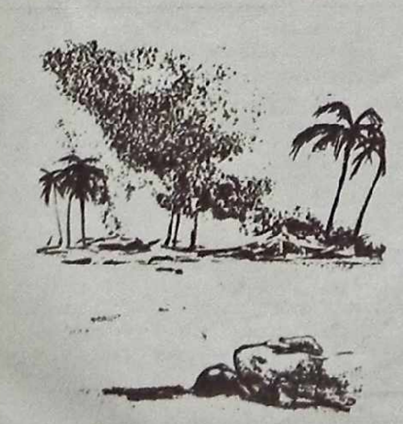
В прошлом году астрономы обсерватории Мак-Дональд в штате Техас (США) пригласили к себе для участия в научных наблюдениях коллегу из Парижской обсерватории Даниеля Шалонжа. Консульство США в Париже так долго мариновало выдачу ему визы, что целесообразность поездки отпала.

В начале этого года, как сообщает бельгийская газета «Драпо Руж», техасские астрономы возобновили свое приглашение, уточнив, что ждут гостя в августе. Шалонж опять обратился в американское консульство за визой. Тогда астронома подвергли в этом учреждении тщательному допросу: каковы его политические взгляды, одобряет ли он план Маршалла, что он думает о политике Трумэна и т. д.

После допроса чиновник консульства, мрачно глянув на ученого, заявил, что виза ему не может быть выдана, так как он, Шалонж, повинен во всех смертных грехах: во-первых, он состоит членом общества «Франция — СССР», во-вторых, как член такового общества, он солидаризировался с критикой речи господина Спаака, произнесенной им в ноябре прошлого года. Шалонж вначале не понял, причем тут бельгийский министр иностранных дел, но затем сообразил, что этот «деятель» является по совместительству штатным уполномоченным госдепартамента США по Бельгии. В общем Шалонж так и не поехал в Америку.

Мораль ясна: хочешь наблюдать из вотчины Уолл-стрита небесные светила, чти не только хозяина, но и раба его, и вола его, или, точнее говоря, дворовую жучку...

ПИСЬМО ИЗ ИНДОКИТАЯ



«Юманите» напечатала выдержки из письма, присланного молодым французским офицером из Индокитая своим родным в Париже. Строки эти рассказывают правду о зверствах, которые чинят французские империалисты над народом Вьетнама, отстаивающим свою свободу.

«Однажды,— пишет офицер,— я со своей ротой отправился на операцию. То, что я увидел, ввергло меня в отчаяние. И теперь у меня еще щемит сердце, когда я об этом думаю. Мы натолкнулись на неприятельский обоз с продовольствием. Сопровождали обоз женщины и дети. Они вовсе не были воинами, а их всех перерезали. Слово «перерезали» — не преувеличение, так как я, будучи бессилен что-нибудь сделать, присутствовал при том, как добивали раненых. Это было похоже на охоту на кроликов...

Другим «доблестным делом» тех дней было сожжение одной вьетнамовской деревни»...

И дальше:

«Наш батальон расставлен постами по всей территории провинции Уанг-Три. Формально каждый пост должен контролировать отведенную ему территорию, но фактически контроль осуществляют вьетнамовцы. Французские посты часто подвергаются атакам, а порой и захвату.

Вот почему вьетнамовцы оказываются все лучше вооруженными, а мы — все менее сильными...»

ЯДОВИТЫЕ СЕМЕНА



Французский педагог А. Миньо опубликовал книгу «Семена преступности», в которой бьет тревогу по поводу «деморализации французских детей и юношества» американскими журналами и книгами.

Миньо цитирует школьное сочинение одного парижского мальчика 15 лет на тему «Каковы ваши мечты о будущем?» Вот ответ мальчика: «Я подчас предаюсь мечтам. Тогда я вижу себя великим гангстером, с револьвером в каждом кармане моего плаща. Я грозный главарь банды, которой все боятся. Полиция меня ловит, но не может поймать, моя голова оценена во всех странах в баснословные суммы. Я уже ограбил главные банки мира... Я совершаю налеты на эшелоны с золотом, фабрикую фальшивую монету... Я становлюсь грозой для всех!..»

Таковы мечты французского подростка, отравленного гангстерской литературой. Многие сверстники этого мальчика, рассказывает А. Миньо, пытаются претворить в жизнь подобные «мечты». В современной Франции катастрофически растет детская преступность. При этом сами малолетние преступники часто ссылаются на свое стремление подражать героям американских детективных романов и кинофильмов.

Вот некоторые примеры, приведенные в книге Миньо:

«Мальчик В. пытался убить свою тетку. «Я прочел роман «Призраки», — заявил он на допросе, — и хотел поступить так же, как в книге, поднять на ноги всю полицию...»

Мальчик 15 лет задушил ребенка. Он сказал полицейскому комиссару: «Я читал много романов и в одном из них нашел описание такого убийства, которое я затем и осуществил».

Так идет сознательное идеологическое и моральное развращение французской молодежи теми, кто заинтересован в превращении подрастающего поколения Франции в пушечное мясо Уолл-стрита.

Улугбек — великий узбекский ученый

К 500-летию со дня смерти

1

Улугбек, внук Тимура, повелел начертать на портале бухарского медрессе белой арабской вязью:

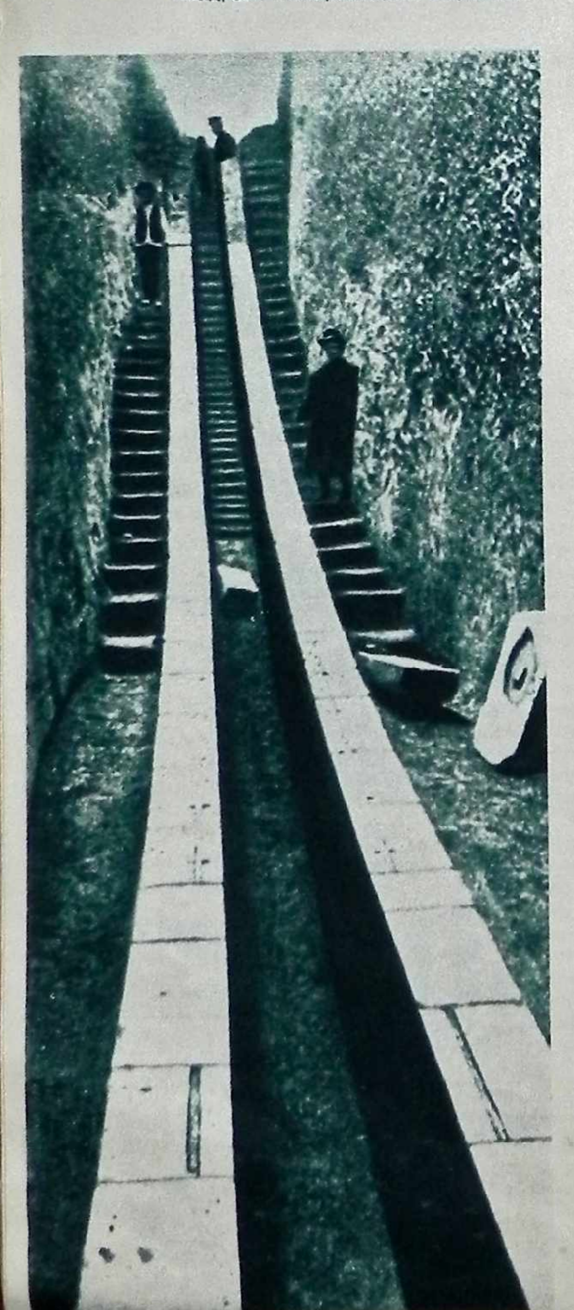
«Просвещать свой ум есть обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки».

Пять столетий протекло со дня трагической гибели Улугбека, но эти слова, запечатленные на цветных изразцах портала, сияют и поныне.

Во второй половине XV века Навои, поэт и правдолюбец, писал: «Все сородичи Улугбека ушли в небытие. Кто о них вспоминает в наше время? Но Улугбек протянул руку к наукам и добился многого. Перед его глазами небо стало близким и спустилось вниз. До конца света люди всех времен будут списывать законы и правила с его законов». Навои говорил о звездных таблицах Улугбека и его трактате, посвященном движению небесных светил.

Бессмертную славу предсказал великий поэт великому ученому-астроному. И это предвидение сбылось.

Квадрант обсерватории Улугбека.



Казалось, все должно было способствовать тому, чтобы внук Тимура стал таким же воинственным правителем, как его грозный и жестокий дед.

Улугбек родился 22 марта 1394 года на военном биваке. Мальчик видел воинов и полководцев, покоривших огнем и мечом гигантские пространства Азии. Он рос в сутолоке постоянных военных походов. На всю жизнь, по его собственному признанию, он запомнил праздничные шатры на берегу мутной реки Аму и громкие приветственные крики войск.

Отец Улугбека, Шахрух, сделал 15-летнего сына правителем Самарканда. Бывшие соратники Тимура мечтали о военных походах и жили надеждами на легкое обогащение. Они толкали на этот путь Улугбека. Но молодого человека с неодолимой силой влекло к наукам. И дед и отец его оказывали покровительство ученым. У внука этот интерес к наукам превратился в настоящую страсть, и от меценатства — покровительства — он перешел к самостоятельным трудам.

Правитель-ученый создал в избранной им отрасли знания — астрономии — звездный каталог такой точности и полноты, что в течение двух столетий не было ему равного в мире. До сих пор эти таблицы не утратили своей ценности. Пользуясь ими, исследователи могут сравнивать положение небесных светил, каким оно было в XV веке и каково оно в наши дни.

Слава самаркандского ученого была настолько велика, что на голландской гравюре XVII столетия, изображающей собрание замечательных астрономов прошлого, самое почетное место занимает Улугбек. Пять веков назад астрономическая наука на территории нашей страны опередила науку других стран. Новые успехи стали возможными лишь после того, как изобрели телескоп. Имя Улугбека — это вершина достижений ученых древности и средних веков в изучении звезд.

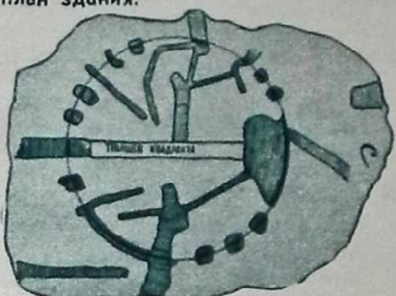
2

Улугбек целые ночи напролет проводил в своей обсерватории, следя за движением небесных светил. Точность его наблюдений была поразительна. Объясняется она совершенством инструментов самаркандской обсерватории. Не только в XV веке, но и много позже с ней не могла соперничать ни одна обсерватория мира.

Что мы знаем об этом сооружении?

Султан Бабур, попавший в Самарканд в конце XV века, в своих «Записках» рассказывает: «Высокая постройка Улугбека-мирзы — обсерватория у подножия холма Кухак, т. е. здание, где пишутся звездные таблицы. В здании три яруса. Улугбек-мирза написал в этой обсерватории «Гургановы таблицы», которые теперь употребляют во всем мире».

Из этих строк видно, что улугбекова обсерватория была трехэтажной и что там составлялись звездные таблицы, известные под названием «Зидж-и-Гурагани». Свидетельство Бабура в полной мере подтвердили раскопки, осуществленные в прошлом году, которые позволяют восстановить план здания.



План площадки обсерватории.

Абд-ар-Реззак, который побывал в обсерватории в 1442 году, рассказывает, что внутренние стены были покрыты рисунками. Роспись изображала земной шар, разделенный на климатические пояса, а также горы, пустыни и моря. На отдельной стене нарисованы были семь планет, неподвижные звезды и семь кругов небесных сфер.

Можно предположить, что в обсерватории имелись глобусы — земной и небесный, — карты, таблицы. Есть основание думать, что здесь подготовлялись географические карты.

Обсерватория строилась весьма основательно. Этим занимался специальный ученый совет из астрономов, образованный Улугбеком. Но только один из членов совета, Али-Кушчи, вместе с ним 20 лет трудился над составлением звездных таблиц. Все другие умерли еще до окончания постройки.

Улугбек, вольнодумец, правитель, предпочитавший ночные наблюдения в обсерватории заботам о сохранении власти, сознавал, что своим пренебрежением к религиозным обрядам и пристрастием к наукам он стал ненавистен «духовным отцам». Крылатая фраза, приписываемая ему, что «религии и царства рассеиваются, как туман, а наука остается на вечные времена», возбуждала против него шейхов и мулл.

И когда Улугбек 27 октября 1449 года был убит, его сотрудники бежали, опасаясь, что их постигнет печальная судьба ученого. Али-Кушчи под благовидным предлогом паломничества выехал из Самарканда, захватив с собой рукописные труды. Ему мы обязаны тем, что произведения Улугбека сохранились и стали достоянием науки.

Жизнь в Самарканде после гибели Улугбека резко изменилась: хозяевами положения стали муллы и фанатики-дервиши. Они отдали на поток и разграбление величайшую из когда-либо существовавших до того обсерваторий. В первую очередь похитили приборы из металла, потом принялись выламывать куски мрамора из облицовки горизонтального круга и вертикального квадранта.

Гонители наук — ишаны и муллы — старались не только стереть с лица земли замечательную обсерваторию, но вытравить из памяти народной даже имя Улугбека.

Однако узбекский народ не забыл этого имени. Оно названо строителями Большого Ферганского канала в письме товарищу Сталину. На протяжении веков жители называли холм Кухак «Пои-расад», что означает «Подножие обсерватории».

3

Установить точно место, где находилось здание обсерватории, оказалось не очень просто.

Пытливому археологу В. Л. Вяткину посчастливилось найти участок, где была обсерватория.

Ученый начал раскопки. Ему удалось обнаружить остатки наземного горизонтального круга, засыпанного мусором, а также половину угломерного инструмента (части вертикального круга), так называемого квадранта. О размерах инструментов улугбековой обсерватории можно судить по длине дуги квадранта: она равна 63 метрам! Нижняя половина квадранта была остроумно опущена строителями в глубокую траншею. Огромная величина инструментов обеспечила точность произведенных наблюдений.

С помощью горизонтального круга определялось направление звезды или планеты, с помощью квадранта — высота светила при его прохождении через меридиан (квадрант был установлен точно по меридиану).

В глубине траншеи — две мраморные дуги. На плитах видны деления и цифры для обозначения величины угла. В плитах сохранились выемки, где лежали медные рельсы, впоследствии выломанные грабителями. По медным рельсам передвигался прибор, фиксирующий то или иное небесное светило.

Между мраморными дугами, уходящими в глубь траншеи, по средней лестнице то поднимался, то спускался главный наблюдатель. По боковым лестницам, перемещая прибор, двигались его помощники.

Нетрудно представить себе, как здесь ночью по лестнице всходил Улугбек, а за ним его верный помощник Али-Кушчи.

Прошедшие века подтвердили правильность слов Улугбека: «...то, что добыто трудом ученых людей, — говорил он, — остается на вечные времена».

Профессор Н. И. ЛЕОНОВ

Мяч над сеткой



В Праге после победы. Волейбольная команда СССР — чемпион мира.

Правила этой игры хорошо известны даже тем людям, которые ни разу в жизни не бывали на стадионе. Что же тут мудреного в самом деле: прямоугольная площадка делится посредине сеткой, поднятой на высоту двух с половиной метров; игра идет до счета пятнадцать в каждой партии; состав команды — шесть человек; каждая команда имеет право ударить по мячу не более трех раз; задача играющих — не дать мячу коснуться земли: его место — в воздухе, над сеткой.

В волейбол с охотой играют мужчины и женщины, пионеры и пожилые ученые, горожане и колхозники; играют и на специально оборудованных площадках, и в лесу, или на пляже, и зимой — в залах. Но не прав тот, кто думает, что волейбол — лишь забава для курортников.

Нет, волейбол — спорт, а хороший волейбольный матч — зрелище, не менее увлекательное, чем футбол.

Красивы удары динамовца Китаева и особенно игрока команды ЦДКА Рёвы, удары, после которых мяч почти по вертикали, отвесно, пушечным ядром врезается в пол, вызывая долгое звенящее эхо; хороши броски локомотивца Нефедова, которым может позавидовать любой акробат...

Любой человек, хоть раз в жизни игравший в волейбол или хотя бы присутствовавший при этом, знает, что такое «гас». Один из игроков, принимая с воздуха мяч, подбрасывает его над сеткой таким образом, чтобы близ стоящий партнер мог в прыжке, с силой ударив ладонью по мячу, послать его на площадку противника. Удар, после которого мяч идет к земле под углом, и называется «гасящим» или «гасом».

Можно ли противопоставить «гасу» какой-либо контрприем? Да, можно. Этот прием называется «блоком». В тот момент, когда нападающий игрок замахивается для удара, игрок обороняющейся команды в свою очередь подпрыгивает вверх и «ставит» на пути мяча свои ладони. Если «блок» был поставлен своевременно, то мяч, ударившись о ладони, отскочит назад.

Появление такого сильного средства защиты, как «блок», потребовало, естественно, новых тактических средств нападения. Мяч для «гаса» стали выкидывать не близко, а далеко стоящим партнерам, широко начали применяться и обманные движения корпусом и руками. Наконец, появились мастера «гаса» со столь сильным ударом, что мяч легко «пробивал» заслон из двух ладоней. Тогда в защите ввели двойной, а затем и тройной «блок». На пути мяча вставал заслон уже не из двух, а из шести ладоней.

Но и против тройного «блока» было найдено достаточно эффективное «противоядие». Основным качеством всякого первоклассного волейболиста стало уменье выводить своего партнера под удар без «блока»,— иными словами, предоставлять ему возможность неожиданно для противника нанести завершающий удар.

С тройным «блоком» наши волейболисты впервые столкнулись в матче против чешской команды «Спарта», которая до выхода советских волейболистов на международную спортивную арену заслуженно считалась сильнейшей в Европе. Матч этот состоялся два года назад в Варшаве.

Тройному «блоку» чехов советские волейболисты противопоставили разработанную до автоматизма тактическую комбинацию с внезапным выходом нападающего под удар. Особенно эффективно выполняла эту комбинацию пара Якушев—Ульянов. Сразу же после приема мяча защитником следовал пас к стоявшему у сетки Якушеву. Тот, выпрыгнув по грудь над сеткой, замахивался в воздухе. Тройка чехов тотчас же кидалась ставить «блок» из шести ладоней, но Якушев вместо сильного, гасящего удара, подкидывал мяч над собой. И как раз в тот момент, когда чехи спускались на землю, к сетке выскакивал Ульянов и посылал мяч на свободное место площадки.

Никак не могла приноровиться «Спарта» к этой комбинации! Матч закончился победой советских спортсменов.

Пресса посвятила этой игре подробные отчеты. В одной из газет рядом с отчетом был напечатан портрет ведущего игрока, тренера и капитана советской команды Алексея Якушева.

Якушев играет в волейбол двадцать лет. С 1933 года он бессменный игрок сборной команды Москвы. Этот своеобразный юбилей Якушев отпраздновал в прошлом году. Как отпраздновал? Да так, как и полагается отмечать столь приятную годовщину заслуженному мастеру спорта: в четвертый раз в составе команды «Динамо» завоевал звание чемпиона СССР.

Динамовский коллектив скорее, чем какую-либо другую команду, можно назвать творческой лабораторией советского волейбола, своего рода «поисковой партией», которая все время ищет новое в тактике и технике игры, находит это новое и затем передает (разумеется, в соревновании, на площадке) «в эксплоатацию» другим командам. Ну, а тем, понятно, приходится «оплачивать» уроки проигранными очками.

Год от года повышая класс своей игры, совершенствуя свое мастерство, динамовцы работали не только на свой клуб, но на весь советский спорт. И не случайно, конечно, в составе сборной команды СССР — чемпиона мира 1949 года — было четверо динамовцев, не случайно лучшую команду мира выводил на площадку зимнего пражского стадиона капитан лучшей команды Советского Союза Алексей Якушев.

Зрители, присутствовавшие в дни розыгрыша первенства мира на пражском стадионе, были восхищены игрой советской команды. Любителей волейбола поражала необычайно эффектная игра Константина Рёвы, тонкое и расчетливое мастерство Владимира Щагина, мгновенная реакция на мяч виртуозного защитника Сергея Нефедова. Глаз знатоков отмечал великолепную сыгранность советской команды, тактическое разнообразие ее игры, уменье каждого советского игрока видеть всю площадку и мгновенно ориентироваться в создавшейся игровой ситуации независимо от того, стоит ли он обеими ногами на твердой земле или находится в прыжке, в воздухе.

Ориентировка в воздухе — термин, конечно, скорее авиационный, чем спортивный, но вот волейболисты, оказывается, тоже должны уметь ориентироваться в воздухе, в прыжке, в ту десятую долю секунды, когда ноги оторваны от земли. Игроку нужно успеть осмотреться и решить, бить ли по мячу сильно или, наоборот, послать его на сторону противника тихим, «ехидным» ударом; правой ли рукой бить или, только замахнувшись ею, нанести неожиданный удар левой, «в обход» блокировщика; наконец, куда бить, кому адресовать удар: самому слабому или самому сильному игроку команды противника? Эти слова — «самому сильному» — написаны не по ошибке. Тактический расчет требует иногда такой временной жертвы, цель которой — утомить лучшего защитника.

Нет, решительно неправы те, кто думает, что волейбол — игра незамысловатая. Она требует от играющих крепких нервов и здорового сердца, тактической сметки и ловкости, а главное — такого же непрерывного совершенствования, как и любой другой вид спорта. А то, что игре этой все профессии и «возрасты покорны», очень хорошо. Хорошо, что волейбол помогает отдыхающим набираться сил и здоровья, хорошо, что на лесных полянах и в гимнастических залах клубов, у сетки сотни и тысячи молодых людей проходят начальную школу волейбольного обучения. Кто знает, быть может, многим из них доведется пополнить составы команд мастеров! Добиться этого, конечно, нелегко, но ведь тот же Якушев начинал когда-то именно так — и вот прошел за короткий срок путь от цеховой команды завода «Динамо» до сборной СССР — лучшей команды мира.

Б. ИЛЬИН

Бьет Константин Рёва.

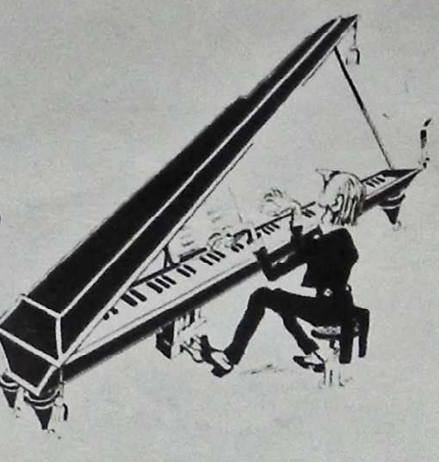
Фото А. Бурдукова



О том, как важно не захворать

(Научно-популярный рассказ)

Л. ЛАГИН



Рисунки В. Гальба

Достопочтенный Урия Дрэйк, на совести которого издание пяти детских и двух женских журналов, а также почетное попечительство в четырнадцати колледжах и двух университетах, обронил как-то на ежегодном конгрессе любителей тараканьих бегов и евангелического прогресса фразу, которая не могла не создать ему славу также и беззаветного ревнителя отечественных изящных искусств. Он сказал: «Истинно американский критик — это здоровый критик. А если он вдруг захворал какой-нибудь модной болезнью, то нам, стопроцентным американцам — он может пригодиться только для вываливания в дегте и перьях».

Некоторые склонны полагать, что под «модной болезнью» мистер Дрэйк подразумевал радикализм и симпатию к демократическим писателям. Но у нас нет оснований толковать эти слова столь ограничительно. Согласимся, что и грипп далеко еще не вышел из моды. Целью настоящего рассказа как раз и является показать, как опасно американскому критику, пользующемуся любовью и симпатиями мистера Дрэйка, не во-время захворать самым заурядным гриппом.

Итак, вот драматическая и в высшей степени поучительная история возвышения и падения Реджинальда Гипа, литературного, театрального и кинокритика. Одновременно это будет история о том, как важно всегда быть здоровым, а особенно перед началом театрального сезона.

Мистер Гип был уже совсем немолод, когда на его тусклом небосклоне вдруг забрезжила первая зарница упоительного золотого цвета. Около тридцати лет барахтался он в нескольких тощих эстетских журнальчиках вокруг слов «Красота», «Чистое искусство», «Истинная поэзия», «Искусство для искусства», тоскливо сознавая свое убожество и полное бессилие написать что-либо такое, что дало бы ему много читателей и долларов. Его статьи, которыми он снискивал себе скудные средства к существованию, походили на тощий изюм, запеченный в глину. Они вызывали недоуменные вопросы

— Чему же вы служите, мистер Реджинальд? Что вам нравится?

— Мне нравится Красота,—пыжился он. — Я служу Красоте, вот чему. Мне нравятся мрамор и холсты мастеров, но не тех, у которых все ясно и понятно, а тех, чьи статуи и холсты заставляют душу стонать от неизбывного томления перед великой тайной замысла и воплощения.

— А люди?

— Ах, что мне до людей!

Ему действительно не было никакого дела до людей. Его томила неизбывная тоска по объемистым пачкам долларов. Ему так хотелось разбогатеть, что иногда и самому казалось, что он не любит богатых.

И вот как-то некий приятель затащил Реджинальда Гипа в модный мюзик-холл «Золотой Багдад». Шла репетиция обозрения «Семьдесят семь голых невест Гарри Попкинса». Они сели поближе к выходу.

Хозяин постановки волновался. Он вложил в этот бизнес свыше ста тысяч долларов, собрался заработать на нем не меньше, но не был уверен, что это ему удастся. Он сел рядом с Гипом, потому что в темноте принял его за агента своего конкурента.

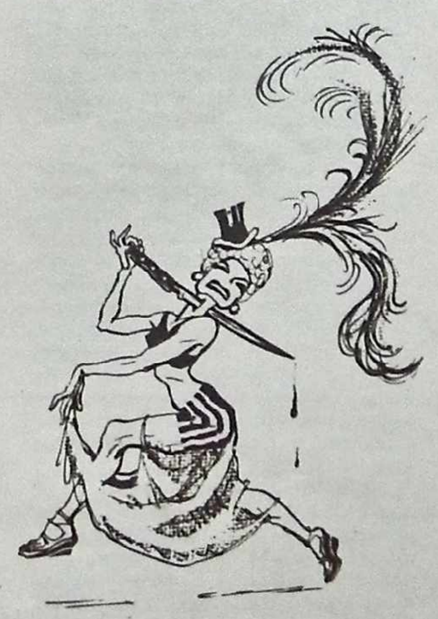
Гип был полон сарказма. Когда подняли занавес, он усмехнулся и заметил своему приятелю:

— Пошло, но недостаточно. Для полной пошлости не мешало бы...

И он стал развивать свои соображения о том, что следовало бы, по его мнению, внести дополнительно в постановку, чтобы она была пошлой на все сто процентов.

Хозяин постановки навострил уши и минут десять слушал ядовитые разглагольствования Гипа, потом не выдержал, всхлипнул, схватил его за руку и восторженно прошептал:

— Сэр! Я не имею чести быть с вами знакомым, но ваши замечания, которые я имел счастье чисто случайно подслушать, показывают, что вы мне ниспосланы самим провидением. Вы и только вы, сэр, можете помочь мне сделать из этого представления подлинное и действительно доходное произведение искусства!.. Уже одно то, что вы только что предложили, заставит спектакль блистать неподражаемым юмором!.. Вам нетрудно будет в антракте проследовать в мой кабинет?



Презрительно пожав плечами, Гип согласился. Из кабинета хозяина он вышел с приятно оттопыривающимся бумажником. На другой день в рекламах «Золотого Багдада» запестрело имя Реджинальда Гипа, «знаменитого критика, тончайшего эстета Америки, оказавшего весьма ценное содействие при постановке сверхбоевика «Семьдесят семь голых невест Гарри Попкинса».



Пошлости, предложенные Гипом, дошли до зрителя. Премьера имела бешеный успех. Месяцем позже при консультации Гипа прошла с не меньшим успехом в соседнем мюзик-холле премьера обозрения «Молодчага Джонни и муж на балконе». А спустя полгода ни одна постановка в сколько-нибудь значительном мюзик-холле Соединенных Штатов, от Мексиканского залива до Ниагары и от Атлантики до Тихоокеанского побережья, не обходилась уже без просвещенной помощи Реджинальда Гипа.

Теперь за его портретами и интервью гонялись репортеры самых распространенных газет и журналов, к его мнению прислушивались в Голливуде. Кто не помнит знаменитого фильма «Аризонский кегельбан из черепов»! Раньше он назывался «О чем кряхтели саксофоны». Помните, там восьмидесятилетняя старуха уничтожает все свое потомство. И как уничтожает! Она пропускает своих сыновей, внуков и правнуков через мясорубку, напевая рекламную песенку «Лучше нету мясорубок, чем системы Бивербрук!». Эти кадры до сих пор представляют предмет особой гордости таких блестящих деятелей американской культуры, как мистеры Джонстон и Бирнс, и только происками коммунистов можно объяснить тот обидный факт, что «Аризонский кегельбан из черепов» не был удостоен премии на международном кинофестивале в Каннах. Так вот, вся эта история с осатаневшей старухой, включая ее самоубийство от угрызений совести (она бросается в ротационную машину, на которой печатается «Нью-Йорк таймс»), с начала до конца придумана не кем иным, как Реджинальдом Гипом!

Вскоре он научился, нисколько не краснея, декламировать с любой международной трибуны о прелестях подлинно американского здорового искусства, недоступного только тем, кто отравлен ядом радикальных идей. Его книги «Адам и Ева накануне грехопадения», «Поэзия гниения», «Гангстер — волевой бизнесмен» и «Извращения и их воспитательное значение» стали настольными книгами наиболее поощряемых кинорежиссеров, театральных драматургов и постановщиков. Словом, он быстро и безостановочно шел в гору.

И надо же было так случиться, что однажды, прогуливаясь на собственной яхте, он простыл и захворал гриппом. Это был даже не очень серьезный грипп. В прежние времена, когда Гип промышлял «чистым искусством», он бы при таком гриппе без тени колебаний пустился в другой конец города ради каких-нибудь десяти—пятнадцати долларов. Но теперь он мог себе позволить поваляться в постели даже когда его ждали на репетиции нового ревью — «Семь жен и одна теща Синей Бороды».

Конечно, дирекция была в отчаянии. Безутешный хозяин сидел, пригорюнившись, в самой глубине зрительного зала и заранее подсчитывал убытки, которые принесет ему болезнь главного консультанта постановки. И вдруг, как Иисус Навин в пустыне, он услышал глас божий.

Кто-то возбужденно шептал своей соседке:

— Будь я на месте твоего Реджинальда... Будь я на месте твоего Реджинальда, я бы заставил Синюю поворочать мозгами. Почему это он всех жен душит одинаковым способом? Пускай он мне каждую свою жену за мои деньги убивает по-разному. Верно я говорю, крошка?

— Конечно, верно,— отвечала ему со вздохом его собеседница.— Ах, как верно! Ты у меня, Бобби, редкая умница!

— И актрисы хороши! — продолжал огорчаться Боб. — Умирать даже не умеют как следует. Все по одному трафарету. А ведь одна могла бы, к примеру, поплясать с ножом в горле, другую я бы повесил, и она бы раскачивалась, принимая пластические позы и напевая: «Тихо качайтесь, качели, та-та-та-тара!»

— Конечно! — снова вздохнула собеседница. — Ах, Бобби, Бобби, тебе бы при твоей красоте, уме и вкусе хоть три класса начальной школы!..

Хозяин подсел ближе и увидел в полумраке смазливую, но изрядно потрепанную физиономию с тоненькими усиками.

— Сэр! — обратился к нему хозяин постановки, взволнованно дыша. — Сэр, я не имею счастья быть с вами знакомым, но ваши талантливые замечания, которые мне чисто случайно удалось подслушать... Само провидение...

Так мгновенно и навсегда закатилось неверное счастье Реджинальда Гипа. Рядовой сутенер Боб О'Каналли, попавший на репетицию только потому, что его крошка Китти была одновременно платной возлюбленной Реджинальда Гипа,— словом, самый заурядный сутенер Боб О'Каналли оказался, как и другие его коллеги, вполне подготовленным, чтобы с ходу заменить в качестве



консультанта «неповторимого», «божественного» и «бесподобного» мистера Гипа.

В несколько дней смелый опыт «Золотого Багдада» стал достоянием всех остальных мюзик-холлов страны. Сутенеры были не в пример дешевле мистера Гипа, а результаты постановок, во всяком случае, не хуже.

Вскоре О'Каналли выпустил прогремевшую в обеих Америках книгу «Чего мы ждем от искусства — я и моя Китти». Если сочинения мистера Гипа стали в свое время настольными книгами, то произведение сутенера О'Каналли стало библией истинно американских деятелей искусства. Боб привлечен уже, конечно, к консультированию сценариев в Голливуде. Поговаривают, что в ближайшие дни он вместо Гипа будет введен в качестве эксперта по вопросам морали и искусства в состав одной комиссии, направляемой в Европу наводить порядок в ее культуре. Его положение в обществе не в пример тверже и независимей, чем у Реджинальда Гипа в самом зените его славы.

— Подлинно американский критик должен быть материально независим от колебаний конъюнктуры,— заявил он в одном из своих интервью. — Например, я. Если даже меня и постигнет неудача на поприще служения искусству, то я никогда не поступлюсь своими принципами и требованиями, потому что к моим услугам верные и все растущие доходы моей крошки Китти...

Что же касается Реджинальда Гипа, то его недавно приняли факельщиком в объединенную компанию похоронных процессий, потому что у него все-таки интеллигентное лицо.



Почему мы так говорим

РЕБЕНОК

На Руси в глубокой древности нашему понятию семья соответствовало слово челядь, челядо. В состав семейной общины — челяди — входили и полные рабы (облые холопы), и пленные и слуги, и ремесленники, работавшие в хозяйстве, — все, попавшие в рабскую или полурабскую зависимость от господина. Челядью, чадью являлись и дети. Недаром позднейшее слово домочадцы означало всех, живущих в семье. В XVII веке «челядок» означало сын.

Над чадью, челядью стоял глава семьи. Из-за общего подчинения власти главы семьи младших членов семьи называли так же, как и рабов. Робенок, ребенок — производные от роба — раб. Потом от «робенок» образовалось слово «робеть» — становиться подобным ребенку — и прилагательное робкий.

Украинское хлопец — мальчик, сын — тоже производное от холоп...

Следует отметить, что и по-латыни слова семья (фамилия) и слуга (фамулюс) одного корня.

ИРИДИЙ

Словно как снег из тучи иль град холодный, обрушась,
Быстро летит, уносясь проясняющим воздух Бореем, —
Так устремляяся быстрая путь пролетела Ириса...
(Гомер «Илиада»).

Златокрылая Ирис, или Ирида, по древнегреческим сказаниям, была посланницей богов, посредницей их сношений между собой и с людьми. Ирис была олицетворением радуги, соединяющей небо и землю. Ее изображали в виде крылатой девушки, держащей кружку, в которой она приносит воду облакам.

Интересно проследить, сколько слов различного значения образовано от имени Ирис.

Ирис — цветок (из-за радужных лепестков). Ирис — нитки для вышивания (окраска с переливами). Ирис — название сливочных конфет (в первое время «Ирисы» заворачивали в радужную обертку).

Радужную оболочку глаз иначе называют ирисовой. Посредине оболочки находится отверстие зрачка. В объективах фотографических аппаратов диафрагма, созданная по образцу расширяющегося и суживающегося зрачка, носит название «ирисовой».

Когда в 1803 году в платиновых рудах был открыт новый химический элемент, его наименовали иридием — по разноцветным радужным растворам его солей.

И. УРАЗОВ

Из блокнота театрала

Великая Федотова имела огромный успех в пьесе Боборыкина «Ребенок». На закрытом спектакле М. Щепкин так напутствовал юную актрису:

— Не обращай внимания на этот успех,— все радуются на игру девочки, но если ты не пойдешь дальше, то этот успех скоро кончится. Данный тебе дар налагает на тебя большую ответственность. Помни это и работай всю жизнь.

Эту же роль девочки Федотова играла публично, в бенефис артиста Самарина. Артистку помногу вызывали, в антрактах ей приносили от зрителей коробки конфет и фрукты. Но во время вызовов Щепкин, стоявший со своей палкой за кулисами, неизменно повторял дебютантке:

— Хорошо. Но помни, что я говорил тебе.

В своих тетрадях Федотова писала: «Я всегда помню завет Михаила Семеновича и, не умея до седых волос ни одной роли сыграть спустя рукава, не оглядев и не обдумав ее со всех сторон, часто удивляюсь на молодежь, которая иногда от одной удачной роли начинает слишком верить в себя и старается завоевать себе положение не постоянным трудом, а какой-то бесплодной самолюбивой борьбой за роли...»

ШАШКИ

Под редакцией мастера спорта Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

СЛОЖНАЯ КОМБИНАЦИЯ

Эта позиция получилась в партии З. Цирик — Н. Трегубов, игранной в Харькове в 1948 году. Стремясь к осложнениям, белые пожертвовали шашку и заготовили для своего противника чрезвычайно скрытую ловушку. В партии последовало:

1. h2 — g3 ...

угрожая ходом 2. g3 — f4 отыграть пожертвованную шашку.

1. . . . h8 — g7?

На этот ход и рассчитывали белые. Следовало играть 1 ... e7 — f6 с ничьей впереди. Теперь белые проводят сложную комбинацию.

2. a3 — b4! c5 : a3
3. c1 — d2! a3 : c1
4. c3 — b4!! a5 : e1
5. g1 — h2 c1 : f4
6. g3 : a5 e1 : g3
7. h2 : d6, и черные проиграли.

ЖИЗНЬ АМЕРИКАНСКАЯ

(Из американских журналов и газет).

Музейная редкость



Среди аттракционов ярмарки печально бродит бедно одетый человек с женой и двумя взрослыми сыновьями. Все семейство, как зачарованное, останавливается перед яркой рекламой, изображающей скелет.

— Заходите, сэр, заходите! — кричит зазывала. — Единственный в мире живой скелет! Убедитесь собственными глазами! Всего 5 центов с человека!

— Мне бы очень хотелось поглядеть на этот скелет,— отвечает отец семейства,— но мы не в состоянии столько заплатить, хотя все четверо имеем постоянную работу на заводе...

— Постоянную работу?!— раскрывает рот зазывала. — Все четверо? И во всей семье ни одного безработного?! Подождите секундочку: я позову живого скелета! Пусть он на вас посмотрит!

В кулуарах конгресса



1-й конгрессмен. Вы слышали эту историю насчет раскрытия нового красного заговора?

2-й конгрессмен. Ха-ха! Слышал! Я эту историю сам выдумал, коллега!

Выпускник

Студент-дипломник. Что вы мне посоветуете читать после выпуска из колледжа?

Профессор. Отдел спроса на рабочую силу в газетах.

Жрец науки

— Ты все-таки врач, скажи откровенно: есть какой-нибудь толк в патентованном средстве против истощения и переутомления?

— Мне оно сильно помогло.

— Появились здоровье, бодрость?

— Нет, появилась новая вилла: ведь я изобрел это средство!



Имя П. А. Кропоткина присвоено Ленско-Витимскому водораздельному хребту и гольцу в хребте Становом, известны улица и переулок Кропоткина, площадь и набережная его имени в Москве, но никто не знает Земли Кропоткина. Было бы тщетно отыскивать ее на самых подробных картах, однако не потому, что ее вообще не существует, а потому, что она называется не Землей Кропоткина, как бы следовало, а Землей Франца-Иосифа.

П. А. Кропоткин известен как автор «Записок революционера», но не все знают, что он был и выдающимся ученым — географом, исследователем и путешественником.

В 1863 — 1866 годах Кропоткин совершил шесть путешествий по Восточной Сибири и Маньчжурии, пройдя и проехав в общей сложности более 70 тысяч километров.

Перечисляя его заслуги перед русской наукой, академик В. А. Обручев, в частности, указывает, что Кропоткин первым посетил северную часть хребта Большой Хинган, открыл молодые вулканы в Восточном Саяне и в Маньчжурии, совершил большое путешествие с Ленских приисков в Читу, во время которого обнаружил три не известных ранее горных хребта и составил сборник с описанием высот Восточной Сибири. Он выработал оригинальную схему орографии Азии, доказал прежнее оледенение Сибири и разработал теорию ледникового периода.

Вернувшись из Сибири в Петербург, Кропоткин деятельно сотрудничал в Русском географическом обществе. В то время, в 1868—1870 годах, велик был интерес к арктическим исследованиям. «Зашевелилось также, — рассказывает Кропоткин, — и наше географическое общество. Назначена была комиссия, чтобы выработать план русской полярной экспедиции и наметить те научные работы, которые такая экспедиция могла бы выполнить. Я был избран секретарем этой комиссии».

Доклад о плане работ экспедиции, за исключением разделов по ботанике, зоологии и метеорологии, пришлось составлять Кропоткину. В 1871 году план вышел в виде отдельной объемистой брошюры под заглавием «Экспедиция для исследования русских северных морей».

Кропоткин усидчиво трудился над этим докладом, тщательно изучив работы своих предшественников, в частности по вопросу о течениях в Ледовитом океане. Он также детально ознакомился с общими условиями в той области океана, которая простирается к северу и западу от Новой Земли. В результате он пришел к следующим заключениям.

«... вряд ли, — писал Кропоткин, — одна группа островов Шпицбергена была бы в состоянии удержать огромные массы льда, занимающие пространства в несколько тысяч квадратных миль в постоянно одинаковом положении между Шпицбергеном и Новой Землей. Не предоставляет ли нам это обстоятельство, равно как и относительно легкое достижение северной части Шпицбергена, право думать, что **между этим о-вом и Новой Землей находится еще не открытая земля, которая простирается к с. дальше Шпицбергена** (выделено мной.— *Б. М.*) и удерживает льды за собою. Если бы этого материка здесь не существовало, то, вероятно, от действия теченья, несущего (льды. — *Б. М.*) к Ю. З., Нордкап и весь берег Лапландии были бы покрыты вечным льдом. Слабое теплое течение едва ли не уступило бы перед напором ледяных полей с с. в.»

Так было обосновано Кропоткиным существование в Ледовитом океане большой неизвестной земли и указано ее местоположение настолько точно, насколько это можно было сделать, находясь от нее за две с лишним тысячи километров. Оставалось снарядить экспедицию, чтобы добраться до этой земли, но Кропоткин не мог осуществить своего намерения: экспедиция не состоялась, так как министр финансов отказался дать денег на ее организацию, считая по своему невежеству все это дело пустой затеей.

Прошло два года. Северо-западнее Новой Земли была затерта льдами австрийская экспедиция Ю. Пайера и К. Вейпрехта, которая ставила своей целью открытие Северо-восточного прохода. Постепенно дрейфуя на запад, она в августе 1873 года была отнесена к берегам той неизвестной земли, существование которой предсказывал Кропоткин.

Таким образом, Пайер и Вейпрехт, ставившие себе совсем другие задачи, наткнулись на эту землю случайно. В честь австрийского императора они назвали ее Землей Франца-Иосифа.

Таково было это «открытие» поневоле, открытие, которое они даже и не собирались делать. Земля оказалась именно там, где указывал Кропоткин: между Шпицбергеном и Новой Землей, простираясь к северу дальше Шпицбергена. Впоследствии он с горечью писал о том, что другие открыли землю, «которую мы провидели сквозь полярную мглу».

Б. МАСАИНОВ

В свободные минуты

«ВЕЛИКОЕ СЛОВЕНСКОЕ ЧИСЛО»

У древних греков самым большим числом было десять тысяч — «мириа» (кстати, отсюда и современное слово — «мириады»). Нашим далеким славянским предкам это число также казалось таким большим, что они называли его «тьма».

В XVII веке на Руси была создана очень стройная система счисления, названная «великим словенским числом».

Слово «тьма», с которого в то время только начинался крупный счет, обозначало уже не десять тысяч, а тысяча тысяч, то есть миллион.

Вот эта система счисления:
Тьма тем, или легион.
Легион легионов, или леодр.
Леодр леодров, или вóрон.

В одной из рукописей того времени есть упоминание и о бóльшем числе, которое называлось «колода» и равнялось десяти вóронам. Но об этом числе летописец говорит: «сего числа несть больше».

Какое же это наибольшее число в переводе на современное счисление? Попробуйте подсчитать.

ТРИ ЧИСЛА

1. Современная, так называемая «арабская», система счисления (а вернее, «индийская», так как ее создали индусы, а арабы лишь занесли в европейские страны) общеизвестна. Однако, сохранив систему записи чисел, созданную индийцами, европейские народы, в том числе и русские, приняли иную транскрипцию цифр.

Но прежнее («арабское») написание цифр сохранилось и сейчас у многих восточных народов. Одно время оно существовало и у некоторых народов Советского Союза.

Вот, например, на одной из почтовых марок, выпущенных в 1922 году советским Азербайджаном, так обозначена стоимость марки:

١٥٠

Сможете ли вы назвать это число, написанное настоящими «арабскими» цифрами?

2. В литературе и в быту мы часто встречаем более древнюю нумерацию — римскую, созданную с помощью букв.

Римская нумерация также общеизвестна, но достаточно ли хорошо вы ее знаете?

CML m DIC

Назовите это число:

3. На Руси в древности для написания чисел также пользовались буквенной нумерацией. С ней мы и посейчас сталкиваемся в старинных книгах и в специальной литературе.

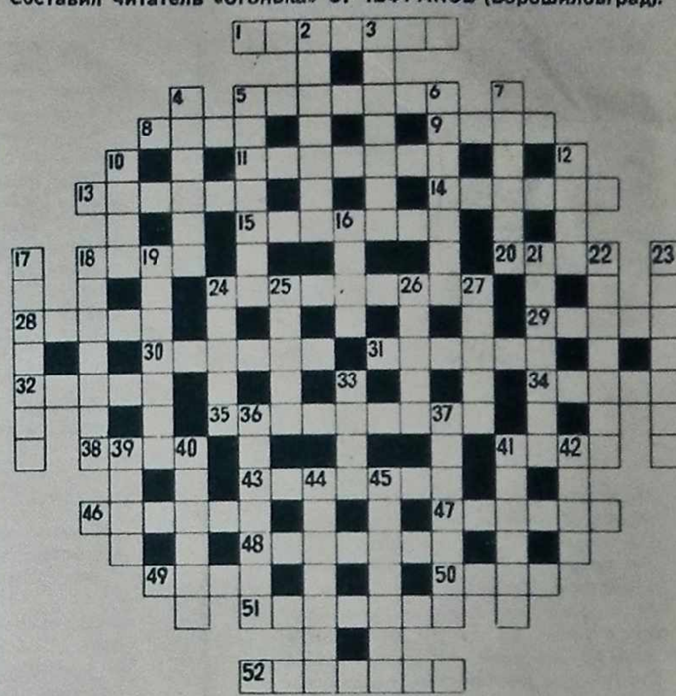
Напомним, что по этой системе счисления первая буква алфавита «аз» со значком над ней означала единицу, буква «веди» — два и так далее.

Теперь назовите это число:

҂҂В҂СПИ МД

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» О. ЧЕФРАНОВ (Ворошиловград).



По горизонтали:

1. Купленная вещь. 5. Тропическое растение. 8. Условная азбука для секретной переписки. 9. Сосуд для питья. 11. Кушанье. 13. Бог солнца у древних греков. 14. Растение. 15. Научный труд. 18. Музыкальный инструмент. 20. Большая гармоника. 24. Первенство по времени в открытии или изобретении. 28. Цитрусовый плод. 29. Спортивная одежда. 30. Способ охоты. 31. Оттиск с типографского набора. 32. Двучлен. 34. Возбудитель инфекционных болезней. 35. Астрономический термин. 38. Спутник Земли. 41. Химический элемент. 43. Искусство ведения боя. 46. Специальность. 47. Способ соединения металлических частей. 48. Музыкальный термин. 49. Композитор. 50. Растение. 51. Посуда. 52. Типографская машина.

По вертикали:

2. Копировальная бумага. 3. Приспособление для прыжка с самолета. 4. Покой. 5. Раздолье. 6. Роман П. Павленко. 7. Производитель работ. 10. Мужское имя. 12. Объединение. 16. Река на Кавказе. 17. Русский изобретатель. 18. Взрывчатое вещество. 19. Исключительное явление. 21. Город в СССР. 22. Частица атомного ядра. 23. Общепризнанный писатель. 24. Кишечно-полостное животное. 25. Сплав никеля с железом. 26. Мешок. 27. Степень жизнедеятельности организма. 33. Средство переправы. 36. Перерыв между актами пьесы. 37. Прекрасное. 39. Задание. 40. Объединение группы лиц для совместной работы. 41. Русский изобретатель. 42. Архитектурное сооружение. 44. Оттенок. 45. Приток Днепра.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 42.

По горизонтали:

1. Трактор. 4. Телефон. 7. Амперметр. 11. Образ. 12. Аскет. 14. Коза. 15. Комсомольск. 16. Укол. 19. Оправа. 21. Андрюша. 23. Архара. 27. «Аврора». 28. Кросс. 30. Колумб. 31. Фуко. 32. Торт. 33. Балл. 34. Трус. 36. Ректор. 37. Азарт. 38. Сирень. 39. Паркет. 41. Киприда. 44. Сахара. 49. Рама. 50. Протекторат. 52. Утес. 55. Анонс. 56. Идеал. 57. Коллектор. 58. Держава. 59. Антенна.

По вертикали:

1. Толокно. 2. Тара. 3. Раздор. 4. Трасса. 5. «Люкс». 6. Новелла. 8. Плясун. 9. Ритм. 10. Ералаш. 11. Обзор. 13. Тыква. 17. Автопортрет. 18. Пролетариат. 20. Платформа. 22. Рион. 24. Робеспьер. 25. Пантера. 26. Окулист. 28. Корма. 29. Старт. 35. Натр. 39. Пароход. 40. Рампа. 42. Ихтиол. 43. Диорит. 45. Автол. 46. Аксиома. 47. Треска. 48. Сатира. 51. Кале. 53. Роса. 54. Шест.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ «ТЕЛЕФОН» (№ 42)

Цифры в номере телефона Гадаева соответствуют размещению букв его фамилии на диске. Поэтому, помня его фамилию, нетрудно набрать и номер.

Номер же телефона его сестры соответствует следующим буквам: В, Б, И, Л, И, К.

Итак, номер телефона Гадаева — Г-1-51-63; фамилия его сестры — Билик.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ В «СТОЛОВОЙ» (№ 42)

Видимое движение солнца в правую сторону. Значит, отраженные от зеркала лучи перемещаются влево (если смотреть со стороны зеркала). Когда солнце светит слева (с востока), то при перемещении лучей влево они будут отходить от окна. Когда солнце светит справа (с юга), то при перемещении лучей влево они будут приближаться к окну.

В условии сказано, что луч приближается к окну. Значит, солнце светило справа, то есть с юга. Следовательно, было обеденное время.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 09573. Подписано к печати 18/X — 49 г. Изд. № 781. 5½ печ. л. Тираж 381.000. Заказ 2371. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ СПОСОБСТВУЮТ ВОССТАНОВЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР.



ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ
шесть основных тиражей выигрышей — 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября; один дополнительный тираж выигрышей 30 сентября каждого года.

В основных тиражах участвуют все облигации, независимо от срока их приобретения. В дополнительных тиражах участвуют облигации, приобретенные не менее чем за 9 месяцев до срока тиража.

В каждом тираже на один разряд займа в один миллиард рублей разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша	В основном тираже	В дополнительном тираже
100.000 рублей	—	1
50.000 рублей	2	5
25.000 рублей	5	25
10.000 рублей	25	80
5.000 рублей	80	800
1.000 рублей	700	2.300
400 рублей	7.688	8.289
ВСЕГО	8.500	11.500

Цена 1 руб.

